

ТЗ(2)
А45

А.И.АЛАТОРЦЕВА

журнал „ИСТОРИК- МАРКСИСТ“

1926 - 1941 гг.

«ТРЕХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ПРИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ. ОТВ. РЕДАКТОР А. В. ШЕСТАКОВ.

ЖУРНАЛ СТАВИТ СВОЕЙ ГЛАВНОЙ ЦЕЛЬЮ НАУЧНУЮ РАЗРАБОТКУ ВОПРОСОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ, КАК В ОБЛАСТИ КОНКРЕТНОЙ ИСТОРИИ И ЕЕ МЕТОДОЛОГИИ, ТАК И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН. ОДНОВРЕМЕННО С ЭТИМ ОДНОЙ ИЗ ПЕРВООЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧ ЖУРНАЛА ЯВЛЯЕТСЯ БОРЬБА С БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛЬЮ ВО ВСЕХ ЕЕ РАЗНОВИДНОСТЯХ, А ТАКЖЕ И С ИСКАЖЕНИЯМИ И ВУЛЬГАРИЗАЦИЕЙ ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА МАРКСА И ЛЕНИНА».

(«Историк-марксист», 1926, № 2)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИСТОРИК
МАРКСИСТ

Ж У Р Н А Л

ТОМ
II

1 9 2 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
МОСКВА

ИСТОРИК
МАРКСИСТ

Ж У Р Н А Л

ТОМ
22

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА - 1931

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР АН СССР

А.И.АЛАТОРЦЕВА

журнал
**„ИСТОРИК-
МАРКСИСТ“**

1926-1941 ГГ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1979

Монография посвящена анализу деятельности первого советского исторического журнала широкого профиля, определению его вклада в развитие советской исторической науки. Основное внимание уделено борьбе советских историков за утверждение марксистско-ленинской концепции исторического процесса, прежде всего по важнейшим проблемам — истории русского революционного движения и трех российских революций.

Ответственный редактор
В. П. НАУМОВ

ВВЕДЕНИЕ

Исторические решения XXV съезда КПСС нацелили советских ученых на дальнейшее углубленное изучение проблем истории мирового революционного процесса, на борьбу с буржуазными и мелкобуржуазными и со всякого рода оппортунистическими течениями и концепциями. Борьба с современной буржуазной идеологией и историографией не может быть успешной без творческого освоения исторического опыта идейной борьбы, которую вели советские историки в процессе утверждения марксистско-ленинской концепции исторического развития.

В становлении и развитии советской исторической науки особую роль сыграла историческая периодика. В условиях, когда начали формироваться новые научные центры, коренным образом перестраивались старые, исторические журналы марксистского направления объединяли, сплачивали немногочисленные тогда кадры историков-марксистов.

Создание в середине 20-х годов журнала «Историк-марксист» явилось одной из конкретных мер по реализации ленинского плана организации советской общественной науки и утверждения в ней марксизма-ленинизма. Основные положения этого плана были определены В. И. Лениным в статье «О значении воинствующего материализма»¹. Первостепенное внимание В. И. Ленин уделял диалектическому подходу, теоретическому осмыслению действительности во всей ее сложности и противоречивости, теоретическому осмыслению истории развития науки. Для марксистской науки, по его мнению, был всегда характерен интерес к новым проблемам, которые выдвигали общественная практика и научное познание,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 23—33.

борьба с буржуазной идеологией, критика ревизионизма и одновременно позитивная разработка проблематики с марксистских позиций.

В. И. Ленин не мыслил создания социалистического государства без привлечения ученых, без использования достижений науки. «С первых лет Советской власти,— говорится в тезисах ЦК КПСС, опубликованных к 50-летию Великого Октября,— наука стала общегосударственным делом, предметом постоянной заботы партии и народа. Советское государство даже в самые тяжелые для страны годы не жалело средств на организацию широкой сети научно-исследовательских учреждений, развитие фундаментальных и прикладных наук, экспериментальной базы научных исследований, подготовку кадров»². Большое значение при этом придавалось развитию общественных наук, и среди них — истории.

Идейные и организационные принципы развития советской исторической науки были разработаны В. И. Лениным и нашли свое отражение в ряде ленинских статей, заметок, правительственных декретов³. Ему принадлежала разработка перспективного плана создания и развития центров советской исторической науки⁴. При этом первостепенное значение В. И. Ленин придавал проблеме наследия, в частности привлечению буржуазных специалистов, использованию их опыта, знаний в интересах строительства нового общества. В привлечении и использовании

---

² 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции: Тезисы ЦК КПСС. М., 1967, с. 44.

³ Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти. набросок плана научно-технических работ.— Полн. собр. соч., т. 36; VIII съезд РКП(б); Ответ на открытое письмо специалиста.— Там же, т. 38; Успехи и трудности Советской власти. Великий почин.— Там же, т. 39; Странички из дневника; О кооперации; Лучше меньше, да лучше; О нашей революции.— Там же, т. 45, и др.

⁴ Смирнов И. С. В. И. Ленин и советская культура. М., 1960; Алексеева Г. Д. В. И. Ленин и создание центров советской исторической науки.— Вопр. истории, 1960, № 4; Городецкий Е. Н. В. И. Ленин и создание центров историко-партийной науки.— Вопросы истории КПСС, 1964, № 8; Алаторцева А. И. В. И. Ленин и создание центров советской исторической науки (Обзор литературы вопроса).— В кн.: Историкографические исследования в Советской Прибалтике и Белоруссии. Рига, 1972; см. также: 50 лет советской исторической науки. 1917—1967. Хроника научной жизни. М., 1971; Ленин и культурная революция. Хроника событий. М., 1972.

старых специалистов В. И. Ленин видел новую форму классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата^{4а}. Бережное отношение к старым научным центрам, максимальное приближение их к нуждам социалистического строительства должно было сочетаться с созданием новых центров, подготовкой новых кадров историков-марксистов. В перспективе с развитием советской исторической науки и утверждением в ней марксистско-ленинской концепции исторического развития неизбежным становилось сближение, слияние старых и новых центров.

В ряде трудов В. И. Ленин разработал план организации советской печати, определил значение ее в революционном преобразовании общества, строительстве социализма, развитии науки и культуры⁵. Глубоко и всесторонне принципы партийной печати были раскрыты В. И. Лениным в статье «Партийная организация и партийная литература»⁶. Он рассматривал партийную печать как составную часть «организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы»⁷. Любое периодическое издание, по его мнению, являлось органом партийной или общественной организации, связано с ними идейными и организационными узами. Периодическое издание должно быть проводником идей партии, ее программных положений, быть помощником в практической деятельности, служить делу пролетариата в его борьбе за диктатуру, создавать «постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от примитивных, утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих)». Пролетарская печать должна носить боевой, активный характер, быть демократичной, поддерживать связь с широкими массами трудящихся, не бояться сотрудничества с «непоследовательными (с марксистской точки зрения) людьми»⁸. Эти ленинские установки в полной мере относятся и к научной периодике, в том числе исторической, равно как и положения об идейности, твердости и ясности политической линии печатного орга-

---

^{4а} См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 165—208, 599, 687, 689—690.

⁵ См.: В. И. Ленин о печати. М., 1974.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 99—105.

⁷ Там же, с. 101.

⁸ Там же, с. 104.

на, непримиримости к проявлениям оппортунизма, к идейным противникам партии. Страстность, принципиальность, боевой наступательный дух, умение политически остро реагировать на важнейшие явления общественной жизни — вот боевые качества печатного органа. Советская периодика, и историческая прежде всего, должна сосредоточить свое внимание на пропаганде марксизма, защите его от извращений буржуазных идеологов, не оставляя без ответа ни одного выступления противников социалистической идеологии. Залогом успешной деятельности периодического органа, по мнению В. И. Ленина, является последовательное соблюдение основных принципов партийной печати, классовый подход, партийное руководство, неразрывная связь с революционным движением, практикой социалистического строительства. Большое внимание В. И. Ленин уделял работе редакционных коллегий, указывая на необходимость согласованности взглядов и убеждений редакции и сотрудников, их приверженности марксистскому мировоззрению, умению наладить творческое общение с авторами, способствовать росту начинающих литераторов, привлечь широкие читательские массы⁹. Ленинские идеи о направленности периодической печати, о партийности изданий и их редколлегий, опыт большевистской печати и публикации в ней работ исторического характера стали той твердой основой, на которой была создана советская периодика, в том числе историческая^{9а}.

Историко-партийные и исторические журналы, а среди них общеисторический орган «Историк-марксист», оказали огромное влияние на процесс формирования советской историографии. Изучение исторической периодики, ее роли в выработке новой проблематики, ее значения в борьбе за утверждение марксизма-ленинизма в исторической науке только начинается. Попытка рассмотрения советской исторической периодики как определенной системы, сложившейся и функционировавшей уже в 20-х — первой половине 30-х годов, была предпринята в «Очер-

---

⁹ В. И. Ленин о печати, с. 301, 429.

^{9а} Представляется интересной попытка рассмотрения ленинских норм периодической печати в статье А. З. Окорокова «В. И. Ленин и партийная журналистика» в сб.: В. И. Ленин о печати.

ках истории исторической науки в СССР», где были обозначены основные вехи формирования исторической периодики, даны характеристики отдельных журналов, значения их для развития советской исторической науки¹⁰. Написанные для «Советской исторической энциклопедии» заметки об отдельных журналах и периодических изданиях носят информационный характер и сообщают минимум фактов о каждом из них. Правда, в последние годы отдельные исторические журналы стали предметом более пристального изучения, результаты которого нашли свое отражение в ряде диссертаций¹¹, монографий¹². Необходимо отметить, что историко-партийные журналы рассматривались, например, при исследовании проблем историографии истории КПСС, ее становления и развития¹³, а также самостоятельно¹⁴. Чаще всего периодические издания используются в работах советских исследователей как исторические источники по проблемам¹⁵. Сравнительно невелики успехи в изучении общественно-политических журналов, на страницах которых печатались исследования исторического характера. Здесь больше сделано историками журналистики¹⁶.

Необходимость изучения советской исторической периодики, равно как изучение центров советской историче-

---

¹⁰ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966, т. IV (автор раздела Г. Д. Алексеева).

¹¹ Шельдышев Э. М. Исторический журнал «Пролетарская революция» — орган Истпарта и Института В. И. Ленина (1921 — 1931 гг.): Автореф. канд. дис. Л., 1972, и др.

¹² Комаренко Н. В. Журнал «Летопис революції». Киев, 1970. На укр. яз.

¹³ Носов А. П. Борьба за партийность исторической науки: Автореф. докт. дис. М., 1969; Гриневич Ю. П. Становление историко-партийной науки и ее развитие в 20-х гг.: Автореф. канд. дис. М., 1969; Кулаков А. А. Из истории создания и деятельности Истпарта: Автореф. канд. дис. Л., 1966; Маслов Н. П. Основные проблемы общей истории КПСС: Автореф. докт. дис. Л., 1969 (опубликована монография), и др.

¹⁴ Ученова В. В. Центральные партийные журналы «Коммунистическая революция» и «Большевик» в годы восстановления народного хозяйства СССР: Автореф. канд. дис. М., 1962, и др.

¹⁵ Тараманов В. Д. Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине в исторических журналах 20-х годов: Автореф. канд. дис. Харьков, 1968. На укр. яз.; и др.

¹⁶ Очерки истории русской и советской журналистики. М., 1964—1968 т. I—II; Максимов А. А. Советские журналы 20-х годов. Краткий очерк журнальной периодики. Л., 1964; У истоков советской журналистики. Л., 1967, и др.

ской науки, вытекает из практической потребности углубленного исследования ленинской программы развития науки.

Изучение периодики, в том числе исторической, имеет множество аспектов. В данной работе нами были поставлены две задачи. Одна из них связана со специфическими чертами и особенностями журнала как научного центра: с его внутренней структурой, основными направлениями, формированием авторского состава, работой редколлегии, кругом читателей, издательской базой и др. Другими словами, речь идет о журнале как историографическом явлении. Этот подход стал традиционным в изучении исторических журналов.

Предпринятое советскими учеными исследование отдельных периодических изданий еще не вполне сомкнулось с разработкой проблем самой исторической науки. В настоящее время наметились лишь подходы к изучению периодики как историографического источника. Включение периодики в состав историографических источников обусловлено утвердившимся в советской исторической науке понятием о предмете историографии, вмещающем не только историю исторической мысли, историю борьбы различных течений в исторической науке, смену проблематики исторических исследований, развитие документальной базы, но и историю системы научных центров, в том числе периодики, а также политику различных классов в области исторической науки, пропаганду исторических знаний, подготовку кадров исторической науки, историческое образование¹⁷.

---

¹⁷ См.: Дискуссия о периодизации истории исторической науки. — История СССР, 1960—1962; *Сахаров А. М.* Предмет и содержание университетского курса историографии истории СССР. — Вопросы истории, 1962, № 8; *Косминский Е. А.* Историография истории средних веков. М., 1963; *Шмидт С. О.* О предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР. — Вопросы истории, 1963, № 8; *Нечкина М. В.* История истории: (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки). — В кн.: История и историки. Сб. ст. М., 1965; *Шмидт С. О.* О методике выявления и изучения материалов по истории исторической науки. — Труды МГИАИ, 1965, т. 22; Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV; *Сахаров А. М.* Некоторые методологические вопросы историографических исследований. — В кн.: Методологические вопросы историографических исследований. М., 1966; *Городецкий Е. Н.* Ленин — основоположник советской исторической науки. М., 1970; *Маслов Н. Н.* Основные этапы развития

Вторая из поставленных нами задач и состоит в исследовании журнала «Историк-марксист» как источника по истории советской исторической науки. Важность изучения периодических изданий как историографических источников определяется задачами, которые стоят перед специалистами по истории советской исторической науки. Сложность решения поставленной в данной монографии задачи обусловлена недостаточной теоретической разработкой принципов изучения исторической периодики во всем ее многообразии¹⁸.

Анализ деятельности журнала «Историк-марксист» приближает нас к раскрытию существенных черт советской исторической периодики и советской исторической науки в целом, помогает обозначить основные направления ее, выявить приемы и методы исторических изысканий, проследить путь научного поиска и формирования научной критики. Не менее важным является изучение организационных форм исторической науки, установление взаимовлияния и взаимозависимости формы и содержания. Периодика открывает богатые возможности исследования в этом направлении.

историко-партийной науки и критерии ее периодизации. М., 1971; *Петряев К. Д.* Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1971; *Варшавчик А. М.* Источники по историографии истории КПСС. М., 1971; *Нарочницкий А. Л.* Преподавание историографии в высшей школе.— Вопросы истории, 1973, № 6; *Нечкина М. В., Горбодецкий Е. Н.* Историографические исследования в СССР.— В кн.: Развитие советской исторической науки. 1970—1974. М., 1975; Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975; *Могильницкий Б. Г.* История исторической мысли как предмет историографического исследования.— В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976; *Сазаров А. М.* Некоторые вопросы методологии историографических исследований — В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977; О некоторых вопросах методологии истории КПСС (дискуссия).— Вопросы истории КПСС, 1976—1977; *Нечкина М. В., Горбодецкий Е. Н.* Развитие советской историографии истории СССР.— В кн.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М., 1978. Вып. 1, и др.

¹⁸ Первые исследования в этом направлении см.: *Дмитриев С. С.* Проблемы источниковедения русской исторической периодики.— В кн.: Симпозиум по актуальным проблемам источниковедения: Материалы к обсуждению (Таллип, 1972). М., 1972; *Алагорцева А. И.* Историческая периодика и преподавание истории исторической науки.— В кн.: Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975, п др.

Таким образом, в монографии предпринята попытка комплексного изучения журнала «Историк-марксист» как историографического явления и как историографического источника. Такой подход к изучению периодических изданий представляется наиболее перспективным и целесообразным, но в то же время таит большие трудности. Особенно сложной и трудоемкой является задача исследования журнала «Историк-марксист» и ему подобных.

Как было определено в программе издания, журнал должен был осуществлять (и осуществлял) широкую публикацию результатов научных исследований советских ученых и критического анализа их работ как в области отечественной, так и в области зарубежной истории. Это был первый советский исторический журнал широкого профиля. Отсюда — широкий диапазон опубликованных в журнале материалов. По мере развития журнала его тематика и проблематика становились все разнообразнее, расширялись хронологические границы исследований. В деятельности журнала можно наметить два периода: 1926—1935, 1936—1941 гг. Рубеж между периодами совпал с новым периодом в развитии советской исторической науки. Из журнала новой и новейшей истории отечественной и зарубежной, каковым это издание было на первом этапе своего существования, он постепенно трансформировался в журнал с фронтальной разработкой проблем всех периодов всемирной истории. Причины и обстоятельства перестройки раскрываются в соответствующих разделах данной работы. В основу периодизации деятельности журнала были положены присущие ему особенности развития, а также закономерности развития советской исторической науки. Столь тесная зависимость журнала от состояния советской исторической науки в целом обусловлена специфическим положением в ней периодики. Последняя в силу своего назначения призвана отражать развитие науки, фиксировать происходящие в науке процессы, учитывать результаты ее развития. В то же время периодика призвана влиять на историческую науку, действовать ее развитию, координировать усилия историков, направленные на разрешение стоящих перед наукой задач. Обе эти функции советской научной периодики выступают в единстве. Именно в таком плане и изучались автором деятельность журнала «Историк-марксист» и его вклад в развитие советской исторической науки.

Становление журнала и первый период его деятельности проходили в условиях острой идеологической и классовой борьбы, в напряженной обстановке выступлений оппозиционных групп в партии¹⁹. Основную опасность в этот период представлял троцкизм, идейный и организационный разгром которого был завершён на XV съезде ВКП(б)²⁰. Обострение внутрипартийной борьбы, попытки возрождения буржуазной и мелкобуржуазной идеологии во всех её формах, в том числе в виде исторических изысканий, явились выражением обострения классовой борьбы в стране в связи с практической постановкой вопроса о перспективах дальнейшего развития социалистической революции, строительства социализма в СССР. Эта борьба во всех сферах общественной жизни в условиях диктатуры пролетариата явилась продолжением классовой борьбы в новых формах. В области идеологической перед Коммунистической партией стояла задача преодоления буржуазной идеологии и утверждения идеологии победившего пролетариата — марксистско-ленинского мировоззрения.

Одной из главных форм утверждения марксизма-ленинизма должна была стать советская историческая наука. Становление её было сложным и сопровождалось острой идейной борьбой с буржуазной и мелкобуржуазной историографией²¹. В эту острую борьбу и включился журнал «Историк-марксист».

К началу его издания советская историческая наука вступила в новый этап своего развития, характерными чертами которого были дальнейшее углубленное и всестороннее освоение историками марксистско-ленинской концепции исторического развития и методологии, соединение марксистско-ленинских положений с конкретно-историче-

---

¹⁹ Подробное см.: История КПСС. 5-е изд., доп. М., 1976.

²⁰ См.: *Поспелов П. Н.* Уроки борьбы ленинской партии против троцкизма. — Коммунист, 1969, № 12; *Борьба В. И. Ленина и Коммунистической партии Советского Союза против троцкизма*: Сб. документов. М., 1970; *На два фронта*, М., 1973; *Исторический опыт борьбы КПСС против троцкизма*. М., 1975; *Дмитренко С. Л.* Борьба КПСС за единство своих рядов. М., 1976; *Иванов В. М., Шмелев А. Н.* Ленинизм и идейно-политический разгром троцкизма. Л., 1970; 2-е изд., 1976; *Слапихин Н. А.* Разоблачение В. И. Лениным теории и практики троцкизма. М., 1977.

²¹ См.: *Очерки истории исторической науки в СССР*, т. IV, гл. I (автор — Е. Н. Городецкий), гл. II (автор — Л. В. Черепнин).

ским материалом и на основе этого — последовательная борьба с буржуазной и мелкобуржуазной историографией. Таким образом, становление советской исторической науки включало утверждение в ней марксистско-ленинского понимания общественных процессов, создание подлинно научной истории.

Овладение марксистско-ленинской концепцией исторического развития, в том числе ленинской концепцией истории развития России, марксистско-ленинской методологией, критика различного рода антимарксистских концепций и всякого рода фальсификаций явились той боевой программой деятельности журнала «Историк-марксист», которую ему предстояло осуществить в первый период своей деятельности. Перед советскими историками стояла задача научного анализа событий всемирно-исторической важности: Великой Октябрьской социалистической революции, углубления кризиса капитализма, крушения колониальной системы.

Поставив во главу угла изучение истории Октября, редколлегия журнала развернула фронтальное исследование истории мирового революционного процесса, в ходе которого внимание было обращено на освещение истории революционного движения в России, прежде всего XIX—XX вв., западноевропейских буржуазных революций XVII—XIX вв., международного рабочего, социалистического и коммунистического движения, национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран и др. Другими словами, советские историки включились в разработку проблемы большой теоретической важности — о единстве мирового революционного процесса, о путях и формах революционного преобразования как в отдельных странах, так и в международном масштабе во всем их многообразии.

История революций, их закономерность, характер, движущие силы, классы, политические группировки и партии, политические платформы и т. д. — вот примерный круг вопросов, которые рассматривали советские историки, изучая общие закономерности революционного развития общества, постигая особенности в зависимости от эпохи и места действия. Состояние проблемы единства мирового революционного процесса, составной частью которой является проблема перехода от капитализма к социализму, ленинская теория социалистической революции, было по-

казателем степени овладения советскими историками марксистско-ленинской концепцией исторического развития.

Невозможно в рамках данного объема монографии одинаково полно рассмотреть и проанализировать материалы по всем указанным аспектам проблемы, проследить процесс становления марксистско-ленинской концепции того широкого круга тем, что получили освещение в журнале²². Поэтому пришлось пойти на ограничения и сосредоточить внимание на проблемах трех российских революций и революционном движении России XIX—XX вв. Выбор именно этих проблем не нуждается в большом обосновании. Несомненно, они являлись и являются центральными проблемами отечественной истории, на них сосредоточилась и продолжает сосредоточиваться критика буржуазных и мелкобуржуазных идеологов и историков²³.

Утверждение в середине 30-х годов в советской исторической науке марксистско-ленинской концепции исторического развития позволило приступить к созданию мно-

---

²² Только анализ опубликованных в журнале «Историк-марксист» материалов по всемирной истории может составить самостоятельное исследование. Частично эта работа на материале журнала проделана советскими историками, и ее результаты нашли отражение в ряде трудов: *Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки*. М., 1977; *Альперович М. С.* Советская историография стран Латинской Америки. М., 1968; *Вайнштейн О. Л.* История советской медиевистики. 1917—1966. Л., 1968; *Удальцова З. В.* 50 лет советского византиноведения. М., 1968; *Никифоров В. Н.* Советские исторки о проблемах Китая. М., 1970; *Дунаевский В. А.* Советская историография новой истории стран Запада. 1917—1941 гг. М., 1974; *Галкин И. С.* В. И. Ленин и развитие советской историографии новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977, и др.

²³ См.: *Критика новейшей буржуазной историографии* Л., 1976; *Зырянов П. Н., Шелозаев В. В.* Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М., 1976; *Исторический опыт Великого Октября и критика буржуазной историографии*. М., 1977; *Великий Октябрь, рабочий класс и современная буржуазная историография*. М., 1977; *Игрицкий Ю. И.* Критика антикоммунизма и антисоветизма. М., 1977; *Салов В. И.* Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977; *Якушевский И. Т.* Революция и современность. Л., 1977; *Методология исторического познания и буржуазная наука*. Казань, 1977; *Игрицкий Ю. И.* Исторические завоевания Великого Октября и мифы антикоммунизма. М., 1978; см. также: *Против буржуазной фальсификации истории КПСС и советского общества*: Указ. литературы. Л., 1974.

готовных обобщающих трудов по всемирной истории и истории СССР. Столь грандиозный замысел потребовал дальнейшего углубленного изучения всего исторического процесса в «горизонтальном» и «вертикальном» аспектах, что означало охват большего числа стран и географических регионов, разработку сюжетов не только периодов новой и новейшей истории, но и древнего мира, средних веков, первобытнообщинного строя. На осуществление этой задачи была нацелена советская историческая наука, на решение ее была направлена и деятельность журнала «Историк-марксист». Весь второй период его существования прошел в проблемной и тематической перестройке в свете постановлений партии и правительства 1934—1936 гг., прерванной Великой Отечественной войной.

Опубликованный во второй половине 30-х — начале 40-х годов в журнале материал чрезвычайно разнообразен по содержанию. В то же время ввиду небольшого отрезка времени отдельные проблемы и темы лишь обозначены и не получили полного раскрытия. Это потребовало при работе над монографией другого подхода к указанному материалу. Анализ его, равно как и анализ деятельности журнала, шел под углом зрения выяснения участия «Историка-марксиста» в решении главной задачи советских историков того времени — создании учебников и обобщающих трудов, которое было сопряжено с критикой враждебных марксизму-ленинизму концепций.

Руководящее значение для написания монографии имели труды В. И. Ленина, постановления партии и правительства по идеологическим вопросам. Потребовалось изучение факторов общественно-политической и научной жизни страны на протяжении 20-х — начала 40-х годов и их влияния на развитие исторической науки²⁴. Монография создавалась с учетом достижений советской исторической науки, которые были обобщены в ряде работ²⁵.

---

²⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 томах. М., 1964—1970. Т. I—IV; История СССР. М., 1966—1973. Т. VII—X.

²⁵ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955—1966. Т. I—IV. Очерки по историографии советского общества. М., 1967; В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968; Советская историческая наука от XX к XXII съезду партии. М., 1969; Вопросы истории советского общества в трудах В. И. Ленина. М., 1970; В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической

Специальная литература о журнале почти отсутствует. В период существования журнала появление его отдельных номеров отмечалось в обзорах и рецензиях исторических и общественно-политических журналов «Большевик», «Пролетарская революция», газете «Правда» и др. Краткая характеристика журнала была дана в ряде монографий советских исследователей²⁶. Специальный раздел — «Историк-марксист» и его работа по изучению вопросов отечественной истории в 1926—1929 гг.» — посвятила журналу В. А. Дорошенко в диссертации «Коммунистическая академия и ее роль в разработке вопросов отечественной истории» (М., 1968). Следует принять общий вывод автора о том, что научно-исследовательская работа журнала положила начало изучению многих проблем отечественной истории и что журнал последовательно проводил политику по разоблачению буржуазной и мелкобуржуазной историографии.

Высоко оценена деятельность журнала в статье, посвященной 50-летию со дня создания «Историка-марксиста»²⁷. По словам А. М. Сахарова, журнал был глашатаем и пропагандистом революционной науки о прошлом, ее боевым оружием и аккумулятором ее быстро накапливавшегося опыта, ее трибуной и кафедрой одновременно²⁸.

Одним из главных источников работы, как уже сказано, явился сам журнал «Историк-марксист». В течение 1926—1941 гг. вышло 94 номера журнала. Опубликованные в нем исследовательские статьи, документы, рецензии, официальные материалы послужили ценным источником как по истории создания журнала, авторскому составу, связям

России. М., 1970; В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970; История и историки: Историографические ежегодники за 1970—1976 гг. М., 1972—1979; Развитие советской исторической науки. 1970—1974 гг. М., 1975; Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М., 1978. Вып. I—II; *Нарочницкий А. Л.* Изучение отечественной истории: результаты и проблемы. — Коммунист, 1978, № 16, и др.

²⁶ *Иванова Л. В.* У истоков советской исторической науки (Подготовка кадров историков-марксистов). М., 1968; *Соколов О. Д.* М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970, п др.

²⁷ *Сахаров А. М.* Журналу «Вопросы истории» — 50 лет. — Вопросы истории, 1976, № 6. Указанный журнал стал преемником «Историка-марксиста».

²⁸ Там же, с. 4.

с другими научными учреждениями, так и по формированию его проблематики, выработке основных направлений его деятельности.

К числу печатных источников, использованных в монографии, относятся комплекты журналов — современников «Историка-марксиста»: «Пролетарская революция», «Вестник Комкадемии», «Борьба классов», «Исторический журнал», «Летописи марксизма», «Каторга и ссылка», «Новый Восток», «Большевик», «Коммунистическая революция», «Книга и пролетарская революция», «Печать и революция», «Красная летопись», «Коммунистический Интернационал» и др.

Большое значение имели архивные источники. В общей сложности были изучены материалы свыше 10 фондов в архивах ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ЦГАОР, ЦГА РСФСР, АН СССР, рукописных отделов Института истории СССР АН СССР и Библиотеки им. В. И. Ленина. Среди них фонды ряда учреждений: Общества историков-марксистов²⁹, Института истории Комкадемии и Института истории АН СССР, редакционно-издательского отдела Комкадемии и АН СССР, Института красной профессуры (ИКП), Российской ассоциации научно-исследовательских учреждений общественных наук (РАНИОН), Комуниверситетов: имени Я. М. Свердлова, трудящихся Востока; личные фонды.

Особое место среди перечисленных фондов занимает, конечно, фонд самого журнала «Историк-марксист», хранящийся в архиве АН СССР. К сожалению, сохранилась лишь часть архива журнала, примерно до 1935 г. Попытки архива за 1935—1941 гг. пока не дали положительных результатов. Документы архивного фонда журнала включают протоколы отдельных заседаний редколлегии, переписку с авторами и учреждениями, планы отдельных номеров, небольшое количество внутриредакционных рецензий и оригиналов статей. Столь обширное обследование журнала и использование его материалов в научном исследовании было осуществлено впервые.

Впервые также введены в научный оборот и материа-

---

²⁹ Ценная подборка документов из фонда Общества историков-марксистов, посвященных журналу «Историк-марксист», была опубликована в «Вопросах истории» (1976, № 6), вводная статья и комментарий Б. В. Левшина.

лы отдельных единиц хранения архивного фонда Общества историков-марксистов (ОИМ), а также достаточно известных в советской историографии личных фондов М. Н. Покровского, В. И. Невского, А. В. Шестакова, Ем. Ярославского. Последнее важно не только в плане раскрытия темы исследования, но и для выявления роли указанных историков в становлении советской исторической науки.

Автор приносит благодарность сотрудникам Сектора истории исторической науки Института истории СССР АН СССР, а также товарищам Е. Н. Городецкому, В. Е. Иллерицкому, Т. В. Осиповой, А. А. Преображенскому, В. М. Селунской, А. Ф. Смирнову, С. В. Тютюкину за ценные пожелания.

Большую помощь в поисках материалов оказали сотрудники Архива АН СССР — им сердечное спасибо.

СОЗДАНИЕ ЖУРНАЛА. ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ НАУЧНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

ЖУРНАЛ —
ОРГАН ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ
И ИНСТИТУТА ИСТОРИИ

Середина 20-х годов в истории развития нашей страны была переломным временем, когда происходили коренные сдвиги в соотношении классовых сил и экономических укладов. Эти процессы были зафиксированы в решениях XIV партийной конференции РКП(б) в апреле 1925 г. Партия провозгласила переход страны к социалистической реконструкции на основе индустриализации¹. Борьба Коммунистической партии за развернутое социалистическое строительство протекала в условиях ожесточенного сопротивления враждебных классов, в сложной обстановке на идеологическом фронте. Перед советскими историками стояла задача идейного разгрома и преодоления буржуазной и мелкобуржуазной историографии, утверждения марксистско-ленинской исторической концепции. В этих условиях была необходима консолидация немногочисленных, но постоянно растущих кадров историков-марксистов. В результате мероприятий партии и правительства в стране была создана система научных центров и учебных заведений по общественным наукам².

Исторические исследования, подготовка документальных публикаций велись Институтом К. Маркса и Ф. Эн-

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. (далее: КПСС в резолюциях и решениях...). М., 1970, т. 3, с. 251—252.

² 50 лет Советской исторической науки. 1917—1967: Хроника научной жизни; Культурная жизнь в СССР: Хроника. М., 1975. Т. I. 1917—1927; 1976. Т. 2. 1928—1941 и др.

гельса, Институтом В. И. Ленина, Истпартом, секцией истории революционного движения Комкадемии, институтами РАНИОН, Центрархивом, Всероссийской научной ассоциацией востоковедения, Обществом старых большевиков, Обществом бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Научная работа велась и в учебных заведениях: университетах и комуниверситетах, Институте красной профессуры. В рамках Академии наук продолжали свою деятельность комиссии — Археографическая и Историческая.

Деятельность перечисленных учреждений, наличие такого марксистского центра общественных наук, как Коммунистическая академия, появление ряда общеполитических, философских и историко-партийных журналов подготовили почву для объединения сил историков-марксистов в научное общество. Предпосылки такого объединения были обусловлены успешным завершением первого этапа в развитии исторической науки: была создана система марксистских научно-исследовательских и учебных учреждений исторического профиля, реформированы старые научные центры, расширилась подготовка кадров советских историков. Ряды их пополнились первыми выпускниками советских исторических вузов.

Обозначились основные направления исследований историков-марксистов: история Великой Октябрьской социалистической революции, международное рабочее, социалистическое и коммунистическое движение, национально-освободительная борьба колониальных и зависимых стран, история развития социалистических идей, ленинизм, история Коммунистической партии, история Коминтерна и др. От создания научно-популярных брошюр, используемых для воспитания широких трудящихся масс в духе революционных традиций, историки перешли к углубленной разработке основных проблем исторического процесса на основе марксистско-ленинской теории.

Создание и деятельность Общества историков-марксистов (ОИМ), сплотившего на базе марксизма-ленинизма историков-марксистов старшего поколения и выпускников советских исторических вузов, открывали новые возможности для развития советской историографии. Идеино-организационные принципы объединения марксистских научных сил были сформулированы В. И. Лениным. Он положительно относился к первым попыткам такого рода

объединений. Достаточно вспомнить, что современники считали Ленина «духовным отцом» Всероссийской научной ассоциации востоковедения (ВНАВ), созданной в 1921 г.³ Характерно, что среди специалистов, которых Ленин рекомендовал привлечь для работы в ассоциации, были беспартийные ученые, т. е. речь шла о совместной работе беспартийных ученых с коммунистами под идейным руководством последних. Положительный опыт организации и работы ВНАВ широко использовался при создании ОИМ. Оно мыслилось как широкое объединение советских историков, что и было отмечено при решении вопроса о названии общества⁴. История создания ОИМ, основные моменты его деятельности уже получили освещение в советской исторической литературе, поэтому нет необходимости останавливаться на этом подробно⁵. Созданное в 1925 г. ОИМ представляло собой добровольную общественную организацию историков единого идейного направления, призванную осуществлять научную разработку вопросов истории, отечественной и зарубежной, и марксистской методологии истории, вести борьбу против всякого рода извращений истории буржуазными и мелкобуржуазными историками, пропагандировать и популяризировать достижения марксистов в области истории. Важно подчеркнуть, что такого рода консолидация советских

---

³ *Гурко-Кряжин В. А.* 10 лет востоковедной мысли.— *Новый Восток*, 1927, № 19, с. XLV. Об активном участии Ленина в организации ВНАВ вспоминал М. П. Павлович. См.: *Памяти Павловича (Вельмана)*. М., 1928, с. 49.

⁴ М. Н. Покровский подчеркивал, что общество «не должно замыкаться в узких рамках объединения только историков-коммунистов, не должно отталкивать от себя беспартийную марксистскую профессуру, а должно ставить своей задачей распространение марксистского влияния на всю профессуру». См.: *Архив АН СССР*, ф. 638, оп. 2, д. 66, л. 3.

⁵ *Очерки истории исторической науки в СССР*. М., 1966, т. IV, гл. IV (автор — Г. Д. Алексеева); *Дорошенко В. А.* Образование и основные этапы деятельности Общества историков-марксистов.— *Вестник МГУ*. Сер. IX. История, 1966, № 3; *Иванова Л. В.* У истоков советской исторической науки. М., 1968; *Соколов О. Д.* М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970; *Алаторцева А. И.* Журнал «Историк-марксист» — орган Общества историков-марксистов и Института истории Комкадемии.— *История и историки. Историографический ежегодник*. 1971. М., 1973; *Алексеева Г. Д.* Из истории создания Общества историков-марксистов при Комкадемии ЦИК СССР.— В кн.: *Вопросы историографии и источниковедения*. Казань, 1974.

историков была подготовлена постановлениями и мероприятиями партии и правительства в области общественных наук начиная с первых лет существования Советской власти. ОИМ было конкретным проявлением политики Коммунистической партии в области исторической науки. ОИМ получало повседневную помощь от Агитпропа ЦК ВКП(б). Тесные контакты с Агитпропом установились уже в период подготовки создания ОИМ. Такой важный в программном отношении документ, как Устав Общества, стал предметом пристального изучения в Агитпропе и был утвержден после тщательного его рассмотрения⁶. Постоянной формой связи являлись регулярные отчеты ОИМ в ЦК ВКП(б), что свидетельствовало о важной роли, которую было призвано сыграть Общество в идеологической жизни страны⁷. В организационно-распределительный отдел ЦК ВКП(б) сообщались сведения о составе ОИМ, что давало возможность постоянно и широко привлекать членов Общества к практической работе по реализации партийных постановлений в области идеологии⁸. По заданию ЦК ВКП(б) ведущие советские историки были привлечены к участию в работе юбилейных комиссий по празднованию 10-летия Великого Октября, 20-летия первой русской революции 1905—1907 гг., 100-летия восстания декабристов, 100-летия со дня рождения Н. Г. Чернышевского, 50-летия со дня смерти М. А. Бакунина, 50-летия партии «Народная Воля» и др. По решению ЦК ВКП(б) и МК партии члены ОИМ участвовали в массовой лекционной пропаганде в период 25-летнего юбилея революции 1905 г., а члены Общества П. О. Горин, А. М. Панкратова, С. Е. Сеф, Г. С. Фридлянд, А. В. Шестаков приняли участие в подготовке тезисов Культпропа ЦК ВКП(б) «К 25-летию юбилею революции 1905 г.»⁹. Это лишь крупные вехи в деятельности ОИМ. Партия придавала большое значение Обществу как одному из центров по координации научно-исследовательской работы в стране, как проводнику идей партии в области исторической науки. Оценка деятельности ОИМ была дана в постановлении ЦК ВКП(б) 1927 г.

---

⁶ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 1, л. 3.

⁷ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 60, ед. хр. 88, л. 5.

⁸ Там же, ед. хр. 237, л. 3.

⁹ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 102, л. 19.

«О работе Комакадемии», в котором отмечалось «заметное оживление научной работы» в ряде учреждений академии, в том числе в Обществе¹⁰.

Большим достижением ОИМ было издание с весны 1926 г. своего печатного органа¹¹ — журнала «Историк-марксист».

К середине 20-х годов был накоплен уже значительный опыт по изданию советских исторических и общественно-политических журналов. Первые советские исторические журналы были тесно связаны с научными центрами, органами которых они являлись. Журналы «Пролетарская революция» (1921—1941), «Каторга и ссылка» (1921—1935), «Новый Восток» (1922—1930), «Красный архив» (1922—1941) и другие своим рождением были обязаны первым научным центрам, созданным после Октябрьской революции: Истпарту, Обществу бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, ВНАВ, Центрархиву.

Журнал «Историк-марксист» заметно отличался от других исторических журналов 20-х гг. До тех пор каждое из упомянутых изданий было посвящено разработке одной из отраслей исторического знания или крупной проблеме. Новый журнал был первым марксистским периодическим изданием как по отечественной, так и по всемирной истории. Другой особенностью издания явился методологический аспект разрабатываемых журналом проблем. Подобный подход диктовался стоявшей перед советскими историками задачей повышения идейно-теоретического уровня исследований. Журнал должен был стать трибуной пропаганды марксистско-ленинского мировоззрения в исторической науке, вести решительную борьбу с враждебными марксизму течениями. Сложность обстановки на идеологическом фронте второй половины 20-х годов, вызванная обострением классовой борьбы и

---

¹⁰ Известия ЦК ВКП(б), 1927, № 28, с. 9. Это дало возможность М. Н. Покровскому в одном из отчетных докладов о деятельности Комакадемии особо отметить актуальный характер работы ОИМ, подчеркнув связь его с проблемами, над которыми в тот момент работала партия. См.: Вестник Комакадемии, 1927, № 22, с. 16.

¹¹ Подробнее см.: *Алаторцева А. И.* К истории создания журнала «Историк-марксист» — Советские архивы, 1969, № 2; *Она же.* Журнал «Историк-марксист» — орган ОИМ и Института истории Комакадемии; *Сахаров А. М.* Журналу «Вопросы истории» — 50 лет. — Вопросы истории, 1976, № 6.

выступлениями антипартийных группировок в связи с развертыванием социалистического строительства, требовала выработки четкой программы журнала. Решающее влияние на становление его оказали постановления партии по идеологическим вопросам, ленинские принципы партийной и научной печати. Важнейшие ленинские положения: диалектический подход к анализу конкретных вопросов современной революционной практики и всей исторической действительности, последовательная, принципиальная, непримиримая борьба с реакционной буржуазной идеологией как составная часть общего процесса формирования научного мировоззрения, соединение критики с позитивной разработкой актуальных проблем, использование результатов и достижений прогрессивных представителей буржуазной науки, усиление влияния марксистской теории среди творческой интеллигенции — имели программный характер и открывали широкие перспективы в деятельности журнала как боевого марксистского органа¹².

Идейное руководство журналом «Историк-марксист» непосредственно и через ОИМ осуществляли Отдел печати и Агитпроп ЦК ВКП(б). Отдел печати оказывал постоянную помощь журналу. Туда направлялись отчеты о деятельности журнала, там утверждался состав редколлегии. В свою очередь редколлегия журнала по заданиям директивных органов проводила работу по рецензированию текущей исторической литературы, в том числе учебников и учебных пособий, составляла обзоры и сводки о современном состоянии исторической науки и др. Формы связи и помощи были выработаны на совместном совещании представителей Отдела печати, руководящих работников ОИМ и редакции журнала в апреле 1927 г.¹³ Еще раньше, в 1926 г., Отдел печати обратился к ряду ведущих историков, в том числе к ответственному редактору журнала А. В. Шестакову, с вопросами о состоянии исторической периодики в стране¹⁴. Характер вопросов

---

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 23—33.

¹³ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 2, л. 142; Историк-марксист, 1927, № 4, с. 278.

¹⁴ В ответ на запрос Шестаков представил свой проект реорганизации советских исторических журналов, предложив, в частности, превратить журнал «Пролетарская революция» в научный

свидетельствовал о стремлении Отдела печати упорядочить и перестроить систему периодических изданий в соответствии с задачами советской исторической науки и ее уровнем, усилить плановое начало. Докладные записки историков должны были лечь в основу разрабатываемого Отделом печати ЦК ВКП(б) единого общего плана развития советской исторической периодики¹⁵. В ходе его подготовки требовали своего детального рассмотрения вопросы содержания исторических журналов, характер публикуемого материала, авторский состав, принципы работы редколлегии, тираж, объем.

Важное значение в определении перспектив дальнейшего развития исторической периодики в целом имели решения ЦК ВКП(б) от 1926 г. об улучшении издания журналов «Пролетарская революция» и «Красная летопись»¹⁶. Особое внимание обращалось на характер публикуемых в журналах материалов: упор делался на научно-исследовательские работы в противовес материалам мемуарным¹⁷.

Уже первые номера «Историка-марксиста» свидетельствовали о том, что руководство ОИМ и редколлегия правильно поняли стоявшую перед ними задачу создания научно-исследовательского общеисторического журнала. Содержание первых номеров журнала, его авторский состав обеспечили успех всему изданию. Строгий тематический отбор, оригинальный характер исследований, их высокий научный уровень, актуальность были положены в принципы работы редколлегии журнала. Современники отмечали популярность нового издания среди научных работников, преподавателей, методистов-историков. Редколлегия сумела выбрать проблематику, которая больше всего отвечала требованиям советской исторической науки и классовой борьбы.

журнал по истории партии, а все материалы по истории России передать в журнал «Историк-марксист». См.: Архив АН СССР, ф. 638, оп. 2, д. 69, л. 46, 46об.

¹⁵ Частью этого плана должна была стать работа по созданию архива периодической печати, которую вел Агитпроп ЦК ВКП(б) в конце 20-х годов. См.: РО ГБ им. В. И. Ленина, ф. 384, оп. 11, д. 18, л. 1.

¹⁶ Известия ЦК ВКП(б), 1926, № 42, с. 3.

¹⁷ К XV съезду ВКП(б). М., Л., 1927, т. 2. Отчеты отделов, с. 351.

Появление первого номера было отмечено в партийной прессе¹⁸. Опубликованные в журнале исследования получили высокую оценку в журнале «Большевик»¹⁹.

Журнал создавал возможность для сплочения советских историков. В своей деятельности редколлегия «Историка-марксиста» опиралась на помощь и поддержку ОИМ²⁰. На первых порах почти 100% авторского коллектива составляли члены Общества. На страницах «Историка-марксиста» регулярно печатались отчеты о деятельности ОИМ, информация о заседаниях Совета, работе секций, Президиума Комакадемии. Активное участие журнал принял в подготовке и проведении I Всесоюзной конференции историков-марксистов. Совет Общества неоднократно подчеркивал в резолюциях своих заседаний необходимость всемерной поддержки журнала²¹. Будучи трибуной ОИМ, журнал пропагандировал научную работу его секций и комиссий, помещая на своих страницах результаты исследований, стенографические отчеты о научных заседаниях, отдельные доклады, статьи²². В первые годы существования журнала для него было характерно увлечение докладами, что было вызвано отчасти особенностями этого этапа развития марксистской исторической науки, когда результаты исследований проходили проверку в коллективных обсуждениях и дискуссиях, и недостатком кадров, отсутствием должного количества оригинальных статей. По мере развития «Историка-марксиста» появились новые источники, откуда черпался материал для журнала. Доклады в ОИМ носили творческий характер, касались неисследованных или малоизученных

---

¹⁸ Правда, 1926, 15 июня, 7 июля.

¹⁹ Большевик, 1926, № 23—24.

²⁰ За время существования Общества журнал и его редакционные дела были неоднократно предметом обсуждений на общих собраниях, заседаниях Совета ОИМ и его президиума, члены редколлегии входили в руководящие органы: Совет ОИМ, президиум, бюро секций, участвовали в разработке перспективных планов исследовательской работы ОИМ. См.: Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 14, л. 34; ф. 638, оп. 2, д. 2, л. 201 об.; д. 66, л. 4; д. 69, л. 1; Историк-марксист, 1927, № 4, с. 276.

²¹ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 32, л. 202.

²² В журнале было опубликовано 50% общего числа докладов, прочитанных в Обществе в 1925—1932 гг. (подсчеты проведены по данным: Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 69, л. 1—3; Историк-марксист, 1926—1932, № 1—28.)

в марксистской историографии проблем. На первых порах внимание редколлегии журнала привлекали прежде всего доклады, посвященные юбилеям историко-революционных событий или общественно-политических деятелей. Празднование таких юбилейных дат было своеобразной формой пропаганды марксистского взгляда на историю. Единство действий редколлегии журнала и руководства ОИМ неоднократно проявлялось при обсуждении узловых проблем советской историографии. Среди ведущих тем журнала, так же как и Общества, были история Великой Октябрьской социалистической революции, первой русской революции 1905—1907 гг., Французской революции конца XVIII в., национально-освободительного движения и др. Переход с конца 20-х годов к планомерной научно-исследовательской работе стал для Общества закономерным и имел огромное значение для журнала. Это давало возможность ставить и решать крупные теоретико-методологические проблемы отечественной и всемирной истории, что как нельзя лучше отвечало требованию XV съезда партии об усилении внимания к вопросам теоретической работы и научного исследования.

В Обществе и на страницах «Историка-марксиста» развернулись дискуссии о термидоре, о финансовом капитализме в России, о Н. Г. Чернышевском, о партии «Народная Воля» и др.

При всем тематическом разнообразии работа ОИМ и журнала велась под углом зрения борьбы с буржуазной и мелкобуржуазной историографией, с различного рода попытками оппозиционеров и оппортунистов фальсифицировать историю. В центре внимания паходились проблемы методологии истории. С этой точки зрения большое значение имели результаты прошедших на страницах журнала и в Обществе дискуссий о марксистском понимании социологии, об отношении к современной буржуазной социологии, о новых буржуазных течениях в историографии. По инициативе ОИМ была начата дискуссия о социально-экономических формациях, которая оказала значительное влияние на развитие советской историографии. Дискуссия явилась важной вехой в овладении советскими историками наследием классиков марксизма-ленинизма. Советские историки приняли активное участие в идейном разгроме троцкизма и правого оппортунизма, борьбу с которыми вела партия большевиков.

Конец 20-х годов в жизни нашей страны отмечен широким развертыванием строительства социализма. Большую роль в борьбе партии за построение социалистического общества сыграла XVI конференция ВКП(б), проходившая весной 1929 г.²³ Решающее значение имел факт принятия пятилетнего плана развития народного хозяйства — научно обоснованной программы построения фундамента социалистической экономики. Отныне плановое начало ставилось во главу угла развития народного хозяйства. В полной мере это относилось и к развитию науки. Участники партийной конференции поставили вопрос об организации центра по планированию научно-исследовательских работ во всесоюзном масштабе. Практическим осуществлением партийных директив явились всесоюзные конференции марксистско-ленинских учреждений, итоги которых были подведены в постановлении ЦК ВКП(б) о мероприятиях по укреплению научной работы²⁴. Партия отмечала успешное развитие научно-исследовательских учреждений, становление более совершенных форм в виде институтов, обращала внимание на плановое развитие науки, на необходимость рационального использования научных кадров. Эти же вопросы получили свое дальнейшее рассмотрение в постановлении ЦК ВКП(б) «О научных кадрах», в котором были сформулированы принципы подбора и подготовки кадров научных работников, указывалось на важность подготовки национальных кадров²⁵. Роль всесоюзного центра по планированию научно-исследовательской работы отводилась Коммунистической академии. Руководствуясь решениями партийных съездов, конференций, постановлениями ЦК ВКП(б), Коммунистическая академия приступила к реорганизации входивших в ее состав учреждений. Событием большой важности явилось создание в системе академии Института истории²⁶. Практически важное значение

---

²³ XVI конференция ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1962, с. 229, 247—251.

²⁴ Справочник партийного работника. М., 1930. Вып. 7, ч. 2.

²⁵ Там же.

²⁶ Подробнее о создании Института и его деятельности см.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV, гл. IV (автор — Г. Д. Алексеева); *Алаторцева А. И.* Журнал «Историк-марксист» — орган Общества историков-марксистов и Института истории Коммунистической академии.

имело при этом рассмотрение вопроса о его создании в ЦК ВКП(б)²⁷. Создание Института истории Комкадемии в 1929 г. стало возможным благодаря успехам, достигнутым общественными науками, в том числе историей, за первое десятилетие после победы Октября. К числу достижений относилось и создание первого объединения советских историков — ОИМ. Новое историческое учреждение — Институт истории явился результатом плодотворной деятельности ОИМ по идейному объединению кадров советских историков на базе марксизма-ленинизма. Выполнение столь серьезных задач не могло быть успешным без специального периодического органа. Журнал «Историк-марксист» отражал на своих страницах основные направления исследовательской, научно-методической, пропагандистской работы Общества. Изучение ведущих проблем советской историографии шло в журнале в плане историографическом и методологическом, в постоянной борьбе против буржуазных и мелкобуржуазных, троцкистско-меньшевистских концепций за утверждение марксистско-ленинского понимания важнейших событий мирового исторического процесса.

С 1930 г. журнал стал органом не только ОИМ, но и Института истории Комкадемии. Основные направления исследовательской работы института были определены директивами по составлению плана Комкадемии на 1929—1930 гг. и задачами идеологической борьбы партии²⁸. Среди ведущих тем института были изучение истории рабочего класса в СССР, изучение истории народов СССР, широкая разработка проблем истории Запада, в том числе истории II Интернационала, истории империализма и революционного движения в колониальных странах и т. д.²⁹

В выполнении тех важных задач, которые стояли перед институтом, большую помощь должен был оказать журнал «Историк-марксист». Однако перестройка тематических планов журнала в соответствии с планами института проходила медленно. Формальная передача «Историка-марксиста» институту не сделала его на первых порах органом нового учреждения. Потребовались боль-

²⁷ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 33, л. 27.

²⁸ XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1961, с. 357.

²⁹ Вестник Комкадемии, 1929, № 33, с. 180.

шие усилия партийных органов, руководства Комкадемии, дирекции института, редколлегии, чтобы добиться перелома в совместной работе журнала и Института истории. При всей неполноте и разнохарактерности опубликованного в журнале материала он может служить одним из источников по истории Института. На страницах «Историка-марксиста» получила отражение исследовательская работа, которая развернулась в секциях и комиссиях Института.

Становление исторического центра совпало с новым этапом социалистического строительства, сопровождавшимся обострением классовой борьбы, в том числе в области идеологии. Всесторонняя оценка момента и вытекающих из него задач была дана в постановлении ЦК ВКП(б) от 15 марта 1931 г. «Все силы научных работников на теоретическую разработку проблем социализма и классовой борьбы пролетариата»³⁰. Как на главный недостаток научной работы партия указывала на отставание от практики социалистического строительства. Подчеркивалась такая отличительная черта марксистской науки, как партийность, непримиримость к враждебным марксизму течениям. Задача преодоления отставания теоретической работы от практики социалистического строительства и разработки проблем мирового коммунистического движения стояла и перед советскими историками. Постановка ряда методологических проблем: об идейных корнях большевизма, о революционных традициях, о социально-экономических формациях, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую; дискуссия о положении на так называемом «западном участке» исторического фронта и о другом — отвечали интересам развития идеологической работы партии. Решение этих проблем, в которых журнал «Историк-марксист» принимал постоянное участие, проходило в обстановке непрекращавшейся борьбы Коммунистической партии с антипартийными уклонами. В начале 30-х годов главную опасность, как указывалось на XVI съезде ВКП(б), представлял правый уклон³¹. «Разоблачить тео-

³⁰ Правда, 1931, 18 марта; Справочник партийного работника. М., 1934, вып. 8, с. 310—312.

³¹ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 4, с. 417; см. также: Ваганов Ф. М. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром. М., 1975; 2-е изд. М., 1977.

ретические истоки правого уклона, показать близость к антимарксистским, буржуазным течениям,— говорилось в передовой статье «Вестника Комакадемии»,— задача дня»³². При этом партия, отмечая существование примиренческих настроений к троцкизму, подчеркивала необходимость продолжения борьбы с остатками троцкизма, его идеологии³³. Борьба партии с антипартийными уклонами требовала четкого размежевания в среде историков.

2 ноября 1931 г. состоялось заседание Президиума ОИМ с обсуждением политического значения письма И. В. Сталина в журнал «Пролетарская революция», в котором особо подчеркивалась важность и необходимость борьбы против троцкизма³⁴. Секциям Общества было дано указание приступить к критической проверке исторической литературы, учебников, периодических изданий. Члены ОИМ мобилизовывались для проведения докладов по поводу письма И. В. Сталина. В течение ноября собрания по обсуждению письма прошли по всем учреждениям Комакадемии, и в конце ноября Президиум подвел первые итоги. Деятельность ОИМ, Института истории и журнала «Историк-марксист» была подвергнута суровой критике³⁵.

Подводя итоги обсуждений, можно указать на практические выводы, которые были сделаны советскими историками. Первый из них состоял в необходимости поднять политический и теоретический уровень исторических работ. Вторым — научно-методологический — предполагал всемерное расширение изучения наследства классиков марксизма-ленинизма, постановку новых проблем международного коммунистического движения, создание новой отрасли исторической науки: истории социалистического строительства. Исследовательская работа Института истории планировалась по четырем главным проблемам: истории русского империализма, истории массовых организаций диктатуры пролетариата, истории революционного движения в национальных областях СССР, исто-

³² Вестник Комакадемии, 1930, № 39, с. 6—7.

³³ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 4, с. 417.

³⁴ Подробнее см.: Варшавчик М. А., Спирип Л. М. О научных основах изучения истории КПСС. М., 1978.

³⁵ Вестник Комакадемии, 1932, № 1-2, с. 27, 40, 42; ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 30, л. 14; см. также раздел: «Деятельность редколлегий журнала».

рии борьбы западноевропейского пролетариата за диктатуру³⁶.

Редакционные планы журнала «Историк-марксист» в связи с этим были пересмотрены. Планируя исследовательскую работу, отдельные группы и секции института включали обязательным пунктом систематическое сотрудничество с журналом, прежде всего регулярное снабжение рецензиями и обзорами литературы³⁷. Анализ содержания «Историка-марксиста» за 1929—1935 гг. — время существования Института истории Комкадемии — показал, что 65—70% материалов, опубликованных в журнале, было подготовлено сотрудниками института. Институт являлся научной базой журнала. Выбор и постановка тех или иных проблем исследования определялись развитием классовой борьбы, борьбой за построение социализма.

Конкретная программа исследований была развернута перед советскими историками в решениях XVII съезда ВКП(б). В условиях завершения строительства социализма советская историческая наука должна была стать одним из важнейших участков идеологической и теоретической работы партии. «Жгучие проблемы современного этапа, — подчеркивалось в передовой статье журнала «Историк-марксист», — историческая наука должна разрабатывать методами конкретно-исторического исследования»³⁸. Это означало дальнейшее углубленное изучение всего исторического процесса в целом. Большое методологическое и практическое значение для развития советской исторической науки и исторического образования в стране имели постановления партии и правительства 1934—

---

³⁶ В свою очередь, каждая крупная проблема включала серию более узких тем. По первой проблеме предполагалось изучение истории трех российских революций, по третьей — изучение истории народов СССР, по четвертой — истории массового рабочего движения, происхождения мировой войны, критика фашистских концепций исторического процесса. Традиционным для советской историографии было изучение истории западноевропейских революций XIX в. Особое внимание уделялось истории западноевропейского рабочего и социалистического движения, зарождения марксизма. См.: Историк-марксист, 1932, № 6, с. 144—146.

³⁷ Вестник Комкадемии, 1931, № 10-11, с. 86.

³⁸ Историческую науку на уровень великих задач. Итоги XVII съезда ВКП(б) и задачи большевистских историков. — Историк-марксист, 1934, № 2, с. 5.

1936 г.³⁹ и последовавшая перестройка всей научно-исследовательской работы, реорганизация системы научных учреждений.

В феврале 1936 г. было опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации Коммунистической академии и передаче ее институтов и учреждений в Академию наук СССР»⁴⁰. На основе этого постановления Президиум АН СССР 15 февраля 1936 г. принял решение о создании в системе Академии Института истории⁴¹.

Новый исторический центр создавался на базе Института истории Коммунистической академии и Историко-археографического института АН СССР. Исторические исследования сосредоточивались в институтах востоковедения, истории материальной культуры, этнографии, мирового хозяйства и мировой политики. Институт истории был определен головным учреждением в области истории. Изменился состав периодических изданий⁴².

Роль ведущего журнала советских историков отводилась «Историку-марксисту».

Гриф Института истории АН СССР стоял уже на первом в 1936 г. номере журнала. И хотя этот номер был подписан 9 марта, т. е. после постановления Президиума о создании Института истории АН СССР, тематика его статей, естественно, оставалась в русле исследований Института истории Коммунистической академии и была посвящена революции 1905—1907 гг. Значительное место в номере заняла подборка материалов специальной рубрики «На фронте исторической науки». В нее вошли постановления партии и правительства по историческому образованию. Начиная с первого номера и на протяжении 1936 г. в «Историку-марксисте» печатались сообщения о собраниях, на которых сотрудники научно-исследовательских

---

³⁹ Подробнее см. гл. III данной работы.

⁴⁰ Правда, 1936, 8 февр.

⁴¹ Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1-а, д. 2, л. 88; Историк-марксист, 1936, № 2, с. 172; Фронт науки и техники, 1937, № 6, с. 114.

⁴² Со второй половины 30-х годов началось издание «Исторического архива», «Вестника древней истории», «Исторических записок», «Военно-исторического журнала», периодических сборников «Советская археология», «Советское востоковедение» и др. Продолжали выходить: «Красный архив», «Пролетарская революция», «Исторический журнал» и др.

институтов и преподаватели вузов страны обсуждали постановления партии и правительства в области истории.

Связь журнала с институтом налаживалась с трудом. Отчасти это было вызвано известной самостоятельностью журнала. Редакционную коллегию, штаты редакции и смету журнала утверждал ЦК ВКП(б), финансировался журнал через издательство (с 1936 г. таковым являлось издательство «Правда») ⁴³. Неясными оставались взаимоотношения редакции с дирекцией института: в какой мере институт должен был и мог оказывать свое влияние на журнал, так как последний перед ним не отчитывался.

В сентябре 1936 г. Президиум АН СССР, рассматривая положение в журналах бывшей Комкадемии, обратил внимание на совершенно недостаточную связь «Историка-марксиста» с институтом и предложил обсудить этот вопрос на совместном заседании редакции и дирекции ⁴⁴. Трудность заключалась в том, что сам институт истории — основная исследовательская база журнала — переживал организационный период. Определяющим в создании его и планировании работы явились постановления и директивные указания партии и правительства. Реорганизацию института, подчеркнул в докладе на общем собрании сотрудников 27 февраля 1936 г. его директор Н. М. Лукин, нужно рассматривать «в связи с целым рядом правительственных и партийных постановлений, касающихся преподавания истории и развития исторической науки у нас в Советском Союзе» ⁴⁵. Ведущее место в исследовательских планах института на 1936 г. отводилось истории народов СССР. Эта задача была возложена на самый многочисленный сектор — сектор истории СССР ⁴⁶. Под углом зрения разработки проблематики истории народов СССР строилась работа других секторов ⁴⁷.

---

⁴³ Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1-а, д. 28, л. 24.

⁴⁴ Там же, д. 2, л. 25 об., 26.

⁴⁵ Там же, д. 1, л. 1.

⁴⁶ Историк-марксист, 1936, № 2, с. 172.

⁴⁷ В частности, сектор истории средних веков принял решение обратить внимание на разработку проблем, связывающих историю Запада с историей СССР, среди них — история славянских народов, история Византии, история колонизации Прибалтийских стран и др. (См.: Историк-марксист, 1936, № 6, с. 250). Кроме указанных секторов, были созданы секторы Древнего мира, новой истории, археографии.

Слабым местом в работе института оставался вопрос кадров. На это обстоятельство указывалось при обсуждении состояния института в Президиуме АН СССР. В постановлении Президиума от 5 апреля 1937 г. по докладу дирекции института отмечалась неудовлетворительная постановка научно-исследовательской работы, медленное развертывание работы по написанию многотомной истории СССР и всемирной истории, недостаточное внимание созданию учебников⁴⁸. Специальный пункт постановления касался журнала «Историк-марксист», в частности отмечалось отсутствие контроля со стороны дирекции над журналом⁴⁹.

В последующий период шла деятельная перестройка всех звеньев института: формировались кадры, совершенствовалась структура. Ведущее место в планах института отводилось созданию многотомной истории СССР и всемирной истории, написанию учебников⁵⁰. В плане решения стоящих перед Институтом истории АН СССР задач особая роль принадлежала «Историк-марксисту». Однако редакция по-прежнему испытывала затруднения во взаимоотношениях с институтом. Нередки были случаи, когда обращения журнала к институту оставались без ответа. По мнению ответственного секретаря журнала Б. К. Рубцова, «лишь очень узкий актив авторов близко интересовался работой «Историка-марксиста»⁵¹. О недостаточном участии сотрудников Института истории в работе журнала говорилось в докладе его ответственного редактора Н. М. Лукина в феврале 1938 г. По подсчетам редакции, лишь 35,7% авторского состава были сотрудниками института⁵².

Несмотря на трудности, в «Историке-марксисте» была организована сравнительно регулярная информация о деятельности института. По мере укрепления контактов сообщения становились все более развернутыми и разнообразными⁵³. Опубликованные в журнале материалы сви-

---

⁴⁸ Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1 (1937), д. 3, л. 2.

⁴⁹ Там же, л. 3.

⁵⁰ Историк-марксист, 1939, № 2, с. 197—198.

⁵¹ Там же, 1938, № 3, с. 150.

⁵² Там же, с. 149.

⁵³ В отделе «Хроника» постоянно освещались заседания Ученого совета, секторов, содержалась информация об обсуждении докладов, монографий, коллективных трудов, о защитах диссер-

детельствовали о возрастающей активности научной жизни института. Усилия советских ученых были сосредоточены на создании учебников, написании многотомных обобщающих трудов⁵⁴. Сравнительный анализ печатной продукции «Историка-марксиста» с исследовательскими планами института, с тематикой докладов на ученом совете и в секторах дает основание сделать вывод, что с конца 30-х годов между журналом и институтом установилась тесная научно-организационная и идейная связь. Журнал не формально, а по существу являлся органом Института истории. Налаживая связь с институтом, редколлегия журнала опиралась прежде всего на тех авторов, которые сотрудничали в нем на протяжении ряда лет⁵⁵. Активизация научной жизни института, которая наблюдалась в эти годы, способствовала созданию прочной базы для формирования тематики «Историка-марксиста». Как указывалось в отчетном докладе за 1939 г. на сессии Отделения истории и философии АН СССР, Институт истории по выпуску продукции вышел на одно из первых мест среди других учреждений Академии⁵⁶.

Большой резонанс в научной жизни страны имели проходившие в институте дискуссии. На протяжении ряда лет на заседаниях и на страницах «Историка-марксиста» советские ученые обсуждали вопрос о периодизации всемирной истории, о характере общественного строя Киевской Руси, об образовании Русского государства, о формировании белорусской и украинской народностей

таций, анализировались текущие и перспективные планы исследований и др.

⁵⁴ Историк-марксист, 1937, № 6, с. 265; РО Института истории СССР АН СССР, ф. Ю-р, 090, д. 1, л. 2; д. 2, л. 1. Подробнее см. гл. III работы.

⁵⁵ В постоянном контакте с журналом находились члены сектора истории средних веков Е. Косминский, Н. Грацианский, В. Стоклицкая-Терешкович, В. Лавровский, С. Сказкин и др. Для сотрудников сектора стало обычной формой участия в работе «Историка-марксиста»: публикация статей, докладов, обзоров, рецензий. В авторский актив входили многие сотрудники сектора новой истории во главе с заведующим А. Ефимовым. Постоянно печатались в журнале Р. Авербух, В. Хвостов, В. Потемкин, С. Куниский и др. По-прежнему публиковались сотрудники сектора истории СССР А. Шестаков, А. Сидоров, Е. Мороховец, А. Понов, А. Гуковский, Д. Баевский и др.

⁵⁶ Историк-марксист, 1940, № 4-5, с. 150.

и др.⁵⁷ Активно прошла важная для советской историографии дискуссия по проблеме абсолютизма и самодержавия. Журнал выступил с предложением обсудить спорные вопросы славянофильства и др. Наряду со всепоглощающей работой по созданию многотомников и учебников по истории, шла монографическая разработка отдельных тем: истории Великой Октябрьской социалистической революции, революционного движения XIX в. в России, Французской революции конца XVIII в., буржуазных западноевропейских революций XIX в. и др. На страницах журнала постоянно публиковались отдельные разделы и главы этих монографий⁵⁸. Сравнительный анализ печатной продукции института и содержание критико-библиографического отдела журнала показал, что редколлегия «Историка-марксиста» широко информировала научную общественность о результатах исследовательской работы сотрудников института⁵⁹. Регулярно печатались отзывы на выпускаемые институтом «Материалы по истории народов СССР», отдельные публикации источников. В свою очередь силами сотрудников института рецензировался через журнал основной поток исторической продукции, выпускаемой в стране. Большую роль сыграли сотрудники института в пропаганде наследия классиков марксизма-ленинизма⁶⁰. Для обогащения исследовательской тематики журнала имело значение дальнейшее совершенствование структуры института, создание в конце 30-х годов новых секторов: истории СССР советского периода, новейшей истории, истории колониальных и зависимых стран, славяноведения и др.⁶¹ Сравнение печат-

⁵⁷ Архив АН СССР, ф.457, оп. 1 (1941), д. 9, л. 9. Подробнее см. гл. III.

⁵⁸ Были опубликованы главы будущих книг О. Пятницкого об Октябрьском восстании 1917 г. в Москве, А. Молока об июльской революции 1830 г., Е. Тарле о преринальском восстании 1795 г. и др.

⁵⁹ Среди многочисленных отзывов журнала рецензии на фундаментальные исследования Е. Косминского об английской деревне XIII в., Ф. Иотемкина о Лионском восстании, Б. Грекова о Киевской Руси и др.

⁶⁰ В частности, по инициативе сектора истории средних веков были опубликованы в журнале рецензии на издание «Хронологических выписок» К. Маркса. См.: РО Института истории СССР АН СССР, ф. Ю-р, 090, оп. 1, д. 1, л. 19; Историк-марксист, 1939, № 3, 5—6; 1940, № 12.

⁶¹ Архив АН СССР, ф. 457, оп. 1 (1941), д. 9, л. 10. Кроме секторов, был создан ряд групп: по истории Москвы, по истории Английской революции XVII в. и др.

ной продукции журнала с архивными материалами фонда Института истории АН СССР позволило установить высокий вклад «Историка-марксиста» в освещение деятельности научного центра, периодическим органом которого он был на протяжении пяти с половиной лет. Сложнее было проследить влияние журнала на тематику исследований института. Сказалось отсутствие архива журнала за эти годы. Существенную помощь здесь оказали те немногочисленные примечания от редакции, которыми порой сопровождалась информация журнала или публикуемая в порядке дискуссии статья. Главное, конечно, в той активной позиции, которую занимала редколлегия журнала при решении порой острых проблем советской историографии.

Широко публикуя результаты работы Общества историков-марксистов, институтов истории Комкадемии и АН СССР, редколлегия журнала проводила при этом отбор материала, предъявляя высокие в целом требования к научному уровню статей и рецензий, требуя актуальности, концентрируя внимание исследователей на наиболее важных проблемах отечественной и всемирной истории.

СТРУКТУРА ЖУРНАЛА

И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ^{61a}

Структура журнала «Историк-марксист» формировалась в соответствии с его основными задачами как общеполитического органа, отражавшего состояние всех отраслей исторического знания. Отсюда полифонический характер публикуемого материала как по содержанию, так и по форме. Стремление полнее и разнообразнее отразить научную деятельность привело к использованию в «Историке-марксисте» различных жанров. Основные отделы: статьи, доклады, материалы, преподавание истории, критика и библиография, хроника — определились с первых номеров. В целом структура «Историка-марксиста» была аналогичной структуре других советских исторических журналов. В отличие от журналов «Пролетарская революция», «Красная летопись», «Летописи революции»,

---

^{61a} Этот раздел полностью опубликован в виде статьи (см.: История и историки: Историографический ежегодник. 1972. М., 1973, с. 57—77), что дает право изложить его в монографии сокращенно.

«Каторга и ссылка» в журнале «Историк-марксист» мемуары не печатались, не получила широкого распространения на его страницах публикация документов. Как показало исследование структуры журнала за 15 лет его существования, ведущее положение принадлежало исследовательским статьям: они занимали от одной трети до половины общего листажа, отдел «Критика и библиография» — в среднем 17—20%, хронике отводилось 3—5%. Отдел «Статьи» отличался большим тематическим разнообразием, но можно наметить ряд тем, которые постоянно присутствовали в журнале: история трех российских революций, революционное движение XIX в. в России, история народов СССР. В 30-е годы постоянными стали еще темы социально-экономической истории русского государства, истории партии.

Ведущими темами по всемирной истории в журнале были история Великой Французской буржуазной революции конца XVIII в., западноевропейские революции XIX в., Парижская Коммуна, международное рабочее, социалистическое и коммунистическое движение, национально-освободительная борьба колониальных и зависимых стран. В середине 30-х годов появились первые исследования по истории средних веков, древнего мира. Журнал обратился к освещению проблем археологии, этнографии, вспомогательных исторических дисциплин и др. Таким образом, ведущую тенденцию развития журнала можно обозначить как стремление ко все большему расширению тематики и проблематики отечественной и всемирной истории, расширению хронологических рамок исследований.

В специальном отделе журнала печатались прочитанные в ОИМ и Институте истории Комкадемии доклады. По своему тематическому направлению доклады перекликались со статьями. Особое значение этого отдела в том, что он непосредственно отражал состояние научной жизни, научный поиск. В ряде случаев журнал печатал стенограммы заседаний, в первую очередь тех, на которых ставились вопросы проблемно-методологического характера. Материалы отдела «Доклады» свидетельствовали о большой критической работе советских историков, направленной против буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. С начала 30-х годов публикация стенограмм заседаний прекратилась, доклады печатались в переработанном виде.

В отделе «Преподавание истории» печатались доклады членов методической секции ОИМ, обзоры методической литературы, учебников. На страницах этого отдела журнала велась дискуссия о путях и формах преподавания исторических дисциплин в вузах и школах. В материалах отдела во второй половине 30-х годов большое место заняли публикации постановлений партии и правительства по вопросам исторического образования, статьи по методике преподавания истории в вузах, информация о работе первых исторических факультетов, о работе над учебниками и др.

Говоря о проблематике статей за весь период существования журнала «Историк-марксист», можно отметить стремление его редколлегии к пропорциональному освещению проблем отечественной и всемирной истории. История советского общества занимала в журнале (при отдельных отклонениях) ведущее положение, являясь стержнем, вокруг которого группировался материал по другим периодам отечественной истории. Регулярная публикация статей по истории периода феодализма началась в журнале с середины 30-х годов.

Центральное место занимали статьи по новой истории. В первый год существования журнала всемирная история была представлена только статьями по новой истории. Это положение отражало состояние кадров специалистов: основная масса советских историков работала по новой истории, новейшая история разрабатывалась слабее, древняя и средневековая все еще находились в руках старых кадров, воспитанных в буржуазной школе. К середине 20-х годов можно говорить об известном выделении новейшей истории из публицистики по вопросам текущей политики. «СССР и капиталистические страны» — первая тема по новейшей истории, к которой обратился журнал в связи с 10-летием Великого Октября. Печатавшиеся в «Историке-марксисте» статьи по новейшей истории носили исследовательский характер. Первенство журнала в научном подходе к изучению проблем новейшего периода очевидно, а вклад журнала значителен. В своих исследованиях авторы «Историка-марксиста» обращались прежде всего к истории Франции, Германии, Англии. Советская американистика делала первые шаги: опубликованные в журнале статьи были посвящены революционному подъему, рабочему движению и нацио-

нально-освободительной борьбе в странах Латинской Америки. В освещении ряда проблем всемирной истории журнал уступал другим изданиям. Слабая работа секции истории Востока ОИМ не способствовала созданию обширного и прочного авторского коллектива востоковедов. Опубликованные в «Историке-марксисте» статьи были посвящены проблемам национально-освободительного движения народов Востока в новое и новейшее время⁶². В середине 30-х годов появились первые статьи по древнему периоду истории Востока, средневековью.

Анализ статей без анализа материалов других его отделов не дает общего представления о тематической направленности журнала. Только тщательное изучение материалов отдела «Критика и библиография» дало возможность проследить содержание журнала «Историк-марксист». В целом материалы отдела были посвящены задачам борьбы с буржуазной и мелкобуржуазной историографией, созданию марксистско-ленинской исторической критики. Формирование отдела происходило на основе Постановления ЦК РКП(б) 1925 г. по вопросам критики и библиографии⁶³. Материалы отдела «Критика и библиография» журнала «Историк-марксист» значительно обогащают представление о направлениях как самого журнала, так и советской исторической науки вообще, что дает возможность проследить и выявить особенности в исследовании отдельных вопросов⁶⁴.

Сравнительный анализ критико-библиографических отделов ряда советских исторических и критико-библиографических журналов периода 20—30-х годов показал, что журнал «Историк-марксист» содержал наиболее широкую информацию о трудах советских историков с обоснованным критическим анализом. Критика велась с марксистско-ленинских позиций, была принципиальной, партийной, отличалась высоким научным уровнем.

---

⁶² Подавляющее большинство статей по истории Востока печаталось, однако, в журналах «Новый Восток», «Проблемы Китая», а также «Тихий океан», «Мировое хозяйство и мировая политика». В двух последних печаталось и подавляющее большинство статей по новейшей истории.

⁶³ Известия ЦК РКП(б), 1925, № 13—14, с. 7.

⁶⁴ Первому появлению в журнале статей по проблемам русского феодализма, западноевропейскому средневековью, истории первобытного общества и другим предшествовала большая работа отдела «Критика и библиография».

Учитывая однородность состава отдельных рубрик отдела «Критика и библиография» критические статьи, обзоры, рецензии объединены в данной работе под условным названием «рецензии». Подавляющее число их составляли рецензии на монографии: в среднем до 70% общего листажа отдела. Преобладающими были рецензии на монографии отечественных авторов по истории СССР. В первые годы существования журнала наибольшее число отрецензированных работ относилось к периоду капитализма и истории советского общества. Внимание рецензентов привлекали монографии по истории русского революционного движения, социально-экономической истории XIX в. Значительную группу составляли рецензии на монографии и публикации по истории Великой Октябрьской социалистической революции. Особо надо отметить многочисленные рецензии на работы по истории партии.

Для второй половины 30-х годов характерна некоторая перегруппировка материалов отдела «Критика и библиография»: около половины всех рецензий на работы советских авторов (а среди последних — на монографии по отечественной истории) составляли рецензии на работы по истории периода феодализма. Журнал откликнулся на появление работ по проблемам общественного строя Киевской Руси, крестьянских восстаний, социально-экономических отношений Русского государства и др.

Подавляющее число рецензий на монографии отечественных авторов по всемирной истории составляли рецензии на исследования по новой истории с весьма разнообразной тематикой, в том числе по истории западноевропейских буржуазных революций XIX в., общественной мысли, деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса, рабочего и социалистического движения, Парижской Коммуны и др. Рецензии на монографии советских авторов по новейшей истории охватывали в основном работы о международном коммунистическом движении. Анализ критико-библиографического отдела журнала «Историк-марксист», сопоставление с информацией «Книжной летописи» за эти же годы дало основание сделать вывод о широком освещении на страницах журнала выходившей исторической продукции.

В журнале систематически анализировались исторические работы зарубежных авторов. В общем потоке этой литературы рецензентов привлекали исследования преж-

де всего по истории западноевропейских революций XIX в., международных отношений, по проблемам методологии и историографии. Рецензируя буржуазных историков, историки-марксисты исходили из ленинских принципов критики, вскрывали классовую, партийную позицию авторов работ, полемизируя с буржуазной и мелкобуржуазной историографией с позиций марксистского мировоззрения. Большое внимание авторы рецензий уделяли анализу методологии исторических исследований зарубежных историков, подчеркивая паучную несостоятельность буржуазной социологии, ее зависимость от буржуазной идеологии. В середине 30-х годов советские историки усилили работу по разоблачению фашизма, прежде всего германского. Анализируя германскую литературу этого периода, советские ученые показали, что фашистская идеология получила распространение в кругах реакционных историков еще до прихода Гитлера к власти. Торжество гитлеризма в ней было подготовлено той агрессивной борьбой, которую вела реакционная немецкая буржуазная историография против марксизма.

В журнале получили отзывы немногочисленные тогда работы прогрессивных авторов, писавших о международных отношениях и о роли Советского Союза в борьбе за мир и безопасность.

Рецензировалась в журнале и мемуарная литература. Критическое рассмотрение белоэмигрантской мемуарной литературы являлось составной частью борьбы журнала с буржуазной историографией. Немалое место в планах журнала отводилось разоблачению различного рода измышлений и клеветы, содержащихся в вышедших к тому времени мемуарах организаторов антисоветской интервенции. Особенно широким фронтом развернулась критическая работа по анализу мемуаров зарубежных авторов во второй половине 30-х годов. Наряду с этим рецензировались воспоминания участников трех российских революций, народнического движения и др. Ценность мемуарных источников, по мнению рецензентов, в достоверности сообщаемых сведений. В ряде рецензий анализировались приемы публикации: наличие указателей, примечаний, предисловий, анализ источника, времени его возникновения и др. В общем объеме материала отдела «Критика и библиография» рецензирование мемуарной литературы занимало скромное место. Однако значение

опубликованных в «Историке-марксисте» рецензий заключалось в широкой постановке вопроса о принципах публикаций и использовании мемуарной литературы как исторического источника.

Серьезное внимание уделяла редколлегия журнала рецензированию документальных публикаций, значение которых в создании источниковой базы исследований. Это были те «точки роста», которые оказывали особое влияние на развитие всей исторической науки, а отсюда такое внимание ведущего журнала именно к публикациям. Количество рецензий на документальные публикации непрерывно возрастало. Традиционными для журнала являлись рецензии на документальные издания по истории партии: переиздания партийной периодики, протоколов партийных съездов, конференций, документов Коминтерна, на издания собраний сочинений и отдельные работы классиков марксизма-ленинизма, их соратников по революционной борьбе.

В журнале «Историк-марксист» систематически велась разработка принципов публикации документальных материалов. В этом смысле лучшие рецензии «Историка-марксиста» интересны наличием в них четких требований к публикациям документальных материалов: необходимый минимум документов по каждому вопросу, общая методологическая и методическая установка в их подборе. При этом во внимание принималась новизна источника, его достоверность. Следующий важный этап, по мнению рецензентов, наступал при археографической обработке документов. Непременным условием были соответствие подлиннику, сохранение орфографии, точный перевод с иностранного языка. Рецензенты учитывали также политическое воздействие на читателя. Одним из компонентов научного аппарата любой публикации являются примечания, комментарии. Рецензенты обращали внимание на оценку в комментариях состояния архивных источников, их происхождения, приемов их обработки, на содержательность критической оценки. Общая постановка проблемы, выяснение различных точек зрения по данному вопросу — все, что способствует ориентации в материале, как подчеркивали рецензенты, должно было составить содержание предисловия или вводной статьи. При оценке зарубежных изданий рецензенты требовали характеристики общественно-политических и научных взглядов публика-

тора. Рецензии на документальные публикации оказали значительное влияние на разработку методологических основ советского источниковедения.

Положительно можно оценить и стремление редколлегии журнала к постоянному освещению состояния исторической периодики в стране. Обзоры отечественной исторической периодики и иностранных исторических журналов регулярно печатались в «Историке-марксисте». Особенностью обзоров журнала была характеристика всей тематики исследований и документальных публикаций, того или иного журнала. Наряду с анализом содержания журналов по существу, некоторые из обзоров включали ряд замечаний общего характера о направлениях развития советской исторической периодики, содержали замечания о методике исторического исследования.

Описательность, слабый анализ исследуемого сюжета, необъективность, односторонность в оценках и другие недостатки были присущи ряду рецензий журнала. Однако в подавляющем большинстве они отвечали задачам марксистской научной критики: были партийны, актуальны, содержали историографический подход.

Тематическое разнообразие критико-библиографического отдела не могло быть достигнуто без привлечения широкого круга авторов-рецензентов, не только историков-марксистов, но и историков старой школы. Разнообразен круг авторов, чьи работы рецензировались в журнале, обширен состав научных учреждений и обществ, продукция которых рассматривалась на страницах журнала. Среди них первое место принадлежало изданиям институтов истории Комкадемии, АН СССР, Центрархиву, Истпарту, институтов К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина (а затем — ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)) и др. Наибольший удельный вес среди издательств, продукция которых рецензировалась в журнале, занимало Государственное издательство. Во второй половине 30-х годов широко рецензировались издания Партиздата. Рецензирование было очень оперативно: сразу вслед за выходом книги появлялась рецензия.

Постоянным в «Историке-марксисте» был отдел «Хроника». В своей массе информация носила фрагментарный характер, сообщала отрывочные сведения. С начала 30-х годов с созданием Института истории Комкадемии хроника журнала сделалась более развернутой и

интересной по содержанию. В поле зрения редакции па- ходилась работа советских ученых по созданию истории фабрик и заводов, истории гражданской войны в СССР и др. Во второй половине 30-х годов в отделе «Хроника» «Историка-марксиста» появились рубрики «Историческая наука в СССР» и «Историческая наука за рубежом».

Несмотря на стремление редколлегии журнала охва- тить как можно больше научных учреждений и дать о них информацию, говорить о журнале как о достаточно полном источнике по истории отдельных научных цент- ров не приходится. Но в сочетании с информацией, содержащейся в других периодических изданиях тех лет, с архивными источниками хроника журнала «Историк- марксист» дает общую картину развития советской исто- рической науки в ее организационных формах.

Анализ содержания «Историка-марксиста» выявил ос- новные направления его деятельности. Журнал был со- здан и развивался как журнал советской исторической мысли: основу его составляли научные исследования, будь то статьи, сообщения, доклады, рецензии. В первые годы существования журнала в центре внимания истори- ков находились проблемы истории русских и западноев- ропейских революций. Предпосылки революций, движу- щие силы, характер, программы классов и партий — вот неполный перечень вопросов, которые ставили советские ученые и решали на материале революций различных эпох и стран. Принципиально важное значение имело участие журнала в борьбе с меньшевистскими, эсеровски- ми, троцкистскими схемами революций, антимарксист- скими концепциями буржуазной науки, оппортунистиче- скими и ревизионистскими измышлениями лидеров II Интернационала.

С конца 20-х годов советские историки обратились к проблемам социально-экономической истории. Разверну- лась полоса широких дискуссий о социально-экономиче- ских формациях. Советские историки вели последователь- ную критику основ буржуазной методологии, философии истории, разоблачали попытки фальсификации истории.

Победа марксистско-ленинской исторической концеп- ции в середине 30-х годов создала для советских истори- ков предпосылки для подготовки обобщающих работ по истории СССР и всемирной истории. Эта задача потребо- вала пересмотра накопленного в предшествующие годы

материала, углубленной разработки проблем всемирной истории.

Научно-методическое направление складывалось на материале отдела «Преподавание истории», различного рода обзоров, рецензий на учебную литературу. Журнал принял участие в развернувшейся в 20-х годах дискуссии о путях дальнейшего развития исторического образования в стране (от школы до вуза). Борьба с социологизаторством, схематизмом, создание систематического курса по истории — основные требования преподавателей-марксистов. Немалый ущерб историческому образованию, созданию систематического курса по истории в 20-х и первой половине 30-х годов наносило своего рода выборочное изучение периодов всемирной истории. Цельность и последовательность всех этапов исторического процесса как в исследовательской, так и в преподавательской деятельности часто нарушались. Внимание историков было сосредоточено на новой, отчасти — новейшей истории. Постановления партии и правительства 1934—1936 гг. по вопросам истории поставили перед советскими учеными новые задачи, и прежде всего создание учебников с учетом достижений советской исторической науки. Редколлегия журнала приняла активное участие в перестройке исторического образования в стране, развернувшейся под знаком реализации этих постановлений. Усилия советских историков нашли свое воплощение в ряде учебников⁶⁵.

Пропаганда достижений советской исторической науки постоянно присутствовала в планах «Историка-марксиста». Отклики на юбилеи важнейших исторических событий имели большое воспитательное значение. Журнал отмечал и формировал возросший интерес к революционному прошлому народов СССР. Обращение к истории других народов, их революционному и национально-освободительному движению воспитывало чувство взаимного уважения и солидарности в борьбе за идеалы коммунизма. Журнал был тем научным центром, в котором отражалась исследовательская работа советских историков по важнейшим проблемам отечественной и всемирной истории, а также методики преподавания исторических дисциплин, успешно развивалась марксистская критика, шла посто-

---

⁶⁵ См. гл. III данной работы.

янная пропаганда результатов развития марксистско-ленинской исторической науки в СССР и за рубежом. Его структура соответствовала тем магистральным направлениям, по которым шло развитие советской исторической науки.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕДКОЛЛЕГИЙ

Анализ содержания журнала «Историк-марксист», его структуры и основных направлений деятельности, взаимоотношений с научными учреждениями показал сложный и многоплановый характер этого издания. Успешная деятельность журнала во многом зависела от оперативного и четкого руководства со стороны редколлегии журнала, от широты кругозора членов редколлегии, их понимания стоявших перед советской исторической наукой задач, их авторитета, профессионального мастерства, личных качеств. Работа редколлегии складывалась из ряда моментов, важнейшими из которых были выработка программы издания и дальнейшее последовательное ее осуществление, идеологическое и научное руководство, текущая организационная деятельность и др.

Первая редакционная коллегия журнала была утверждена Советом ОИМ 19 марта 1926 г.⁶⁶ В нее вошли М. Н. Покровский, В. П. Полонский, М. П. Павлович, Н. М. Лукин, А. В. Шестаков, Г. С. Фридлянд, П. О. Горин, С. М. Моносов. Старшее поколение советских историков было представлено в редколлегии Покровским, Павловичем, Лукиным. Каждый из них руководил широким участком исторического фронта. Их общественно-политическая и научная деятельность началась задолго до Великой Октябрьской социалистической революции. Они явились ее активными участниками. Вместе с другими историками-партийцами: В. В. Адоратским, В. И. Невским, А. С. Бубновым, Е. М. Ярославским — они закладывали основы советской исторической науки, создавали ее организационные формы. Разнообразными были их научные интересы: история революций, национально-освободительной борьбы против колониализма, международные отношения и др. Будучи людьми с широкими на-

---

⁶⁶ Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 3, л. 286.

учными интересами, они воспитали значительную группу молодых историков. У них был богатый опыт журналистской и редакторской работы. Среднее поколение историков: Фридлянд, Полонский — были к тому времени квалифицированными преподавателями, авторами интересных исследований, опытными участниками борьбы с буржуазной и мелкобуржуазной историографией. Горин и Моносов — выпускники Института красной профессуры, молодое поколение советских историков, которые, однако, сумели себя зарекомендовать хорошими организаторами науки, последовательными пропагандистами марксизма-ленинизма. Они уже были авторами монографий по актуальным проблемам отечественной и зарубежной истории. Своеобразной была биография Шестакова⁶⁷. Он тоже выпускник ИКП первого пабора. Его революционная деятельность началась в конце 90-х годов XIX в., сначала в рядах РСДРП, а с 1903 г. в партии большевиков. Шестаков был активным участником трех российских революций. Свою литературную деятельность он начал как партийный публицист, а к середине 20-х годов имел ряд исследований по аграрному вопросу в революции 1905—1907 гг. и в Октябрьской революции. В апреле 1926 г. Шестаков был утвержден Отделом печати ЦК ВКП(б) ответственным редактором журнала «Историк-марксист». В своей деятельности он находил поддержку среди других членов рабочей редакции — Фридлянда, Моносова, Горина.

Основные принципы работы редколлегии наметились уже в ходе подготовки первых номеров. Предварительные наброски номеров обсуждались на заседаниях рабочей редакции, там же намечались авторы. Первым ответственным секретарем редакции стал сотрудник Комакадемии, в прошлом рабочий, В. И. Орлов⁶⁸. Критико-библиографическим отделом заведовал А. Н. Штраух — сотрудник секции истории революционного движения Комакадемии, автор ряда исследований по истории русского феодализма и общественно-политической мысли⁶⁹. Силами этого

---

⁶⁷ Луцкий Е. А. А. В. Шестаков.— История СССР, 1967, № 3; Алаторцева А. И. А. В. Шестаков — историк и революционер.— История СССР, 1978, № 6.

⁶⁸ Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 3, л. 275.

⁶⁹ Там же, ф. 359, оп. 6, д. 244, л. 18; Историк-марксист, 1935, № 5-6.

небольшого коллектива, работавшего на общественных началах, создавались очередные номера журнала. Функции были поделены: за отечественную историю отвечали Горин и Шестаков. Последний отвечал и за методический отдел. Материалы по всемирной истории редактировали Лукин, Моносов, Фридлянд.

В январе 1928 г., по предложению Покровского, через совет ОИМ и Президиум Комакадемии, в состав редколлегии журнала были введены И. И. Минц, Д. Я. Кин, И. Л. Татаров⁷⁰. Пополнение состава редколлегии этими кандидатурами было не случайным: все трое, как и ранее введенный в редколлегию Ем. Ярославский, специалисты по отечественной истории, и прежде всего по истории революционного движения, имели большой опыт научно-организационной, преподавательской и редакционной работы. В журнале Кин подключился к работе отдела отечественной истории, Минц сменил Штрауха на посту заведующего отделом «Критика и библиография», что положительным образом отразилось на состоянии этого важного в идейном отношении отдела. Новые сотрудники способствовали установлению дополнительных контактов с такими учреждениями, как Истпарт, ИКП, БСЭ и др.

Перегрузка членов редколлегии, отсутствие штатных сотрудников осложняли работу с авторами, приводили к тому, что присланные статьи долго залеживались в редакции без ответа, на прохождение каждой из них, при небольшом количестве номеров в год, уходило 8—10 месяцев. Работа редакции осложнялась по вине авторов, задерживавших присылку материала или не приславших заказанное. Отсюда замены «на ходу». А. Шестаков как ответственный редактор прилагал немало усилий для упорядочения работы редакции журнала⁷¹. Им были выработаны организационные принципы работы редакции, при подготовке каждого номера составлялся редакционный план, намечались перспективные планы. Детальное обследование архивного фонда «Историка-марксиста» и ряда других фондов позволило выяснить основные прин-

⁷⁰ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 31, л. 9; ф. 638, оп. 2, д. 70, л. 1. С января 1928 г. Татаров был назначен ответственным секретарем журнала.

⁷¹ Подробнее см.: *Алаторцева А. И.* А. В. Шестаков — первый редактор журнала «Историк-марксист». — *История СССР*, 1973, № 3.

ципы в работе редколлегии, изучить предварительные планы и наброски отдельных номеров, сопоставить с конечными результатами, исследовать тематические планы. Данные о запланированных и опубликованных материалах по отдельным периодам отечественной и всемирной истории, по наиболее важным проблемам слагаются в общую картину работы редколлегии по формированию проблематики и тематики журнала. Намного чаще, например, планировалась публикация статей по отечественной истории периода капитализма, в том числе по социально-экономической и политической истории России XIX в.⁷² Структурный анализ содержания вышедших номеров журнала показал, что среди напечатанных статей по истории русского феодализма на первых порах существования журнала занимали незначительное место. Этот период русской истории был представлен главным образом рецензиями. Знакомство с планами «Историка-марксиста» показало, что редколлегия журнала уже в первые годы его существования стремилась дать марксистско-ленинское толкование истории России периода феодализма, и прежде всего по таким темам, как народные восстания (пугачевское и стрелецкий бунт 1682 г.), колонизация, международные отношения и др.⁷³

В отличие от положения со статьями по истории российских революций, где имелся постоянный резерв, редколлегия журнала на протяжении ряда лет испытывала острую нехватку материала по истории периода феодализма. Одновременно были попытки привлечь специалистов по средневековой истории Запада⁷⁴ и древнего

---

⁷² Архив АН СССР, ф. 637, оп. 2, д. 69, л. 28, 29, 36, 33 об. В предварительных планах 1928 г. значилась, например, статья Б. Д. Грекова о генезисе русского капитализма. Об этом редколлегия сообщала в письме автору от 22 ноября 1927 г. См.: там же, ф. 371, оп. 1, д. 2, л. 36; ф. 638, оп. 2, д. 69, л. 2. Статья, однако, опубликована не была.

⁷³ Архив АН СССР, ф. 638, оп. 2, д. 69, л. 25, 41, 43, 53 об. Авторами намечались А. Штраух, Г. Меерсон, В. Пичета.

⁷⁴ Так, в одном из вариантов № 2 за 1926 г. обозначена статья О. Ф. Иоэльсона о зарождении капиталистических отношений во Флоренции в XII в. Статья была послана на рецензию Грацианскому, из ответа которого от 14 мая 1926 г. стало очевидно, что она носила популярный характер, а потому редколлегией была отвергнута. См.: Архив АН СССР, ф. 638, оп. 2, д. 69, л. 37, 38; ф. 371, оп. 1, д. 1, л. 195.

мира⁷⁵. Лишь дважды в журнальных наметках планов на 1926—1927 гг. было отведено место этнографии⁷⁶. Эти и многие другие примеры такого же характера интересны как показатель стремления редколлегии журнала выйти за традиционные темы ОИМ, преодолеть ошибочную позицию руководства Общества в недооценке изучения ранних периодов истории. Причины, по которым замыслы редколлегии оказывались неосуществленными, различны: опоздание с присылкой статьи, недостаточно высокий научный уровень, несогласие редколлегии с концепционными положениями автора и др. В ряде случаев сказывалось отсутствие специалистов.

Большое значение редколлегия придавала разработке проблем методологии и историографии. Методологический аспект присутствовал и в разделе конкретно-исторических статей. Одну из главных задач редколлегия видела в утверждении марксистско-ленинской концепции исторического процесса, в борьбе с различного рода враждебными течениями в историографии. Поставив во главу угла своей деятельности эту задачу, руководители журнала последовательно осуществляли ее, подчиняя ей содержание журнала. В первую очередь они стремились показать роль величайших деятелей мирового революционного движения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина в создании подлинно научной концепции исторического развития. Темы «Ленин как историк», «Маркс и Энгельс как историки» фигурировали в планах журнала в ряду первостепенных, наиболее важных⁷⁷. Неудачи редколлегии в осуществлении интересных замыслов в первые годы существования журнала отражали состояние исторической науки в разработке этих проблем.

Многочисленные заявки и просьбы редколлегии о присылке исторической литературы, адресованные в различные издательства, названия отдельных книг, заказанных для рецензирования, свидетельствовали о стремлении отрецензировать как можно большее количество печатной

---

⁷⁵ Попытки редколлегии дать серию статей о рабстве в Египте, Вавилоне, Персии, Израиле, Финикии, Греции и Риме не увенчались успехом. См. там же, ф. 638, оп. 2, д. 69, л. 15, 59; оп. 3, д. 156, л. 1, 1 об.

⁷⁶ Речь шла о публикации статьи П. Кушнера о пережитках родового строя у киргизов. См. там же, ф. 638, оп. 2, д. 69, л. 45.

⁷⁷ Архив АН СССР, ф. 638, оп. 2, д. 69, л. 35, 35 об.

исторической продукции, дать ей марксистский анализ на страницах журнала⁷⁸. За 1926—1935 гг. в журнале было отрецензировано 376 названий монографий, сборников статей, документов, мемуаров⁷⁹. Редакционные наметки по отделу «Критика и библиография» содержат интересные сведения. В отборе литературы для рецензирования инициатива с первых лет существования «Историка-марксиста» принадлежала редколлегии. Наряду с рецензированием работ по традиционной для журнала тематике, редколлегия предполагала уделить большее внимание истории Востока⁸⁰, некоторым сюжетам новейшей истории⁸¹ и др. В вышедших номерах полностью отсутствуют рецензии на литературу по военной истории. Однако и этот участок исторической науки находился в поле зрения редколлегии⁸². Сама редколлегия неоднократно обращалась к крупным советским военачальникам, среди них — к авторам военно-исторических исследований, с заказами отрецензировать отдельные работы по истории гражданской войны, истории Красной Армии и др.⁸³ Трудно установить, каким был редакционный портфель журнала, а также почему тот или иной материал оказался неопубликованным⁸⁴. Существенную помощь здесь могли бы оказать тексты самих статей и рецензий. Одна-

---

⁷⁸ Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 11, л. 20, 23, 25 и др.; д. 19, л. 71, 90; д. 7, л. 15; ф. 638, оп. 2, д. 69, л. 52—52 об.

⁷⁹ О содержании рецензий см. раздел «Структура журнала и основные направления деятельности».

⁸⁰ Предполагалось, например, отрецензировать книги: *Астахов Г.* От султаната к демократической Турции. М., 1926; *Штуссер А.* Маркс и Энгельс об Индии. М., 1926, и др. См: Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 2, л. 95; д. 11, л. 20, 35 и др.

⁸¹ Сохранились, например, письма редколлегии к С. Моносову и С. Ленчнер от 1927 г. с просьбой отрецензировать монографию П. Фрелиха о германской революции. См. там же, д. 2, л. 33, 33 об., 38.

⁸² Имеются сведения о присылке рецензий на книги по вопросам военной истории, авторами которых были преподаватели военных академий. См. там же, л. 139—140, 21 и др.

⁸³ Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 2, л. 33 об., 82. В частности, редколлегия делала неоднократные попытки отрецензировать книгу «1905 г. Армия первой революции» (М., 1926). Рецензия была отклонена как слабая (см. отзыв И. И. Минца.— Там же, д. 5, л. 36).

⁸⁴ Среди неопубликованных оказалась рецензия А. И. Неусыхина на книгу Д. М. Петрушевского «Восстание Уота Тайлера» (М., 1925) и др. См. там же, д. 2, л. 38.

ко отвергнутый материал редакцией не сохранялся, часть материала была возвращена авторам, часть — уничтожена. Сохранилось небольшое количество внутриредакционных рецензий. Чаще всего это короткие заметки на случайных листках бумаги, взятых из блокнотов или записных книжек, а то и прямо на титульном листе статьи. Иногда такой лист сплошь испещрен чернильными или карандашными пометками, подписями, как если бы все работники редакции задались целью оставить свои автографы. Нередки совсем короткие пометки: «вернуть автору», «сократить», «в набор» и другие — и наоборот, пространные отзывы с конкретными указаниями и советами автору⁸⁵. Редколлегия стремилась избегать субъективизма в оценке присланного материала. В сомнительных случаях при расхождении мнений к обсуждению привлекались все члены редколлегии. Руководителей журнала отличала политическая страстность, стремление провести четкую границу между марксистским направлением и буржуазной историографией. Порой это принимало острую форму в оценке различных немарксистских авторов⁸⁶.

В рецензиях содержались довольно жесткие требования к определению задачи исследования. От автора ждали нового, интересного материала, с научно обосно-

---

⁸⁵ Рецензируя статью Ф. Ротштейна «Англия и Октябрьская революция» (Историк-марксист, 1927, № 5), Шестаков высказал сожаление, что автор не остановился подробнее на английской печати разных оттенков в период Октября. Отмечая достоинства, Шестаков указывал на новизну материала, живость изложения (Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 5, л. 39). Судя по опубликованному тексту, автор учел замечания. Статья Ф. Ротштейна оказала большое влияние на последующую литературу по проблеме «Октябрьская революция и английское рабочее движение». См.: Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки, с. 68.

⁸⁶ В одной из внутриредакционных рецензий Шестаков, говоря о работах буржуазных историков, писал: «А все это „барахло“ вытаскивать на солнышко нам ни к чему. Мы не старьевщики, чтобы заниматься проветриванием всякого хлама». См.: Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 5, л. 3). А вместе с тем рецензии Шестакова отличались большой требовательностью, чаще встречались заключения о доработке. Причины могли быть разными, иногда и такая, какая указана в замечаниях на статью Л. Мамета «Забытый участок исторического фронта»: «Написана недостаточно солидно для нашего журнала... Поменьше анекдотов, заострить критику...» (См. там же, л. 41).

вапным анализом, оценками, выводами, там, где позволяла тема, — связи с современностью. Публицистические статьи отвергались. Еще строже подходили к компилятивным статьям, помещению которых, по словам М. Покровского, «не изрядно „Историку-марксисту“»⁸⁷.

Конец 20-х — начало 30-х годов ознаменовались для советской исторической науки рядом имевших большое методологическое значение дискуссий. В той или иной степени эти дискуссии получили свое освещение в журнале. Активными участниками дискуссий были члены редколлегии. В журнале печатались обзоры устных обсуждений в ОИМ, ИКП, дискуссионные статьи и др. Для исторических журналов того времени было традиционным публиковать материалы дискуссий без редакционного комментария, не давать итоговых статей, в лучшем случае материал шел с небольшим примечанием от редакции. В этом смысле «Историк-марксист» не составлял исключения. Однако на рубеже 20—30-х годов, в момент обострения классовой борьбы в стране и борьбы Коммунистической партии с правым и левым уклоном, такая пассивность редколлегии была чревата опасностью превращения журнала в трибуну для высказывания различных точек зрения. Тем самым утрачивался активный, боевой характер редколлегии, снижалась роль журнала как руководящего органа марксистской исторической науки.

Развернутой программой деятельности общественно-политических, а вместе с ними и исторических журналов стало Постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г. о журнале «Под знаменем марксизма»⁸⁸. Значение этого постановления — в широкой формулировке задач журнала как боевого органа, активного участника в строительстве социализма, пропагандиста марксизма-ленинизма. В свете выдвинутых партией задач особенно тревожно выглядело положение с «Историком-марксистом».

Процесс усвоения ленинской исторической концепции во второй половине 20 — начале 30-х годов проходил в условиях борьбы партии с троцкизмом и правыми в области исторической науки. Развернулась острая критика. В ходе ее научные обсуждения порой подменялись выис-

---

⁸⁷ Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 8, л. 9.

⁸⁸ Правда, 1931, 26 янв.

квиванием политических ошибок, необоснованными взаимными политическими обвинениями.

Неблагоприятная обстановка сложилась в редакции журнала «Историк-марксист». Принципы коллегиальности постоянно нарушались, заседания редколлегии не созывались, частное мнение отдельных членов редколлегии выдавалось за мнение всего коллектива. На трудности в работе редколлегии журнала неоднократно указывал и раньше его ответственный редактор А. В. Шестаков⁸⁹. Однако до сих пор редколлегия выступала единым фронтом. По-иному стала складываться обстановка в редакции в самом конце 20-х годов.

В этой обстановке в апреле 1930 г. А. Шестаков обратился в редакционную коллегию журнала с просьбой освободить его от должности ответственного редактора⁹⁰. В № 17 за 1930 г. в графе «ответственный редактор» стояла подпись: «Редакционная коллегия». Следующий номер журнала за 1930 г. вышел под редакцией М. Н. Покровского. Однако обстановка в редакции оставалась тяжелой⁹¹. Разногласия по научным спорам перерастали в неприязнь. В редакции во время частых отлучек М. Н. Покровского (участились приступы тяжелой болезни) руководящую роль стали играть И. Татаров и П. Горин, которые ссылались на авторитет этого крупного ученого. Групповщина и сектантство части редколлегии нанесли огромный ущерб работе журнала: снизился научный уровень публикуемого материала, изменился характер статей, анализ проблем по существу подменялся выискиванием политических ошибок, малейшие недочеты квалифицировались как политические ошибки. Односторонность в освещении спорных проблем достигалась тенденциозным подбором авто-

---

⁸⁹ В частности, в феврале 1928 г. он обратился с письмом к членам редколлегии, в котором указывал на загруженность ее членов как на одну из причин плохой работы. См.: Архив АН СССР, ф. 638, оп. 2, д. 70, л. 1.

⁹⁰ Там же, ф. 377, оп. 1, д. 153, л. 66.

⁹¹ Выход очередных номеров задерживался. Один из номеров журнала (№ 20), на титульном листе которого стоял 1930 г., вышел лишь в марте 1931 г. Фактически была сорвана подписка на 1931 г., под угрозой оказалась подписка 1932 г. В течение года, с августа 1931 г., не вышло ни одного номера. В феврале 1932 г. редакционное бюро Комакадемии сообщало по поводу очередных № 23—26: «Нет никакого движения. Весь материал в редакции». (См. там же, ф. 368, оп. 1, д. 216, л. 54).

ров. Произошла резкая смена авторского состава, уменьшился авторский актив, в том и другом случае прежде всего за счет беспартийных авторов. В 1930—1932 гг. наблюдалось резкое снижение их количества: они составляли 10% от сотрудничавших в журнале историков. Это явление не было случайным. Оно было вызвано неправильной политикой руководства ОИМ, которое все больше стремилось ограничить состав Общества главным образом партийными. Тем самым нарушались положенные в основу организации ОИМ ленинские принципы идейного и организационного объединения марксистских научных сил, широкого привлечения беспартийных ученых^{91а}.

Обострение идеологической борьбы в стране на рубеже 20—30-х годов требовало от советских историков усиления критики работ буржуазных историков. Однако наряду с положительными итогами борьбы ОИМ с буржуазной историографией в ходе критики стали проявляться черты подозрительности и недоверия к тем беспартийным историкам, которые стремились в своем творчестве стать на позиции марксизма, находились в процессе эволюции. Необъективность в оценке научного вклада историков старой школы была характерна для ряда статей и рецензий, опубликованных в эти годы в журнале.

В связи с письмом И. В. Сталина в журнал «Пролетарская революция» Президиум Комкадемии организовал в ноябре—декабре 1931 г. общественно-партийную проверку деятельности ОИМ и журнала⁹². Как на главный просчет в работе ОИМ указывалось на недостаточное участие его в борьбе с проявлениями «как правого оппортунизма, так и контрреволюционного троцкизма»⁹³.

Анализ деятельности ОИМ не входит в задачу автора. К сожалению, до сих пор в нашей литературе отсутству-

---

^{91а} Подобные явления были расценены как отступление от решения «политических задач современности» и осуждены ЦК ВКП(б) в специальном постановлении «О перестройке литературно-художественных организаций» (апрель 1932 г.). Содержавшиеся в нем указания на опасность проявления «кружковой замкнутости и отрыва от сочувствующих Советской власти» имели прямое отношение к положению в исторической науке. См.: КПСС в резолюциях и решениях... М., 1971, т. 5, с. 44—45.

⁹² См. также раздел «Журнал — орган Общества историков-марксистов и Института истории».

⁹³ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 30, л. 115.

ют исследования о многогранной и обширной работе Общества на всех этапах, о вкладе его в развитие советской исторической науки. Однако деятельность ОИМ при всем его положительном значении имела серьезные недостатки, особенно проявившиеся в сложной обстановке идеологической борьбы. Выше отмечалась тенденция руководства ОИМ к изоляции. Ухудшился членский состав Общества. Многие из наиболее квалифицированных, научно и политически зрелых историков отошли от работы в ОИМ, в связи с партийными мобилизациями были направлены на другую работу. Создание Института истории Комкадемии привело к тому, что исследовательская работа оказалась сосредоточенной в его секторах. За Обществом должна была сохраниться роль координирующего центра.

В новых условиях ОИМ не сумело перестроиться, сохранить силы, избежать параллелизма в работе.

ЦК ВКП(б) стремился направить работу Общества в нужное русло. Это нашло свое отражение в ряде резолюций коммунистической фракции Совета ОИМ. Боевой, наступательный характер носила принятая общим собранием резолюция коммунистической фракции Совета ОИМ от 6 марта 1930 г. «Не прекращать борьбы с троцкизмом и вести решительную борьбу с правыми», — было записано в ней как главная задача ОИМ⁹⁴. В утвержденных Культпропом ЦК ВКП(б) тезисах и резолюции комфракции Совета ОИМ от февраля 1931 г. правильно анализировались причины обострения борьбы в области исторической науки, давалась программа перестройки работы Общества, ставился вопрос об укреплении руководства журнала «Историк-марксист»⁹⁵.

На деле, однако, были допущены отклонения от партийных установок, что и вызвало резко отрицательную оценку деятельности ОИМ. Одной из главных причин, приведших к серьезным ошибкам, нужно считать отрыв научной работы от партийной, объективности от партийности.

Большие нарекания вызвала работа редколлегии журнала «Историк-марксист». Основным упреком в адрес редакции, который был высказан участниками заседания

⁹⁴ Там же, л. 11 об.

⁹⁵ Там же, л. 13, 13 об.; Историк-марксист, 1931, № 21, с. 8—17.

фракции членов ВКП(б) Общества, был упрек в превращении журнала «в трибуну для высказывания различных взглядов»⁹⁶. Редколлегия, по мнению некоторых участников заседания, на страницах журнала занималась «констатацией тех или иных точек зрения без выявления своего лица»⁹⁷. Столь резкие обвинения вызвали возражения Н. М. Лукина. Однако и он признал справедливым вывод комиссии по проверке работы журнала, из которого следовало, что «Историк-марксист» не стал боевым органом «воинствующего большевизма на историческом фронте»⁹⁸. Были высказаны требования скорейшей перестройки работы журнала, укрепления редколлегии и др. В опубликованной в «Историке-марксисте» резолюции комфракции ОИМ по докладу В. Г. Кнорина о политических уроках письма т. Сталина и задачах исторической науки отмечалось как первоочередная задача превращение журнала «Историк-марксист» в руководящий орган борьбы за большевистскую партийность в исторической науке⁹⁹. Основные положения резолюции фракции получили отражение в передовой журнала «За решительную перестройку исторического фронта»¹⁰⁰. Тормозом на пути решения столь ответственной задачи явилось неблагоприятное отношение с редколлекцией. На необходимость решительных мер по оздоровлению редакторского состава ссылался М. Н. Покровский. В сентябре 1931 г. в адресованном в Культпроп ЦК ВКП(б), Президиум Комкадемии и директорат Института истории Комкадемии письме он подчеркивал необходимость подбора новой редакции журнала¹⁰¹. Просьба ускорить решение вопроса о редколлекции «Историка-марксиста» содержалась и в другом письме в Культпроп от 31 декабря 1931 г.¹⁰² Эти пись-

---

⁹⁶ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 30, л. 64 об. В течение ноября таких заседаний состоялось три. В них приняли участие представители ИКП, комвузов Москвы. С докладом выступил В. Кнорин. См.: там же, л. 14—178.

⁹⁷ Там же, л. 65.

⁹⁸ Там же, л. 176. Таким же был общий вывод рецензии бригады ИКП на продукцию журнала (см.: Правда, 1932, 10 марта). Вместе с тем нельзя не отметить крайне неблагоприятный тон рецензии.

⁹⁹ Историк-марксист, 1932, № 1-2, с. 214.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 33, л. 71.

¹⁰² Там же, л. 74.

ма содержали ряд конкретных предложений и были про-
низаны болью за состояние журнала. Несомненно, они
написаны под влиянием постановления ЦК ВКП(б) от
15 августа 1931 г. «Об издательской работе», в котором
специальный пункт был посвящен улучшению состава
редакционных коллегий журналов, повышению ответст-
венности за идейно-научный уровень изданий¹⁰³.

Весной 1933 г. ответственным редактором журнала
был утвержден Н. М. Лукин. В состав новой редакцион-
ной коллегии вошли Н. Ваняг, М. Зоркий, Х. Лурье,
А. Панкратова, С. Сеф, Ем. Ярославский¹⁰⁴. Ответствен-
ным секретарем был назначен выпускник Института
красной профессуры К. Гребенкин¹⁰⁵. В новой редкол-
легии пропорционально были представлены специалисты
по отечественной и зарубежной истории. Темой их науч-
ных интересов были актуальные вопросы истории Ок-
тябрьской революции, социалистического строительства,
истории рабочего класса, международного социалистиче-
ского и коммунистического движения. Новая редколле-
гия в своих программных установках руководствовалась
резолюциями XVII партийной конференции, итогами дис-
куссии по проблемам новейшей истории (дискуссия на
так называемом западном участке исторического фронта),
письмом И. В. Сталина в журнал «Пролетарская револю-
ция». Несколько позднее в связи с итогами Объединен-
ного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) редколлегия сосре-
доточила внимание советских исследователей на изуче-
нии первой пятилетки. Среди актуальных проблем совет-
ской историографии были выдвинуты создание истории
народов СССР, изучение проблем перерастания буржуаз-
но-демократической революции в социалистическую, исто-
рия гражданской войны, история фабрик и заводов, исто-
рия социалистического строительства, создание научной
истории партии, истории Коминтерна, освещение роли
большевизма на международной арене. По-прежнему не-
обходимо было изучение истории западноевропейских ре-
волюций 1789, 1848 гг., Парижской Коммуны. Содержа-
ние журнала за 1933—1934 гг. убеждает, что редколлегия
«Историка-марксиста» довольно последовательно осущест-

¹⁰³ Правда, 1931, 3 сент.

¹⁰⁴ Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 14, л. 278.

¹⁰⁵ Там же, ф. 359, оп. 1, д. 22, л. 24; ф. 371, оп. 1, д. 14, л. 274.

ствляла намеченную программу. Предварительные наметки отдельных номеров, годовые производственные планы значительно обогащают представление о направлениях, в которых разворачивалась работа редколлегии.

Активное участие приняла редколлегия в выработке плана мероприятий к 50-летию со дня смерти К. Маркса¹⁰⁶. На формирование проблематики юбилейных номеров журнала оказало влияние содержание тезисов ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) «Карл Маркс. К 50-летию со дня смерти»¹⁰⁷. Как писалось в передовой статье журнала «Историк-марксист», советские историки видели в лице Маркса создателя истории как науки¹⁰⁸. Из широкого круга проблем, составляющих историю марксизма, наибольшее освещение в журнале получила тема «Маркс и международное рабочее движение»¹⁰⁹, а также отдельные вопросы марксистской теории¹¹⁰ и др. Материалы юбилейных номеров «Историка-марксиста» внесли много нового в разработку отдельных проблем истории марксизма¹¹¹. Для самого журнала это было первое широкое обращение к указанной теме. В дальнейшем она была закреплена за журналом: на его страницах публиковались статьи и рецензии по истории марксизма, тексты отдельных работ К. Маркса и Ф. Энгельса, их соратников по революционной борьбе.

Новым в работе журнала было обращение к истории партии. До тех пор почти единственной темой, которая присутствовала в планах журнала и освещалась на его

---

¹⁰⁶ Совместно с дирекцией Института истории редколлегия доложила о намеченной программе на специальном заседании Президиума Комкадемии в марте 1933 г. См.: Архив АН СССР, ф. 350, оп. 1, д. 338, л. 78, 80, 84.

¹⁰⁷ Правда, 1933, 14 марта; Известия, 1933, 14 марта.

¹⁰⁸ Маркс и историческая наука.— Историк-марксист, 1933, № 1; см. также: Лукин Н. М. Маркс как историк.— Там же, 1933, № 2.

¹⁰⁹ Среди опубликованных статей: о чартизме, о деятельности К. Маркса в период венского восстания, об отношении Маркса и Энгельса к революционному движению в России и др. См.: Историк-марксист, 1933, № 1—3.

¹¹⁰ См. статьи И. И. Минца о вооруженном восстании и взглядах Маркса, М. Миско об отношении классиков марксизма к национальному вопросу. См. там же, 1933, № 1, 2.

¹¹¹ Подробнее о содержании юбилейных номеров «Историка-марксиста» см.: Алаторцева А. П. Журнал «Историк-марксист» — орган Общества историков-марксистов и Института истории Комкадемии.

страницах, была роль большевиков в русских революциях¹¹². В связи с рядом постановлений ЦК ВКП(б) об усилении изучения истории партии, в частности от 17 января 1932 г. «Об усилении Культпропотдела ЦК работниками и о перестройке работы Культпропа в духе систематической пропаганды марксизма-ленинизма»¹¹³; редколлегия журнала стала чаще включать партийную тематику в планы «Историка-марксиста». Роль В. И. Ленина в борьбе с международным центризмом за создание партии нового типа, 30-летие II съезда РСДРП(б) — эти и другие темы получили отражение на страницах журнала. Как было не раз, предварительные планы редколлегии были гораздо обширнее: предполагалось освещение роли большевистской партии в Октябрьской революции, международного коммунистического движения и III Интернационала и др.¹¹⁴ Анализ предварительных планов показал, что редколлегия журнала уделяла большое внимание роли В. И. Ленина в создании концепции русского и всемирно-исторического процесса: намечалась публикация статей о взглядах Ленина на общественные формации, на капиталистическое развитие России, об исторических взглядах и др.¹¹⁵ Совместно с Институтом истории редколлегия разработала план специального номера, посвященного 10-летию со дня смерти В. И. Ленина¹¹⁶. Проект юбилейного номера включал статьи и сообщения по трем проблемам: ленинская концепция исторического развития, В. И. Ленин — руководитель и создатель партии большевиков, В. И. Ленин и международное социалистическое и коммунистическое движение¹¹⁷. Часть этого обширного плана была реализована: были опубликованы статьи о ленинском этапе в истории, о роли Ленина в разработке проблем военно-феодалного империализма царской России, о ленинских взглядах на якобинскую диктатуру, о борьбе Ленина с международным оппортунизмом и др.¹¹⁸

---

¹¹² См. гл. II данной работы.

¹¹³ Справочник партийного работника. М., 1934, вып. 8, с. 283.

¹¹⁴ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 89, оп. 7, ед. хр. 27, л. 17, 18.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Архив АН СССР, ф. 350, оп. 1, д. 338, л. 119, 153.

¹¹⁷ Там же, л. 156.

¹¹⁸ Историк-марксист, 1934, № 1,

Новую перестройку в работе редколлегии вызвали постановления партии и правительства 1932—1934 гг. об историческом образовании¹¹⁹. В передовой статье журнала «Историческую науку на уровень великих задач» перед советскими историками ставилась задача перестройки научно-исследовательских и учебных учреждений исторического профиля в плане развертывания изучения исторического процесса в целом¹²⁰. Выше уже отмечалось, как обогатилась тематика «Историка-марксиста»: в нем появились статьи по древней истории, средневековью, по истории первобытнообщинного строя и др. Наряду с расширением тематики публикуемого материала, ответственный редактор журнала Н. М. Лукин отметил привлечение новых авторских сил, создание новых отделов, в частности был возобновлен научно-методический отдел «Преподавание истории в школе»¹²¹. Однако тут же отмечалось, что расширение тематики шло замедленными темпами, что было связано с трудностями в подборе авторов, несвоевременным получением статей, низким качеством присланных материалов и др. Н. М. Лукин как главный редактор отмечал неудовлетворительную работу заведующих отделами редакции¹²².

К середине 30-х годов в журнале установилась спокойная, деловая обстановка. Работа членов редколлегии шла по строгому плану, были уточнены обязанности каждого члена редколлегии, вплоть до дежурств каждого для приема авторов¹²³. С опытом работы определилась структура редакции — деление на три основных отдела: история СССР, всеобщая история, критика и библиография. К сожалению, имена заведующих отделами установить не удалось. В работе редакции принимали участие П. Анатольев, П. Парадизов, Э. Генкина, С. Кан и др.¹²⁴ Состав редакции не отличался постоянством. Особенно часто сменялись ответственные, или, как они стали называться с 1935 г., ученые, секретари журнала. В 1933—1935 гг. секретарями работали К. Гребенкин, Ю. Бочаров, И. Фро-

---

¹¹⁹ Подробнее см. гл. III данной работы.

¹²⁰ Историк-марксист, 1934, № 1.

¹²¹ Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 26, л. 1—5.

¹²² Там же, л. 3.

¹²³ Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 14, л. 280.

¹²⁴ РО Института истории СССР АН СССР, ф. Ю-р, 090, д. 1, л. 12 об., 25, 59.

лов, С. Ленчнер¹²⁵. Столь же часто менялись заведующие редакциями, литредакторы и другие сотрудники¹²⁶. Все это создавало трудности в работе, осложняло взаимоотношения с авторами и издательством. Сама редколлегия журнала считала своим большим недостатком невыполнение намеченных планов, самотек¹²⁷. Увеличение листаж в связи с переходом в 1935 г. к ежемесячному выпуску позволило редакции расширить отделы «Документы», «Доклады и сообщения». Увеличился объем критико-библиографического отдела журнала.

Начавшаяся в середине 30-х годов организационно-тематическая перестройка исторической науки потребовала перестройки и журнала. Создание в 1936 г. Института истории АН СССР повлекло превращение «Историка-марксиста» в орган нового научного исторического центра. Реорганизация журнала протекала в сложных условиях становления Института¹²⁸⁻¹²⁹. Новая редколлегия, назначенная в январе 1936 г., испытывала большие трудности в работе¹³⁰. Выход очередных номеров задерживался: последний, № 12-й за 1935 г. был подписан в печать в феврале 1936 г. Было очевидно, что ежемесячный выпуск журнала не реален: решено было издавать двухмесячник объемом 13 п. л.¹³¹ Однако и в дальнейшем журнал выходил с опозданием¹³². Сократился приток рукописей в редакцию¹³³. Существенные изменения происходили с авторским составом, что было вызвано рядом обстоятельств как общего характера, так и реорганизацией Института истории. Частые изменения происходили в составе самой редколлегии, число ее членов сократилось. Работа журнала «Историк-марксист» подверглась

---

¹²⁵ Архив АН СССР. ф. 371, оп. 1, д. 19, л. 71.

¹²⁶ РО Института истории СССР АН СССР, ф. Ю-р, 301, оп. 1, д. 1, л. 5 об., 27 об., 49 об., 55, 57, 64, 66 об.

¹²⁷ Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 26, л. 1—2.

¹²⁸⁻¹²⁹ См. первый раздел гл. I работы.

¹³⁰ В состав редколлегии вошли Н. М. Лукин (главный редактор), П. С. Дроздов, С. И. Ленчнер, А. М. Панкратова, И. В. Фролов, Г. С. Фридлянд, В. М. Далин. См.: РО Института истории СССР АН СССР, ф. Ю-р, 301, д. 1, л. 4.

¹³¹ Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1-а, д. 1, л. 9.

¹³² В 1937 г., например, из шести номеров к концу года вышли только три, остальные выходили в 1938 г. вместе с очередными. См.: Историк-марксист, 1939, № 2, с. 200.

¹³³ Архив АН СССР, ф. 457, оп. 1 (1941), д. 11, л. 19.

критике на страницах газеты «Правда»: отмечался недостаток, отсутствие ряда тем или недостаточное их освещение (например, история народов СССР, история международных отношений и др.), случайность в подборе материалов и др.¹³⁴ Главным недостатком, указывала «Правда», явилась замедленная перестройка журнала в духе постановлений партии и правительства 1934—1936 гг. об историческом образовании. Редколлегия журнала признала критику правильной и выработала новый тематический план издания. Общие направления планируемой работы журнала нашли свое отражение в редакционной статье журнала (1937, № 2). Предполагалось расширение освещения истории отдельных народов СССР, древней и средней истории стран Востока, новой истории колониальных и зависимых стран. Особое внимание было обращено на разработку тем по истории партии, в частности по истории борьбы с троцкизмом. Одной из главных задач редколлегия считала критику фашистских фальсификаций истории. Приходится констатировать, что сделано было гораздо меньше, чем предполагалось¹³⁵. Перестройка планов Института истории АН СССР, расширение кадрового состава, о чем говорилось выше, позволили привлечь к работе в журнале большой круг специалистов по отечественной истории. Однако по-прежнему на страницах журнала недостаточно освещались такие проблемы, как общественный строй Киевской Руси, вопрос о характере русского феодализма, формирование русской народности, образование Московского государства, крестьянские войны XVII—XVIII вв., реформы Петра I, внешняя политика царской России и др. Считая необходимым привлечь внимание советских историков к обозначенным проблемам, редколлегия указывала, что освещение их в журнале предполагает преодоление ошибочных взглядов М. Н. Покровского¹³⁶. До сих пор такого рода материал в журнале

---

¹³⁴ Правда, 1937, 15, 20 марта.

¹³⁵ В течение 1937—1938 гг. было опубликовано несколько статей с критикой фашистской интерпретации таких вопросов всемирной истории, как общественный строй древних германцев, внешняя политика Германии, немецкая агрессия в Прибалтике в XIII—XV вв. Несколько шире был представлен критико-библиографический материал, вскрывавший антинаучную сущность писаний современных германских историков.

¹³⁶ Историк-марксист, 1937, № 2, с. 38.

не публиковался, что и было отмечено в указанных выше редакционных статьях «Правды»¹³⁷. Признавая недостатком отсутствие критики ошибочных взглядов Покровского, редколлегия «Историка-марксиста» уточняла, что будущие статьи такого рода должны содержать позитивную разработку проблем, «послужить началом марксистско-ленинской разработки этих важнейших проблем»¹³⁸. Ряд новых тем, планировавшихся редколлекцией журнала, был сформулирован на основе замечаний А. А. Жданова, С. М. Кирова, И. В. Сталина на конспекты учебников по истории СССР и новой истории, постановлений жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3-го и 4-го классов средней школы по истории СССР. Среди тем были: о принципиальных отличиях пролетарской революции и революции буржуазной и буржуазно-демократической, о зависимой роли русского империализма и контрреволюционной сущности царизма, о петровских реформах, история народов СССР и др. В порядке самокритики руководство журнала признало недостаточным участие «Историка-марксиста» в перестройке исторического образования и исторического фронта в целом, отсутствие боевитости, оперативности¹³⁹. Эти же недостатки были отмечены в отчетном докладе ответственного редактора журнала Н. М. Лукина на состоявшемся 26 февраля 1938 г. заседании редакции с авторским составом¹⁴⁰. Редколлегия признала, что намеченная ею программа на 1937 г. оказалась невыполненной. В числе причин Лукин называл плохую работу редколлекции журнала, редакции, издательства. К этому следует добавить, что по своему объему намеченная программа просто не укладывалась в годовой листаж. Анализируя продукцию «Историка-марксиста», Лукин отметил случайный порой характер опубликованного документального материала, что объяснялось плохой связью с архивохранилищами. Много критических замечаний содержалось в докладе о работе отдела «Преподавание истории». Творческий, деловой характер носили выступления участников обсуждения

---

¹³⁷ Исключение составляла статья Ем. Ярославского «Об одной неверной оценке революции 1905 г.» (см. там же, 1936, № 2).

¹³⁸ Там же, 1937, № 2, с. 38.

¹³⁹ Историк-марксист, 1937, № 3, с. 147—148.

¹⁴⁰ Там же.

В. М. Хвостова, А. И. Гуковского, Ф. И. Нотовича, В. А. Васютинского, В. П. Волгина и др. Было высказано много практических замечаний по улучшению работы журнала: пожелания большей оперативности в рецензировании; систематичности в выборе материалов для рецензирования; привлечения к критической работе крупнейших специалистов и др.¹⁴¹ Единодушным было мнение присутствовавших об увеличении объема листажу журнала, о необходимости его ежемесячного выпуска. Собрание обсудило тематический план на 1938 г. По сравнению с предшествующими планами большее внимание в нем было уделено освещению послеоктябрьского периода истории СССР и истории партии. В целом программа отвечала потребностям исторической науки своего времени, отражала ее сильные и слабые стороны. В частности, несмотря на предпринятые попытки, все еще мало внимания в журнале было обращено на освещение истории СССР советского периода. На это справедливо указывали участники совещания в редакции «Историка-марксиста», состоявшегося 19 января 1939 г.¹⁴² Его участники отметили, что журнал медленно откликался на события современности, недостаточно глубоко в нем велась работа по разоблачению идеологических основ и исторических концепций фашизма. Совещание наметило перспективы работы журнала под углом зрения решения ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском „Краткого курса истории ВКП(б)“» от 14 ноября 1938 г.¹⁴³ Насущные задачи распространения исторических знаний в массах, сформулированные в этом решении, выдвинули вопрос о расширении сети исторических журналов. Редколлегия «Историка-марксиста» вошла в директивные органы с предложением о необходимости организовать выпуск ряда специальных исторических журналов: по истории средних веков, по новой истории, по истории СССР, по истории колониальных и зависимых стран, по новейшей истории¹⁴⁴. Предложения редколлегии были

---

¹⁴¹ По мнению В. Волгина, необходимо было улучшить качество рецензий, многим из которых была присуща «водянистость изложения». См.: Историк-марксист, 1938, № 3, с. 150.

¹⁴² Там же, 1939, № 2, с. 200.

¹⁴³ КПСС в резолюциях и решениях... М., 1954, ч. III, с. 316—332.

¹⁴⁴ Историк-марксист, 1939, № 2, с. 200.

поддержаны участниками вышеназванного совещания от 19 января 1939 г. Одновременно было обращено внимание на недостаточно четкое распределение функций между существующими историческими журналами: за «Историком-марксистом» сохранялась роль научно-исследовательского журнала по всем периодам истории с уклоном в проблемы методологического характера.

Стремление к оперативности в освещении важнейших событий современности было постоянным в работе редколлегии. Что касается внутренней жизни страны, то в журнале получили отражение такие знаменательные и важные события общественно-политического характера, как XVII и XVIII съезды ВКП(б), процессы над троцкистско-зиновьевскими оппозиционерами. Журнал откликнулся на такие исторические события, как освобождение народов Западной Белоруссии и Западной Украины, народов Бессарабии от угнетения, образование союзных прибалтийских республик и др. Хуже обстояло с освещением событий международного характера: событий в Испании, Китае, Чехословакии и других странах, которые не нашли отражения в журнале. Одной из причин малой оперативности редколлегия и историческая общественность считали редкий выпуск номеров журнала.

В 1940 г. ЦК ВКП(б) преобразовал «Историка-марксиста» в ежемесячный журнал¹⁴⁵. Это обстоятельство ускорило перестройку работы редакции, которая началась с конца 30-х годов. С 1938 г. и до конца существования его ответственным редактором оставался партийный и общественный деятель, ученый и революционер Ем. М. Ярославский. В состав редколлегии входили Б. Д. Греков, И. И. Минц, С. Н. Ростовский. Во второй половине 30-х годов в редакции «Историка-марксиста» заведующими отделами работали: А. Л. Сидоров (критико-библиографический), Ф. И. Нотович (отдел хроники), З. В. Мосина (всеобщей истории), Б. К. Рубцов (ответственный секретарь) и др.¹⁴⁶ Работа редколлегии и редакции носила четкий, планомерный характер. Параллельно с работой над очередными номерами шла подготовка следующих двух-трех номеров. По регулярности выхода очередных томов «Историк-марксист» занимал одно из первых

¹⁴⁵ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 89, оп. 7, ед. хр. 32, л. 8.

¹⁴⁶ Архив АН СССР, ф. 457, оп. 1 (1941), д. 11, л. 16.

мест среди журналов Академии наук. Залогом успешной работы редакции являлся широкий приток статей¹⁴⁷. Увеличившийся объем работы повлек за собой расширение штата сотрудников редакции. Каждый из них отвечал за определенный участок. Четкое распределение функций давало возможность более тщательной подготовки поступающего материала к печати. По сообщению ответственного редактора Ем. Ярославского, в 1940 г. удалось напечатать 75 статей вместо запланированных 50—70¹⁴⁸. Тем не менее вопрос об увеличении объема журнала оставался одним из актуальных. Потребности в увеличении объема особенно остро стали ощущаться в процессе перестройки работы редколлегии журнала после постановления ЦК ВКП(б) 1940 г. «О литературной критике и библиографии»¹⁴⁹. Указания партии повлекли за собой некоторое расширение критико-библиографического отдела журнала. В целом работа этого отдела при обсуждении на расширенном бюро отделения истории и философии АН СССР в январе 1941 г. была признана удовлетворительной¹⁵⁰. В связи с указанным партийным постановлением в планах журнала было обращено внимание на увеличение веса «чисто теоретических статей»¹⁵¹, усиление интереса к вопросам теории исторического материализма и историографии¹⁵².

Весьма актуальным был призыв редколлегии журнала к изучению местной истории. Представитель редколлегии С. Н. Ростовский принял участие в организованном Тульским горкомом совещании историков, в центре работы которого стоял вопрос о развитии местной историографии¹⁵³. Историки ознакомились и обсудили план работы журнала на 1941 г. Такие встречи с авторским и читательским активом стали практиковаться редколлегией с 1933 г. Наиболее широко они проходили в 1941 г.

---

¹⁴⁷ В 1940 г. было получено 232 рукописи. Для сравнения: 1937 г. — 26, 1938 г. — 120, 1939 г. — 138. См.: Архив АН СССР, ф. 457, оп. 1 (1941), д. 11, л. 19.

¹⁴⁸ Там же, л. 16. Эти результаты были достигнуты за счет тщательного редактирования, сокращения объема статей, набора петитом. Средний объем статьи в 1940 г. 0,83 п. л.

¹⁴⁹ Партийное строительство, 1940, № 22, с. 62—64.

¹⁵⁰ Архив АН СССР, ф. 457, оп. 1 (1941), д. 11, л. 37.

¹⁵¹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 89, оп. 7, ед. хр. 32, л. 2.

¹⁵² Архив АН СССР, ф. 457, оп. 1 (1941), д. 11, л. 20.

¹⁵³ Историк-марксист, 1941, № 2, с. 147.

В течение первого полугодия работа журнала «Историк-марксист» была обсуждена исторической общественностью Киева, Одессы, Еревана¹⁵⁴. Бесспорно, результаты таких совещаний должны были подготовить созыв Всесоюзного совещания историков, вопрос о котором неоднократно поднимался учеными¹⁵⁵. Будущее совещание должно было обсудить положение в советской исторической науке, наметить перспективы дальнейшего развития, решить вопрос о создании отраслевых журналов, специального издательства. Роль организатора предполагаемого совещания по праву была отведена журналу «Историк-марксист», который к тому времени стал ведущим органом советских историков. По общему признанию современников, журнал отражал состояние, в котором находилась историческая наука в то время¹⁵⁶.

В 1941 г. редколлегия журнала «Историк-марксист» готовилась отметить выход 100-го номера, 15-летний юбилей журнала. Благотворная деятельность журнала была прервана Великой Отечественной войной. Условия войны потребовали от исторической науки оперативного ответа на задачи дня, а эти задачи лучше всего могли быть решены научно-популярным журналом, ориентированным на массового читателя. Таким органом стал «Исторический журнал». Летом 1941 г. журнал «Историк-марксист» был слит с «Историческим журналом»¹⁵⁷.

АВТОРСКИЙ СОСТАВ ЖУРНАЛА

Успешная деятельность журнала во многом определялась наличием крепкого авторского состава. Его формирование явилось одной из первоочередных задач, которые встали перед редколлегией при создании журнала. Организаторами журнала, его первыми авторами были видные деятели Коммунистической партии, революционеры, историки первого поколения.

---

¹⁵⁴ Там же, 1941, № 6, с. 140—143; Известия Армянского филиала АН СССР, 1941, № 5-6, с. 157—158.

¹⁵⁵ Историк-марксист, 1939, № 2, с. 201; Архив АН СССР, ф. 457, оп. 1 (1941), д. 9, л. 72-а, д. 11, л. 20, 29, 30.

¹⁵⁶ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 89, оп. 7, ед. хр. 32, л. 8; Архив АН СССР, ф. 457, оп. 1 (1941), д. 11, л. 33-а, 48, 49, 63, 72; д. 9, л. 61, 72-а.

¹⁵⁷ Исторический журнал, 1941, № 7-8, примеч. от редакции.

В конце 1925 г. редакция разослала ряду историков анкету с вопросом: «Могли ли Вы принять участие в журнале Общества, какую статью и к какому сроку можете представить?»¹⁵⁸ Среди откликнувшихся первыми были одесские историки, сотрудники Центральной научной библиотеки О. Л. Вайнштейн и Н. Л. Рубинштейн, глава советских востоковедов М. П. Павлович, преподаватель Комуниверситета трудящихся Востока Л. П. Мамет и др.¹⁵⁹ Свое желание сотрудничать выразил один из членов-учредителей ОИМ, член партии с 1904 г., сотрудник Истпарта и член коллегии Центрархива Н. Н. Авдеев¹⁶⁰. В марте 1926 г. редакция вновь обратилась к историкам с предложением сотрудничать. Были получены ответы от Ем. М. Ярославского, Б. П. Козьмина, Ю. М. Стеклова, Н. Н. Ванага, А. И. Гайстера, С. Д. Куниского и других, которые приветствовали выход журнала и писали о своем желании сотрудничать¹⁶¹. Вместе с известиями о сотрудничестве были присланы статьи¹⁶². Корреспондентами журнала стали историки ряда городов СССР.

Среди первых откликов на новое начинание советских историков были и зарубежные. Весной 1926 г. было получено приветствие от «Юманите». Французские коммунисты предлагали наладить регулярную связь с журналом с тем, чтобы иметь возможность помещать в своей газете обзоры «Историка-марксиста»¹⁶³. Благодаря поездкам членов ОИМ за границу были установлены связи с прогрессивными историками Франции, Германии, Чехословакии¹⁶⁴. Ряд иностранных историков изъявили желание сотрудничать в журнале. Наиболее плодотворным оказалось сотрудничество с немецким коммунистом, членом отдела агитации и пропаганды ЦК КПГ П. Фре-

---

¹⁵⁸ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 17, л. 247.

¹⁵⁹ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 17, л. 247, 250, 343; ф. 371, оп. 1, д. 2, л. 229; ф. 359, оп. 6, л. 115, л. 1—10б.

¹⁶⁰ Там же, ф. 377, оп. 1, д. 17, л. 229; д. 9, л. 17.

¹⁶¹ Там же, д. 17, л. 217—219, 221, 231, 232.

¹⁶² Среди присланных статей: о революции 1905 г. и ее международном значении, о русско-японской войне, о преподавании истории и др. См.: Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 2, л. 229; ф. 377, оп. 1, д. 17, л. 247; ф. 371, оп. 1, д. 1, л. 1; д. 2, л. 195; и др.

¹⁶³ Там же, ф. 371, оп. 1, д. 2, л. 216.

¹⁶⁴ Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 7, л. 77—78.

лихом¹⁶⁵. Все это были первые скромные успехи, попытки создания международных связей историков-марксистов. Журнал, как и ОИМ, должен был стать основным марксистским центром по изучению истории «в международном масштабе» (М. Н. Покровский)¹⁶⁶. Были отдельные попытки привлечь представителей левого крыла буржуазных историков, в частности был установлен контакт с А. Матъезом — главой робеспьеристского общества историков Франции.

Большая тяга к марксизму наблюдалась среди русских буржуазных историков. Ярким образцом сотрудничества марксистских историков с историками буржуазной школы являл собой журнал в первые годы существования. Редакция привлекла к работе большую группу историков — лучшую часть буржуазной профессуры, используя их обширные знания фактического материала, их отточенную технику исследований, умение работать с источниками. На протяжении ряда лет сотрудничал в журнале специалист в области археологии и источниковедения, профессор ленинградского отделения Комкадемии С. Н. Валк, в авторском активе журнала был профессор Комуниверситета им. Свердлова, заведующий кафедрой всеобщей истории А. М. Васютинский, специалист по истории средних веков Н. П. Грацианский. Последний принадлежал к той части буржуазной профессуры, которая с первых лет революции стала сотрудничать с советской властью, отдавая свои знания делу воспитания кадров историков. Коллегой его по ряду вузов Москвы был профессор В. С. Сергеев. Он активно участвовал в работе ОИМ, в журнале публиковались его статьи по буржуазной социологии. С первых лет Октябрьской революции активное участие в создании советской исторической науки принял профессор Е. А. Косминский. К середине 20-х годов он был уже широкоизвестным ученым, специалистом по социально-экономической истории западноевропейского средневековья. С именем «Историка-марксиста» связана литературная деятельность еще двух представителей буржуазной школы, стремившихся к марксизму, однофамильцев — В. Д. и П. Ф. Преображенских. Диа-

---

¹⁶⁵ В журнале были опубликованы его статьи по истории революции.

¹⁶⁶ Историк-марксист, 1927, № 3, с. 271.

пазон их научных интересов, особенно П. Ф. Преображенского, велик: история средних веков, новая история, социология. Зрелым ученым со сложившимся научным мировоззрением встретил Октябрь А. Е. Пресняков. Он не прошел революционной школы, но с первых лет сотрудничал с Советской властью, участвовал в архивном строительстве, возглавлял Ленинградское отделение Института истории РАНИОН. В его творчестве были плодотворные попытки использовать теорию исторического материализма для объяснения процессов общественной жизни. Политически важным было участие таких ученых, как Пресняков, в журналах, подобных «Историку-марксисту», само название которых для его собратьев, писал Покровский, было «жупелом»¹⁶⁷. Среди сотрудничавших в первые годы существования журнала — С. И. Архангельский, П. П. Лященко, В. И. Пичета, А. В. Предтеченский, Г. М. Пригоровский, Б. А. Романов, Е. В. Тарле, Н. Ф. Яковлев и др. Привлечение буржуазных ученых для работы в марксистских научно-исследовательских центрах, в том числе в периодических изданиях, было характерным для 20-х годов. В этом советские историки следовали указаниям В. И. Ленина о необходимости широкого использования буржуазных специалистов во всех областях общественной жизни для построения социалистического общества, для создания новой социалистической культуры. Ведя беспощадную борьбу с буржуазной идеологией, последовательно критикуя антинаучный характер ее исторических концепций, советские историки приветствовали стремление лучшей части буржуазных историков пересмотреть свои научные взгляды под влиянием марксизма.

Привлечение большой группы буржуазных специалистов было возможным благодаря наличию в журнале

---

¹⁶⁷ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 37, л. 18. Письмо Покровского в ЦК ВКП(б) от 18 декабря 1928 г. По словам Покровского, это был «чрезвычайно трогательный пример шестидесятилетнего университетского профессора, который сделался марксистом на шестой десятке своего существования» (Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 97, л. 29). Сохранилась, отчасти, переписка Преснякова с редакцией «Историка-марксиста». Он делился своими творческими планами, слал отзывы на книги, статьи. См. там же, ф. 371, оп. 1, д. 97, л. 14—16, 36, 64; д. 7, л. 155, 164, 188; д. 16, л. 27, 67.

крепкого марксистского ядра. В разные годы в журнале принимали участие видные деятели Коммунистической партии, активные участники Великой Октябрьской социалистической революции Н. Н. Авдеев, В. В. Адоратский, П. Н. Лепешинский, Н. М. Лукин, В. В. Максаков, Д. З. Мануильский, В. И. Невский, М. П. Павлович, М. Н. Покровский, Ф. А. Ротштейн, М. А. Савельев, Ю. М. Стеклов, И. А. Тюменев, С. И. Черномордик, А. В. Шестаков, Е. М. Ярославский. Их научные интересы были подчинены задачам утверждения марксистско-ленинской исторической концепции, тематика их исследований включала такие важные проблемы, как история революционного движения и революций, прежде всего история Великой Октябрьской социалистической революции, международное рабочее и коммунистическое движение, история партии. Они были на переднем крае борьбы с буржуазной и мелкобуржуазной историографией, приняли участие в разгроме троцкизма и правого уклона. Свой организаторский опыт, свои теоретические знания историки-марксисты передавали новому поколению советских историков. Бóльшая часть их читала лекционные курсы, вела семинарские занятия в первых советских исторических вузах: комуниверситетах, ИКП, Институте истории РАНИОН, востоковедных центрах, МГУ и ЛГУ. Среди учащейся молодежи они поддерживали наиболее способных к работе в исследовательской области, привлекали их к сотрудничеству в советской исторической периодике, в том числе в «Историке-марксисте». Из 260 человек — авторов напечатанных в журнале в 1926—1935 гг. материалов 112 в момент сотрудничества были учащимися исторических вузов. Будучи аспирантами Института истории РАНИОН, а затем Института истории Академии, в журнале сотрудничали Р. А. Авербух, А. С. Ерусалимский, А. В. Ефимов, И. П. Завитневич, И. С. Завич, В. З. Зельцер, И. Г. Кизрич, А. В. Арциховский, А. И. Гайсинович, П. И. Апатольев, В. А. Васютинский, В. Х. Стальной, В. В. Стоклицкая-Терешкович, Н. П. Фрейберг, В. М. Хвостов и др. Большую группу составили выпускники ИКП: А. М. Панкратова, О. Л. Лидак, А. Ф. Рындич, И. И. Минц, Э. Б. Генкина, Н. Л. Рубинштейн, Э. Я. Газганов, Д. А. Баевский, Ф. Д. Кретов, А. И. Малышев, М. С. Югов, Т. Т. Скубицкий, С. Е. Сеф, М. И. Зеленский, А. И. Ацаркин, Б. Н. Тихомиров,

Г. И. Крумин, Г. М. Стопалов, Л. Г. Райский, А. Л. Сидоров, В. Ф. Малаховский, П. Г. Галузо, Е. П. Кривошеина, А. И. Ломакин, Е. С. Николаев, С. С. Бантке, В. М. Далин, Е. И. Рубинштейн, Н. Е. Застенкер, К. Ф. Сидоров, Л. В. Баженов и др. Многие из них после окончания ИКП и аспирантуры РАНИОН и Комкадемии продолжили свои исследования и стали видными советскими учеными.

Три поколения историков сотрудничали в журнале. Старшее представлено деятелями революционного движения, в дооктябрьский период совмещавшими революционную практику с запятями историей. Группу младшего поколения составляли выпускники советских исторических вузов, аспиранты, молодые специалисты. Для многих из них участие в работе «Историка-марксиста» было первым серьезным шагом на научном поприще. К среднему поколению относились историки, зарекомендовавшие себя в науке после Октября 1917 г. исследовательскими работами, чтением лекционных курсов, спецсеминарами. Начало их запятый наукой совпало с победой Октябрьской революции. Многие из них были участниками гражданской войны. Учебу в ИКП, аспирантуру в РАНИОН они сочетали с большой партийной работой.

Основной авторский контингент в первое десятилетие составляли историки старшего поколения: 56% от общего числа авторов.

Ведущая роль старшего и среднего поколения, преобладание авторов членов партии (80%) обеспечивали высокий политический и научный уровень журнала. Рост авторского состава в первые годы существования «Историка-марксиста» был вызван увеличением числа номеров в год, изменениями структурного характера (введение новых отделов), расширением публикуемого материала. На первых порах редколлегия устанавливала связи с историками, как бы примеривалась, насколько тот или иной автор подходит к профилю журнала, к его установкам, тематическим интересам. Постепенно выделялся постоянный состав, авторский актив. В среднем он состоял из 32—34 человек, постоянно сотрудничавших в журнале. Одновременно снижалось общее число авторов. Процесс этот был связан с завершением поиска наиболее целесообразной структуры, с выявлением основных направлений деятельности журнала, с определением круга тем.

Начиная с середины 30-х годов общее число авторов, а среди них молодежи, увеличилось, что объяснялось бурным ростом кадров советских историков и стремлением редколлегии к расширению тематики. В эти годы в журнале стали постоянно сотрудничать ученые высокой квалификации, такие, как С. В. Бахрушин — специалист по истории Сибири, экономической истории и истории классовой борьбы Русского государства XVI—XVII вв., С. К. Богоявленский — автор ряда работ по истории Москвы XVII в., К. В. Сивков — специалист по истории России первой половины XIX в. и др. Среди новых авторов журнала — крупнейшие исследователи генезиса русского феодализма и феодального государства академик Б. Д. Греков, профессор С. В. Юшков. С исследованиями по истории древнейших государств на территории СССР в журнале выступили академики Ю. В. Готье и Я. А. Манадян. Получившая в конце 30-х годов широкое развитие и возрождение такая отрасль исторического знания, как славяноведение, была представлена в журнале видными специалистами академиками Н. С. Державиным и В. И. Пичетой. Успешно сотрудничали в журнале профессора МГУ и ЛГУ: Н. М. Дружинин, Б. П. Козьмин, М. В. Нечкина, М. О. Косвен, М. Д. Приселков и др. По-прежнему сотрудничали в журнале С. И. Валк, П. И. Лященко, Н. П. Грацианский, В. С. Сергеев, С. Д. Сказкин, Е. А. Косминский и др.

Социологический анализ авторского состава показал некоторое преобладание специалистов по отечественной истории. Особенно большой приток этих авторов наблюдался в 1940—1941 гг., что было вызвано тематическим разнообразием журнала в области истории СССР. Общее число авторов, чьи работы были опубликованы на страницах «Историка-марксиста», 509. Пятая часть из них сотрудничала в журнале на протяжении всего времени его существования. Среди них специалисты по отечественной истории: И. И. Минц, Д. А. Баевский, М. В. Нечкина, А. М. Панкратова, Г. Е. Рейхберг, А. Л. Сидоров, А. В. Шестаков, Ем. Ярославский и др., а также специалисты по всемирной истории: Р. А. Авербух, П. К. Добролюбовский, О. Л. Вайнштейн, И. С. Злавич, С. Б. Кан, С. Т. Милицына, В. С. Сергеев, А. И. Молок, Е. И. Рубинштейн, С. Д. Сказкин и др. Конечно, этим авторский коллектив не исчерпывался: большая группа историков

привлекалась для внутреннего рецензирования, для составления всякого рода справок, хроники научной жизни.

Отсутствие данных об общем количестве авторов, стремившихся к сотрудничеству с журналом, не позволило установить соотношение между количеством потенциальных авторов и фактических. В той мере, в какой удалось выявить количество заявок, присланных в журнал статей и рецензий, предложение и спрос находились в пропорциях 3 : 1, т. е. за период 1926—1933 гг. лишь третья часть имевшихся в распоряжении редколлегии материалов была опубликована.

Предпринятая в данной монографии попытка дать социологический портрет авторского состава является в советской историографии первой. К сожалению, до сих пор такой анализ не проведен ни по одному историческому журналу, как из ранее существовавших, так и современных¹⁶⁸. Исследование в том же аспекте журналов — современников «Историка-марксиста» в совокупности дало бы возможность проследить закономерности развития исторических журналов периода их становления, выявить их общее и особенное в процессе формирования авторского коллектива.

Изучение авторского состава исторических журналов определенного периода или этапа дает возможность осветить проблему кадрового состава советской исторической науки. В этом плане опыт работы редколлегии «Историка-марксиста» как первого журнала широкого профиля чрезвычайно важен. Обращение к различным кругам историков, умелое использование кадров буржуазной профессуры, тяготение к марксизму лучшей ее части, создание крепкого партийного авторского ядра во главе с испытанными историками-коммунистами старшего поколения, вовлечение в науку творческой молодежи, основной упор на историков-марксистов среднего поколения — вот главное в деятельности редколлегии в момент формирования авторского коллектива. Наличие его позволило редколлегии в 30-е годы развернуть широкое вовлечение научной молодежи — выпускников советских вузов.

---

¹⁶⁸ Первые исследования такого рода проведены по журналу «Вопросы философии». См.: *Мирский Э.* Некоторые количественные параметры журнала «Вопросы философии». — Вопросы философии, 1968, № 6.

К этому времени число их возросло: наряду с историко-партийными институтами ИКП, МИФЛИ и ЛИФЛИ подготовка развернулась на исторических факультетах МГУ и ЛГУ, в ряде университетов страны. Шел процесс омолаживания студентов, все большее число молодежи становилось студентами после средней школы и, пройдя подготовку в аспирантуре, приступали к научной работе. Повысился уровень профессиональной подготовки, уровень публикуемых в журнале исследований. Среди авторов, печатавшихся в журнале, росло число кандидатов исторических наук. Это П. С. Дроздов, А. Е. Кудрявцев, Э. А. Желубовская, М. С. Захарова, Е. Н. Городецкий, В. М. Лавровский и др. Большую группу авторов составили доктора исторических наук — Э. Б. Генкина, Л. И. Зубок, В. М. Мирошевский, Н. В. Пигулевская, С. М. Моносов, Е. П. Кривошенина, Б. Ф. Поршнева и др. На протяжении всего существования журнала 85—90% его авторского состава были историки-профессионалы.

Среди его авторов были и деятели международного рабочего и коммунистического движения, общественные деятели. На протяжении ряда лет сотрудничал в журнале Хр. Кабакчиев — деятель болгарского и международного коммунистического движения. Второй родиной стал Советский Союз и для чехословацкого ученого и общественного деятеля историка З. Нееды. Своими работами, некоторые из которых были опубликованы в журнале «Историк-марксист», он внес большой вклад в развитие советского славяноведения. Сотрудничали в журнале профессиональный революционер, член РСДРП с 1898 г. О. А. Пятницкий, участник русского и польского революционного движения, член ППС-левица и РКП(б) Ф. Я. Кон. Публиковались в «Историке-марксисте» работы видного партийного и военного деятеля, члена РСДРП с 1901 г. Н. И. Подвойского.

Из коммунистов старшего поколения, сочетавших научную работу с большой партийной и общественной работой, в журнале сотрудничали: член партии с 1903 г. Д. З. Мануильский, члены партии с 1904 г. В. В. Адоратский, Б. М. Волин, Н. М. Лукин. На протяжении ряда лет печатался в журнале один из старейших членов Коммунистической партии В. И. Невский. Одним из организаторов и создателей журнала был общественный и научный деятель М. Н. Покровский.

Авторами «Историка-марксиста» были люди разных национальностей нашей страны. По мере роста научных кадров на местах, в том числе в национальных районах, росла их доля участия в журнале. Общим недостатком первых советских исторических журналов было сосредоточение вокруг них в основном авторов крупных научных центров — Москвы и Ленинграда. На первом этапе существования «Историка-марксиста» 85% авторов были москвичи, 5% — ленинградцы. Связи с периферийными авторами, как правило, устанавливались в период учебы их в московских вузах и продолжались после окончания учебных заведений и распределения на работу. Эти авторы становились организаторами местных отделений ОИМ, пропагандистами журнала. Но кадры местных историков были малочисленны, их научный уровень был невысок, этим объяснялось их слабое участие в журнале. Некоторые успехи в плане привлечения более широкого круга местных историков были достигнуты к концу 30-х годов.

Установление более тесных связей с историческими институтами и секциями филиалов АН СССР, историками университетов и педвузов создавало предпосылки для успешного сотрудничества в журнале, способствовало фактическому превращению «Историка-марксиста» во всесоюзный орган исторической науки. Анализ авторского состава журнала привел к выводу, что научная судьба подавляющего большинства советских историков 20-х — начала 40-х годов была связана с этим журналом, в нем были опубликованы первые их исследования, их усилиями журнал стал по праву первым всесоюзным марксистским историческим журналом широкого профиля.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЖУРНАЛА С НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ И ПЕРИОДИЧЕСКИМИ ИЗДАНИЯМИ

Создавая первый советский исторический журнал широкого профиля, советские историки, по словам М. Н. Покровского, рассматривали его «как организационный постоянный центр марксистской исторической мысли»¹⁶⁹.

---

¹⁶⁹ РО Института истории СССР АН СССР, ф. 5, оп. 2, д. 8, л. 147.

Анализ деятельности выявил его связи с существовавшими в 20—30-е годы научными и учебными центрами исторической науки. На первых порах такая связь осуществлялась благодаря ОИМ. В недрах Общества журнал зародился, члены ОИМ были его создателями и первыми авторами. Журнал был призван способствовать выполнению задач, стоявших перед ОИМ и в его лице перед всей советской исторической наукой. Были установлены контакты с рядом учреждений, обществ, редакций: комуниверситетами им. Свердлова и трудящихся Востока, I и II МГУ, Академией комвоспитания, Государственным институтом журналистики, ВНАВ, Наркомпросом, Обществом старых большевиков, Обществом бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, Истпрофом, Истпартом, Музеем революции, Центрархивом; журналами «Военный вестник», «Красный архив», «Пролетарская революция» и др.^{170—171} Были отдельные попытки установить связь с периферийными организациями¹⁷². Позднее, в начале 30-х годов, были налажены связи с Историко-археографическим институтом АН СССР, МИФЛИ, ЛИФЛИ и др.¹⁷³

Степень этих контактов была различна, разнообразными были формы связи. Широкое распространение получила такая форма контактов, как участие в заседаниях ОИМ. Представители ряда исторических учреждений — ИКП, ИМЭ, ИЛ, Института истории, РАНИОН — входили в совет Общества. Традиционным для 20-х годов был обмен печатной продукцией.

Спрос на журнал «Историк-марксист» был так велик, что полностью не мог быть удовлетворен. Между ним и журналами «Пролетарская революция», «Красный архив» практиковался обмен статьями, документальными материалами, предпринимались попытки согласования редакционно-издательских планов¹⁷⁴.

Журнал стремился наладить систематическую инфор-

---

^{170—171} Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 5, л. 36; д. 18, л. 166; д. 28, л. 2.

¹⁷² Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 1, л. 6, 45.

¹⁷³ Там же, л. 33.

¹⁷⁴ В частности, по инициативе Истпарта в начале 1928 г. состоялось совещание с представителями издательств и научно-исследовательских организаций для выработки единого плана изданий литературы по истории ВКП(б) и Октябрьской революции. От журнала в совещании принял участие А. В. Шестаков. См. там же, ф. 638, оп. 2, д. 69, л. 7.

мацию о деятельности учреждений исторического профиля¹⁷⁵. Будучи общественной организацией на добровольных началах, ОИМ и его руководство стремились создать ядро из высококвалифицированных научных и преподавательских сил Москвы, Ленинграда и других городов. Расширение контактов способствовало формированию широкого авторского коллектива журнала.

Анализ связей «Историка-марксиста» с другими историческими учреждениями, с одной стороны, позволяет установить источники формирования его тематики и проблематики, с другой — проследить степень его влияния на развертывание исследовательской работы в исторических центрах. Особенно тесная связь установилась между журналом и преподавателями Комуниверситета им. Свердлова. Члены кафедры истории А. М. Васютинский, П. О. Горин, В. П. Викторов, П. И. Кушнер, В. П. Полонский, С. А. Пионтковский, С. Г. Томсинский, Г. С. Фридлянд, А. В. Шестаков и другие активно участвовали в работе журнала с первых лет его существования¹⁷⁶. Преподаватели других комвузов и вузов Москвы и Ленинграда были представлены в журнале меньше. Из Комуниверситета трудящихся Востока пришли в журнал Л. П. Мамет, А. Д. Попов, О. Г. Меерсон, из Комуниверситета национальных меньшинств Запада — В. В. Рудаш, Г. М. Крастынь и др.¹⁷⁷ Среди сотрудничавших с журналом преподаватели Ленинградского комуниверситета Я. М. Захер, Г. С. Зайдель, А. И. Молок, С. С. Горловский и др. Группу авторов журнала составили профессора и преподаватели I и II МГУ, члены ВНАВ во главе с ее председателем М. П. Павловичем и др. Постоянное внимание руководство ОИМ и журнала уделяло укреплению связей с Институтом истории РАНИОН и ИКП.

Ко времени создания журнала «Историк-марксист» Институт истории РАНИОН представлял собой значительное объединение специалистов по отечественной и за-

---

¹⁷⁵ С просьбой о присылке информации о деятельности журнал обращался в Истпарт, историческую комиссию Института советского строительства, Институт истории РАНИОН, ИКП, ИМЭ, Институт В. И. Ленина и др. См. там же, ф. 371, оп. 1, д. 2, л. 7—9; д. 45, л. 1—2.

¹⁷⁶ ЦГАОР, ф. 5221, оп. 6, д. 43, л. 15, 15 об., 43; д. 47, л. 3; д. 45, л. 11—13.

¹⁷⁷ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 60, ед. хр. 800, л. 80, 81.

падной истории¹⁷⁸. Состав сотрудников был не однороден: наряду с историками-марксистами в нем работали историки буржуазной школы. Тематика исследований отличалась большим разнообразием. Ведущими направлениями научно-исследовательской деятельности были экономическая и социальная история, история международных отношений, революционного движения.

Установление контактов с Институтом истории РАНИОН было в числе первых мероприятий ОИМ: многие сотрудники института вступили в Общество, был налажен обмен изданиями, установлена связь с журналом «Историк-марксист»¹⁷⁹. К работе в нем подключилась половина научных сотрудников и аспирантов института, составлявшая треть общего числа авторов журнала. Внимание редколлегии было обращено на прочитанные в секциях института доклады. Наиболее широко публиковались результаты исследований секции новой истории и подсекции, а затем и секции новой русской истории¹⁸⁰.

Изучение проектов будущих номеров «Историка-марксиста» показало, что предварительные планы использования результатов исследований сотрудников института были гораздо обширнее¹⁸¹.

---

¹⁷⁸ В институте работало свыше 70 человек: действительные члены, научные сотрудники и др. Свыше 40 человек работало в созданном весной 1927 г. Ленинградском отделении. В течение 1924—1928 гг. в аспирантуре занималось 65 человек. См.: ЦГА РСФСР, ф. 4655, оп. 1, д. 184, л. 1—9.

¹⁷⁹ Руководство института неоднократно высказывалось за установление прочных связей с ОИМ и журналом, в свою очередь, журнал стремился наладить регулярную информацию о деятельности института в виде докладов на совместных заседаниях или публикации хроники. См. там же, д. 153, л. 120; д. 175, л. 3об., 34об., 37; Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 2, л. 198; ф. 371, оп. 1, д. 2, л. 7; Историк-марксист, 1927, № 5, 6; 1928, № 9.

¹⁸⁰ Производя отбор, редколлегия журнала использовала в форме статей, рецензий, критических обзоров доклады на следующие темы: по истории революции 1789 г. во Франции, международные отношения конца XIX в., русское революционное движение и др. См.: ЦГА РСФСР, ф. 4655, оп. 1, д. 184, л. 47—48; д. 153, л. 16.

¹⁸¹ Предполагалось опубликовать в виде статей доклады о Пестеле, о военных поселениях конца XIX в. в России, ряд докладов по истории Октября, в том числе историографические обзоры и др. В этом убеждает сравнение планов «Историка-марксиста» с перечнем прочитанных в Институте докладов. См.: Архив АН СССР, ф. 638, оп. 2, д. 69, л. 36, 36об., 56, 1, 4, 28об., 43, 48, 53об., 60; ЦГА РСФСР, ф. 4655, оп. 1, д. 177, л. 13; д. 153, л. 17.

Так же плодотворно сотрудничали в журнале сотрудники Ленинградского отделения Института истории РАНИОН¹⁸². Наиболее полное отражение в «Историкомарксисте» получила деятельность секции всеобщей истории¹⁸³. Выбор тех или иных докладов определялся общими установками журнала на освещение определенных проблем: рабочее и революционное движение в России, западноевропейские буржуазные революции, международные отношения в новое время, общественно-политическая мысль и др. В то же время можно отметить стремление редколлегии выйти за рамки традиционных для журнала тем, о чем писалось выше, и использовать результаты исследований сотрудников секции истории средних веков, публикуя историографические обзоры литературы о конкретных особенностях феодального строя в различных странах Европы¹⁸⁴.

В плане историографическом получила свое освещение в журнале проблема вотчинного и крепостного хозяйства России и др. Авторами историографических работ были: Е. Косминский, С. Моносов, Е. Мороховец, М. Нечкина, аспиранты В. Васютинский, И. Звавич, А. Авербух, В. Хвостов и др. Постоянно сотрудничали в критико-библиографическом отделе журнала: В. Невский, Н. Грацианский, Г. Пригоровский, Ф. Преображенский и др. В журнале были опубликованы первые опыты исследований аспирантов и молодых сотрудников института: П. Анатольева, А. Ангарова, А. Ерусалимского, П. Завитневича, С. Куниского, И. Кизрина, Н. Фрейберг и др. Контакты жур-

---

¹⁸² В составе Отделения существовало две секции: всеобщей истории под руководством Е. В. Тарле и русской истории под руководством А. Е. Преснякова.

¹⁸³ В журнале были опубликованы доклады П. Щеголева о термидоре, А. Молока о военных организациях Парижской коммуны, Г. Зайделя о революции 1848 г. во Франции и др. Ср. перечень прочитанных в отделении докладов (ЦГА РСФСР, ф. 4655, оп. 1, д. 153, л. 25) с планами журнала (Архив АН СССР, ф. 638, оп. 2, д. 69, л. 53об., 69, 1, 4; ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 89, оп. 7, ед. хр. 26, л. 2; Историк-марксист, 1926—1928). Были запланированы, но не опубликованы доклады о Ж. Ру, борьбе течений в германской социал-демократии, II Интернационале, ряд тем по отечественной истории: о политике русского царизма на Дальнем Востоке в XIX в., черноморских проливах, русско-японской войне и др.

¹⁸⁴ Ср. содержание журнала за 1926—1929 гг. с перечнем докладов Института истории. См.: ЦГА РСФСР, ф. 4655, оп. 1, д. 153, л. 93; д. 161, л. 6.

нала с рядом научных и учебных учреждений страны, привлечение творческой молодежи осуществлялись благодаря активности членов ОИМ и редколлегии журнала, прежде всего М. Н. Покровского, Н. М. Лукина, Г. С. Фридлянда, А. В. Шестакова. Их научный авторитет и доброжелательность привлекали научную молодежь, создавали творческую атмосферу, способствовали расширению авторского коллектива «Историка-марксиста».

Связь с одним из крупнейших центров по подготовке марксистских кадров историков в 20—30-е годы — Институтом красной профессуры (ИКП) — установилась в процессе создания журнала «Историк-марксист». Первые выпускники института вместе с историками старшего поколения участвовали в организации ОИМ, входили в состав первой редколлегии журнала. По решению президиума совета исторического отделения ИКП был создан институт уполномоченных, прикрепленных к историческим журналам¹⁸⁵. Руководство ИКП обязывало слушателей старших курсов принимать активное участие в работе исследовательских центров исторической науки: ОИМ, Институте истории Комкадемии, ИМЭ, Институте В. И. Ленина и др.¹⁸⁶ Большинство слушателей активно сотрудничали в журнале «Историк-марксист». Опубликованная в периодике статья или рецензия приравнивалась к курсовой работе¹⁸⁷.

Вопрос о привлечении слушателей института в Общество историков-марксистов и его издания неоднократно обсуждался на заседаниях Совета ОИМ¹⁸⁸. Однако и руководство Общества не всегда было достаточно активным в этом плане, что дало основание партийному бюро ИКП в одной из своих резолюций 1929 г. отметить «слабое привлечение слушателей ИКП к участию в научно-общественной работе» ОИМ¹⁸⁹. Специальный пункт касался работы журнала «Историк-марксист», который, по мнению партийного бюро, «еще не сделал всего для объеди-

---

¹⁸⁵ ЦГАОР, ф. 5284, оп. 1, д. 559, л. 11 об.; д. 438, л. 5—5 об. Таким представителем в журнале в 1928—1929 гг. был В. М. Далин.

¹⁸⁶ РО Института истории СССР АН СССР, ф. 5, оп. 2, д. 21, л. 136. «Положение о производственной практике слушателей исторического отделения ИКП».

¹⁸⁷ ЦГАОР, ф. 5284, оп. 1, д. 559, л. 50.

¹⁸⁸ Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 11, л. 164, 165.

¹⁸⁹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 35, л. 42.

нения вокруг него растущих кадров историков-марксистов»¹⁹⁰. Тем не менее в конце 20-х годов слушатели ИКП составляли треть авторов журнала «Историк-марксист». Дальнейшему укреплению связей способствовало объединение ИКП с соответствующими институтами Ком-академии. Подобная мера преследовала повышение теоретического и профессионального уровня подготовки слушателей ИКП. Объединение было вызвано постановлением ЦК ВКП(б) 1930 г., в котором говорилось об улучшении производственной практики будущих «красных профессоров»¹⁹¹.

Объединение институтов создавало условия для лучшей увязки учебной работы с работой научно-исследовательской. Научная работа слушателей ИКП в семинарах составной частью входила в тематические планы «Историка-марксиста». Активно сотрудничали в журнале участники семинара Н. М. Лукина (по истории германской социал-демократии), М. Н. Покровского (по истории крепостничества), В. П. Волгина (по истории социалистических учений), Ф. А. Ротштейна (по истории колониальной политики), Н. Н. Попова (по национальному вопросу) и др.¹⁹² Ряд подготовленных в семинарах докладов был опубликован в виде статей в журнале¹⁹³.

Широко использовала редколлегия журнала результаты исследований преподавателей кафедр ИКП. Сравнивая основные направления научной деятельности подразделений ИКП с планами журнала «Историк-марксист», убеждаешься в наличии тесных творческих связей: результаты исследований публиковались в журнале, в свою очередь заказы редколлегии «Историка-марксиста» в ряде случаев расширяли тематику научного поиска. Вы-

---

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Справочник партийного работника, вып. 8, с. 339.

¹⁹² РО Института истории СССР АН СССР, ф. 5, оп. 2, д. 20, л. 158—160.

¹⁹³ Например, А. Алимова о турецкой конституции 1876 г., С. Бантке об образовании компартии Франции, П. Галузо о народных движениях в Средней Азии в период империализма и др. Намечалась публикация докладов о вотчинной фабрике, о рабочем классе пореформенной России, о Красной гвардии и др., а также по всемирной истории: о Геде и гедистах и др. Ср. планы журнала с перечнем прочитанных в ИКП докладов: РО Института истории СССР АН СССР, ф. 5, оп. 4, д. 336, л. 3, Зоб.; ЦГАОР, ф. 5284, оп. 1, д. 559, л. 4.

движение на первый план, как отмечалось выше, изучения истории народов СССР, проблем социально-экономических формаций, истории капитализма и империализма в России, международного коммунистического движения способствовало обогащению тематики «Историка-марксиста».

Составляя новые планы, редколлегия журнала во многом опиралась на исследовательскую работу созданных в 1930 г. Института истории красной профессуры и Института истории партии красной профессуры. В авторский коллектив влились слушатели и выпускники этих институтов: Е. Андич, Н. Добротвор, М. Миско, В. Максимов, Л. Баженов, Н. Застенкер, Б. Тихомиров, Л. Рыклин и др. В журнале появились интересные исследования о международном значении и влиянии Великого Октября, о строительстве партии большевиков, о гражданской войне, о социалистическом движении в странах Западной Европы и др.

Публикация результатов исследований профессорско-преподавательского состава и слушателей ИКП — распространенная, но не единственная форма контактов Института и журнала. Большую роль сыграли выпускники в связях журнала с периферией. Кроме того, личные связи с бывшими слушателями ИКП помогли журналу расширить контакты с Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса, Институтом В. И. Ленина (позднее ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)). Это сотрудничество имело важное значение для научного освещения в журнале проблем марксведения, истории ленинизма, истории партии, международного социалистического и коммунистического движения. Особенно тесные творческие связи установились с членами созданной в 1928 г. в Институте В. И. Ленина группы по изучению истории Коминтерна: С. С. Бантке, Д. А. Бавевским, А. З. Манфредом, руководителем группы — Бела Куном¹⁹⁴. Однако в основном исследования сотрудников ИМЭЛ печатались в своих периодических изданиях: «Пролетарской революции», «Летописях марксизма» и др.

Во второй половине 30-х годов большое распространение в «Историке-марксисте» получило рецензирование из-

---

¹⁹⁴ Статьи этих авторов по проблемам международного социалистического и коммунистического движения неоднократно печатались в журнале.

даний ИМЭЛ. В первую очередь отмечались выходы произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Эти публикации, по мнению рецензентов, отличались высоким археографическим уровнем. Каждая новая работа классиков марксизма-ленинизма обогащала советскую историческую науку, открывала перед исследователями возможности более глубокого изучения исторического процесса. В журнале был отмечен выход сборников воспоминаний о К. Марксе и В. И. Ленине¹⁹⁵. Серьезный анализ содержания подготовленных сотрудниками ИМЭЛ для публикации протоколов I Интернационала, Парижской Коммуны, Коминтерна, съездов и конференций РСДРП и др., а также археографического подхода к рукописям был дан в ряде опубликованных в «Историке-марксисте» рецензий.

С начала 30-х годов круг учреждений, с которыми координировал свою деятельность журнал, расширился: были установлены связи с редакциями «История гражданской войны», «История фабрик и заводов». Формы сотрудничества были традиционными: авторство в журнале, рецензирование продукции, информация о деятельности и др. С воссозданием сети исторических факультетов университетов и пединституты, как отмечалось выше, авторский состав пополнился новыми отрядами исследователей. Большое значение для работы журнала имело создание в 1938 г. Отделения истории и философии АН СССР, в которое вошли все институты исторического профиля. Открывались возможности для установления более тесных связей с сотрудниками академических институтов: востоковедения, материальной культуры, этнографии. Рост числа филиалов и отделений АН СССР, создание в них институтов или секторов по историческим дисциплинам расширяли источниковую базу материалов, предназначенных «Историком-марксистом» для публикации, создавали новые резервы авторов.

Таким образом, журнал сыграл крупную роль в объединении и координации деятельности различных научных и учебных центров в области исторической науки, в выработке единой методологической марксистско-ленинской основы для научных исследований.

---

¹⁹⁵ Среди авторов рецензий Ф. Алениц, Е. Рубинштейн, А. Сидоров, Н. Луккин и др.

Для выпуска журнала нужна была издательская база. В октябре 1925 г. А. В. Шестаков как член организационной комиссии по поручению Совета ОИМ обратился в издательство Комакадемии с предложением принять на себя выпуск журнала¹⁹⁶. В дальнейшем был выработан и подписан договор между издательством и обществом, точно фиксирующий обязательства каждой стороны¹⁹⁷. По первоначальному плану был намечен выпуск четырех номеров в год, объемом 25 п. л., тиражом 3000 экземпляров. Тираж, объем журнала за время его существования претерпели различные изменения, что прослеживается по данным таблицы. Невысокий на первых порах тираж «Историка-марксиста» был как-то оправдан новизной самого издания. Журналы «Пролетарская революция», «Каторга и ссылка», «Новый Восток», «Красный архив» и другие к моменту выхода «Историка-марксиста» уже зарекомендовали себя как издания определенного типа, с устоявшейся структурой, четко обозначенным кругом проблем, постоянным авторским составом. Популярность их была вызвана публикацией большого числа мемуаров и документов. Иным было содержание журнала «Историк-марксист»: его научно-методический характер должен был привлечь внимание исследователей, а обращение редколлегии к вопросам преподавания истории как нельзя лучше отвечало потребностям в такого рода литературе преподавателей общественных дисциплин. Еще одна категория читателей формировалась из аспирантов исторических институтов РАНИОН и слушателей ИКП.

Первый номер журнала вышел в конце апреля 1926 г.¹⁹⁸, а в мае состоялось совещание членов ОИМ

---

¹⁹⁶ Архив АН СССР, ф. 638, оп. 2, д. 2, л. 1, 1об.

¹⁹⁷ ОИМ устанавливало размер каждого номера, издательство по соглашению с Обществом определяло тираж, кроме того, несло все расходы по печатанию журнала, оплачивало редакторский и авторский гонорары. Издательство обязывалось не вмешиваться в редакционные дела. См. там же, ф. 377, оп. 1, д. 7, л. 1—3, 14.

¹⁹⁸ Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 17, л. 2. До сих пор датой выхода первого номера считался май. Как на единственный источник ссылались на опубликованную в «Правде» от 15 июня 1926 г. заметку об Обществе историков-марксистов.

(присутствовали П. Горин и В. Орлов) и работников издательства Комакадемии по вопросу о распространении¹⁹⁹. Были намечены основные центры рассылки «Историка-марксиста»: библиотеки, вузы, комвузы, совпартшколы, истпарты, истпрофы²⁰⁰. По мере выхода очередных номеров журнала популярность его росла²⁰¹. Преобладало распространение по подписке, причем число подписчиков неуклонно возрастало. Регулярно 200 экземпляров заказывалось ЦК ВКП(б), 100 — Главполитпросветом²⁰². Широко практиковалась рассылка журнала в порядке обмена. Сохранились многочисленные письма — просьбы от научных учреждений и журналов в редакцию «Историка-марксиста» с предложением организовать обмен изданиями²⁰³.

Все большую роль в распространении и пропаганде журнала стали играть местные отделения ОИМ. Обмен с зарубежными историческими центрами шел через ВОКС, рассылалось в среднем 125 экземпляров²⁰⁴. Среди корреспондентов — Восточный институт в Бреславле, Варшавский университет, отдельные лица²⁰⁵. В связи с поездкой во Францию осенью 1927 г. Г. С. Фридлянда Совет ОИМ выдал ему специальный мандат «на переговоры и вступление в организационные отношения с учеными и научными историческими учреждениями Франции на предмет установления связи»²⁰⁶. В ходе переговоров

---

¹⁹⁹ Там же, ф. 377, оп. 1, д. 7, л. 20.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Если из общего тиража № 1—3 в среднем разошлось по 850 экз., то № 5—6 — по 1200 экз., причем, например, № 4 в первый же месяц после выхода разошелся в количестве 1441 экз. См. там же, ф. 371, оп. 1, д. 3, л. 128, 212.

²⁰² Там же, л. 1—2, 2 об., 47, 49, 85, 87, 114; ф. 377, оп. 1, д. 58, л. 152.

²⁰³ Историк-марксист, 1927, № 4, с. 277. В 1927—1929 гг. таковыми были «Большевик», «Каторга и ссылка», «Красная летопись», «Летопись революции», «Коммунистическая революция», «Коммунистическая мысль», «Пролетарская революция», «Под знаменем марксизма», «Комсомольская летопись»; учреждения: Истпарт при ЦК ВКП(б) и МК ВКП(б), РАНИОН, ВНАВ, КУТВ, I и II МГУ, ИМЭ, Институт В. И. Ленина, Музей революции, историческая комиссия АН СССР, Украинская академия наук, Централхив, Средазбюро ЦК ВКП(б), ряд библиотек, в том числе библиотека им. В. И. Ленина, местные истпарты и др.

²⁰⁴ Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 83, л. 1.

²⁰⁵ Там же, д. 3, л. 133, 206; л. 11, л. 39, 118.

²⁰⁶ Там же, ф. 377, оп. 1, д. 8, л. 65.

предполагалось наладить более широкий обмен изданиями.

Вопрос о распространении советских журналов, в том числе «Историка-марксиста», обсуждался на заседаниях бюро Президиума Комкадемии. На одном из таких заседаний в январе 1928 г. был заслушан доклад Е. Б. Пашуканиса. Предполагалось издание специальных сборников статей, выбранных из периодических изданий Комкадемии, перевод статей на иностранные языки и распространение за границей. Для начала было решено отдельные статьи из журналов, в их числе «Историк-марксист», опубликовать в иностранной периодике²⁰⁷.

Попытки распространения журнала «Историк-марксист» за рубежом предпринимало издательство Комкадемии²⁰⁸. Создание в конце 20-х годов бюро международных связей при Институте истории Комкадемии во главе с Н. М. Лукиным способствовало усилению обмена. Было получено предложение об обмене от редакции ежемесячника «Центральная Европа», который был популярен в ряде европейских стран²⁰⁹. Тогда же появилась возможность наладить регулярный обмен изданиями через полпредство СССР²¹⁰. Те немногочисленные международные связи советских историков, которые установились в конце 20-х годов, свидетельствовали о возрастании интереса прогрессивной части буржуазных историков к советской исторической науке. Это было своеобразным признанием ее достижений. Будучи всеобщим, журнал как нельзя лучше отвечал задачам пропаганды успехов советской историографии, освещая на своих страницах наиболее актуальные проблемы, являлся воплощением ленинской политики использования буржуазных специалистов.

Спрос на журнал полностью не удовлетворялся. Тяжелое положение, в котором пребывало издательство Комкадемии, сдерживало развитие журнала «Историк-марксист», его количественный рост. Особенно тяжелое положение создалось к лету 1927 г., о чем свидетельствовало адресованное М. Н. Покровскому письмо А. Шестакова и И. Татарова от 18 июля 1927 г. Среди причин, приведших к задержке выхода очередных номеров журнала, они

---

²⁰⁷ Там же, ф. 350, оп. 1, д. 45, л. 50. Списка статей в деле не оказалось. Судьба начинания неизвестна.

²⁰⁸ Там же, д. 34, л. 27.

²⁰⁹ Там же, ф. 371, оп. 1, д. 11, л. 68.

²¹⁰ Там же, ф. 377, оп. 1, д. 148, л. 8—10.

указывали на перестройку в издательстве²¹¹. Письмо опиралось на выводы ревизионной комиссии ОИМ по проверке состояния печатания и распространения журнала «Историк-марксист». Результаты обследования были оглашены на совещании представителей издательства и редакции журнала 19 июля 1927 г.²¹² Подписка и распространение были признаны неудовлетворительными, указывалось на плохую работу отдела распространения издательства, было предложено улучшить пропаганду «Историка-марксиста» среди широкой массы научных и педагогических работников, добиться по мере увеличения тиража снижения стоимости журнала, который должен был стать доступным по цене «для скудного бюджета научного работника»²¹³. Было решено лучше организовать рассылку проспектов в провинцию и за границу.

В ходе проверки работы издательства специальной комиссией Президиума Комакадемии выяснилось, что систематически снижался объем и тираж журнала «Историк-марксист» без достаточных к тому оснований²¹⁴. Для распространения журнала плохо использовалась система истпартов, истпрофов, главполитпросвета и др., в то же время издательство ссылалось на непопулярность журнала, его неokuпаемость.

Созданный в августе 1927 г. по решению Президиума Комакадемии специальный редакционно-издательский совет при издательстве, включавший представителей институтов и редакций журналов, должен был установить тесные контакты с журналами, обеспечить своевременную сдачу материалов в печать и паладить регулярный выпуск номеров²¹⁵. Решено было проводить организованную кампанию по подписке на журналы Комакадемии²¹⁶.

---

²¹¹ Архив АН СССР, ф. 374, оп. 1, д. 7, л. 69.

²¹² Там же, ф. 377, оп. 1, д. 7, л. 21.

²¹³ Там же, д. 15, л. 2.

²¹⁴ Там же, ф. 370, оп. 1, д. 5, л. 20об.; ф. 350, оп. 1, д. 34, л. 27.

²¹⁵ Там же, ф. 370, оп. 1, д. 5, л. 61, 61об., 62. От издательства требовалось наладить своевременную оплату авторам и редакторам, принять меры к снижению себестоимости и продажной цены журналов, пересмотреть тиражную политику в связи с реальными возможностями журналов.

²¹⁶ Впервые такое мероприятие было проведено в 1927 г. Подписку проводили уполномоченные издательства через местные книготорговые организации, через отделения «Известий» и «Огонька», устанавливались связи с местными партийными и советскими

Для «Историка-марксиста» годовая подписка заканчивалась в июле текущего года²¹⁷. По-прежнему, однако, высокой оставалась цена журнала, неоднократные просьбы редакции о снижении цены так и не были удовлетворены.

Много нареканий вызывал внешний вид журнала, его низкая полиграфическая культура: серая непривлекательная обложка, обилие опечаток, тяжелый вес тома²¹⁸. Вопрос об опечатках неоднократно обсуждался на заседаниях Совета ОИМ, но это мало меняло дело²¹⁹. В дальнейшем к журналу стал прилагаться список опечаток, значительный по объему.

Кроме чисто внешних улучшений, делались попытки изменить всю структуру журнала, сделать его более компактным, мобильным, приблизить к лучшим образцам научных журналов Западной Европы и США. Отмечая содержательность и добротность публикуемого в «Историке-марксисте» материала, Покровский считал недостатком, что в журнале «...мало места для идей, много слишком чисто конкретного материала»²²⁰. «Мы пишем длинно и тягуче», — неоднократно повторял он и призывал покончить с цитатничеством, описательством²²¹. Большая оперативность в выпуске журнала диктовалась теми новыми задачами, которые встали перед редколлекцией в связи с преобразованием его в ежемесячный постановлением I Всесоюзной конференции историков-марксистов (1929)²²². Решение это по ряду причин оказалось невы-

---

организациями, рассылались письма с предложениями возобновить подписку.

²¹⁷ Там же, л. 3, 4. Очевидно, то тяжелое положение, в которое журнал попал по вине издательства в 1927 г., сказалось на результатах подписки на 1928 г., чем и объясняется низкий тираж (см. таблицу).

²¹⁸ Тяжелый вес томов, по воспоминаниям Покровского, явился причиной курьезного случая. Когда в 1928 г. по предложению А. М. Коллонтай было решено послать комплект вышедших семи номеров в Норвегию с дипломатической почтой, то это оказалось невозможным, так как вес номеров был значительно выше нормы перевозки, установленной для дипкурьеров. См.: Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 31, л. 24.

²¹⁹ Там же, д. 31, л. 236.

²²⁰ Там же, д. 97, л. 17.

²²¹ Там же, л. 24.

²²² Труды I Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930, т. II, с. 610.

полненным и главным образом из-за малочисленности редакционного аппарата, загруженности членов редколлегии, узкой полиграфической и издательской базы. Однако некоторые положительные результаты перестройки издательства были достигнуты к концу 20-х годов²²³. Положение журнала «Историк-марксист» стабилизировалось, и он занял третье место среди журналов Комакадемии²²⁴.

Успешно прошла подписка на 1930 г.²²⁵ Однако издательство все-таки не могло создать условия для более успешного развития журнала. Лишь в 1930 г. стал возможен выпуск 6 номеров. Этому предшествовало решение Президиума Комакадемии от 21 июля 1930 г. о передаче издательства академии в организуемый социально-экономический отдел ОГИЗа²²⁶. Неблагополучие в работе редакции, о чем писалось выше, нарушило нормальные деловые контакты между журналом и издательством. Если

²²³ Начавшееся упорядочение дел в издательстве во многом было связано с той последовательной политикой, которую проводил Президиум Комакадемии в этом плане. Неоднократно вопрос о положении с издательством, о состоянии периодических изданий Академии обсуждался на заседаниях бюро Президиума. Руководство Академии требовало четкой организации работы не только от издательства, но и от редакций журналов. См.: РО Института истории АН СССР, ф. 5, оп. 2, д. 7, л. 53.

²²⁴ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 45, л. 51.

²²⁵ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 33, л. 84. Число подписчиков достигло 2200 человек. Вот цифры для сравнения:

	1928 г.	1930 г.
«Историк-марксист»	1000	2200
«На аграрном фронте»	2200	8100
«Советское государство и революционное право»	500	1700
«Мировое хозяйство и мировая политика»	1200	3300

²²⁶ Вестник Комакадемии, 1930, № 42, с. 158; РО Института истории СССР АН СССР, ф. 5, оп. 2, д. 8, л. 88. На совещании представителей журнала и нового издательства был утвержден проект новой обложки, установлена двойная нумерация, порядковая и годовая, были определены сроки прохождения очередных номеров, принято решение о дальнейшем снижении объема каждого номера до 10 п. л. при одновременном повышении тиража с 3550 до 5200 экз. и дальше. Спичение объема журнала в течение 1930—1931 гг. было вызвано недостатком бумаги в стране и было всеобщим. См.: Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 15, л. 22; ф. 638, оп. 1, д. 20, л. 24; ф. 371, оп. 1, д. 11, л. 143.

раньше редакция бомбардировала издательство письмами о плохой работе типографии, то на протяжении 1931 г. издательство неоднократно обращалось с претензиями о плохой работе редакции и вопрос о положении «Историка-марксиста» неоднократно обсуждался на заседаниях редакционно-издательского бюро Соцэкгиза, Президиума Комкадемии²²⁷. В то же время отмечалось, что и издательство не справлялось со всем объемом работы. В 1932 г. журнал был передан в Партиздат²²⁸.

Уже первый год сотрудничества «Историка-марксиста» с Партиздатом был благотворным для журнала: начался регулярный его выпуск, улучшилось качество издания, книги стали более компактными и изящными, хотя и печатались на газетной бумаге. Объем несколько снизился (10 п. л.), но общий годовой объем сохранился, продолжалось дальнейшее увеличение тиража. Для лучшего удовлетворения спроса на отдельные журналы Партиздат провел в конце 1932 — начале 1933 г. работу по выявлению категорий читателей. Обследование показало, что журнал «Историк-марксист» со времени своего создания приобрел широкую популярность и получил распространение в научно-исследовательских и учебных заведениях, партийных, комсомольских, профсоюзных и советских организациях, библиотеках, партийных кабинетах²²⁹.

Перевод журнала в Партиздат способствовал упорядочению работы по выпуску номеров, положительно повлиял на деятельность редакции. О планомерности, ритмичности в работе свидетельствовали даты подписания номеров в печать. Подготовка каждого номера проходила два ме-

---

²²⁷ Там же, д. 19, л. 87, 88; д. 14, л. 126; ф. 368, оп. 1, д. 3, л. 1—3; д. 14, л. 15, 139. По заявлению представителя Соцэкгиза, выпуск журнала находился в катастрофическом состоянии. С огромным трудом и большим опозданием удалось выпустить за год две книги. Под угрозой оказалась подписка на 1932 г.

²²⁸ Архив АН СССР, ф. 368, оп. 1, д. 20, л. 19; д. 28, л. 38, 38об. Отныне все отношения редакции регулировались специальным договором, заключенным с издательством. Издание переводилось на хозрасчет, был увеличен авторский гонорар, тираж, увеличена розничная продажа. См. там же, д. 21-б., л. 48.

²²⁹ Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 19, л. 57, 59, 27. Всего учрежденческая подписка составила 8732 экз., 1604 экз. падало на индивидуальную подписку, в розничную продажу поступало 719 экз. Это хотя и превышало показатели 1931 г., но не намного. По сведениям торгового управления, для розничной продажи было необходимо по крайней мере 1500 экз.

ОСНОВНЫЕ ДАННЫЕ ПО ЖУРНАЛУ «ИСТОРИК-МАРКСИСТ»

Год	Объем	Тираж	Число номеров в год	Число книг	Издательство
1926	25	3 000	2	2	Комакадемия
1927	25	2 500	4	4	»
1928	17	2 000	4	4	»
1929	17	2 500	4	4	»
1930	12	3 500	6	5	Соцэкгиз
1931	10	5 200	2	2	»
1932	10	10 250	6	4	Партиздат
1933	10	10 355	6	6	»
1934	10	10 611	6	6	Партиздат Соцэкгиз
1935	10,5	12 787	12	9	Правда
1936	13,3	22 616	6	6	»
1937	14,5	36 190	6	5	»
1938	14,8	30 000	6	6	»
1939	14,2	32 600	6	5	»
1940	10	35 000	12	12	»
1941	10	35 000	6	6	»

сяца и в конце второго месяца номер подписывался в печать. К сожалению, отсутствие специальных материалов по «Историку-марксисту» за вторую половину 30-х годов не позволило проследить хотя бы в общих чертах взаимоотношения журнала с издательствами, тиражную политику, подписку и др.

После кратковременного пребывания вновь в Соцэкгизе журнал в 1935 г. перешел в издательство «Правда». Главным оставался вопрос об увеличении тиража и объема, о переходе на ежемесячный выпуск. Задача эта была решена отчасти благодаря санкционированному ЦК ВКП(б) изданию 12 номеров в год²³⁰. Как свидетельствовали отчетные доклады ответственных редакторов журнала «Историк-марксист», между ним и издательством установились деловые контакты, основанные на вза-

²³⁰ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 89, оп. 7, ед. хр. 32, л. 8; Архив АН СССР, ф. 457, оп. 1 (1941), д. 11, л. 15.

имном выполнении обязательств. Отдельные задержки происходили из-за недостатка бумаги²³¹. Отчеты свидетельствовали и о возросшем интересе исторической общественности к журналу, который отличался актуальностью, партийностью, высоким научным уровнем публикуемых материалов. Пророческими оказались слова одного из создателей журнала, М. Н. Покровского, что журнал станет «настоющей книгой научного работника». Действительно, «Историк-марксист» стал постоянным организующим центром советской исторической мысли, пропагандистом исторических знаний, марксистской методологии.

---

²³¹ По этой причине, очевидно, не произошло обещанного в 1941 г. увеличения объема на 2—3 п. л. и тиража до 50 тыс. См.: Архив АН СССР, ф. 457, оп. 1 (1941), д. 11, л. 19.

ЖУРНАЛ «ИСТОРИК-МАРКСИСТ»
В БОРЬБЕ ЗА УТВЕРЖДЕНИЕ
МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

(вторая половина 20-х — первая половина 30-х годов)

ОСВЕЩЕНИЕ В ЖУРНАЛЕ ЭТАПОВ
РУССКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
XIX — НАЧАЛА XX В.

Задача создания подлинно научной истории общества на основе марксистско-ленинской методологии обусловила направление деятельности журнала. В идейной борьбе, развернувшейся во всех сферах общественной жизни после Великой Октябрьской социалистической революции, на первый план выдвинулось изучение истории мирового революционного процесса, обоснование его закономерности, выявление периодов и этапов в его развитии, познание особенностей каждого из них, а также специфических черт процесса в отдельных странах и регионах. Составной частью мирового революционного процесса явилось русское революционное движение XIX — начала XX в., кульминационным моментом которого стала Великая Октябрьская социалистическая революция.

История революционного движения XIX — начала XX в. в России принадлежала к числу ведущих тем советской историографии периода ее становления и занимала одно из центральных мест в тематике «Историка-марксиста». Наряду с большой научной значимостью темы советские историки отмечали актуальное политическое значение ее в условиях борьбы с враждебной марксизму идеологией. «Политическая борьба тех лет, — пишет М. В. Нечкина, — отчетливо проходила через исследование

отдельных тем революционного прошлого, отражалась в них»¹.

Изучение истории русского революционного движения велось в тесной связи с историей трех российских революций, что соответствовало ленинскому пониманию преемственности революционных поколений². Однако в целом разработанная В. И. Лениным концепция «о трех поколениях, трех классах, налагавших печать на движение»³, не сразу стала методологической основой указанной проблемы⁴. Утверждение ленинской концепции русского революционного движения в советской исторической науке сопровождалось острой идейной борьбой с буржуазной и мелкобуржуазной историографией. По мере усвоения ленинских положений шло преодоление ошибочных воззрений среди советских историков.

Первое обращение журнала «Историк-марксист» к революционному прошлому России было связано со 100-летием восстания декабристов (1925 г.). Этот юбилей ши-

---

¹ Нечкина М. В. Русское революционное движение XIX в. в советской историографии.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966, т. IV, с. 336.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

³ Основные положения концепции см.: Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся? — Полн. собр. соч., т. 2; Гонители земства и Аннибалы либерализма.— Там же, т. 5; Аграрная программа русской социал-демократии.— Там же; «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция.— Там же, т. 20; Памяти Герцена.— Там же, т. 21; Роль сословий и классов в освободительном движении.— Там же, т. 23; Из прошлого рабочей печати в России.— Там же, т. 25; Крах II Интернационала.— Там же, т. 26; О национальной гордости великороссов.— Там же, т. 26; Доклад о революции 1905 г.— Там же, т. 30 и др. Анализ ленинской концепции русского освободительного движения см.: Нечкина М. В. В. И. Ленин — историк революционного движения в России.— В кн.: В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968; Она же. Ленинская концепция истории революционного движения в России.— Коммунист, 1970, № 7; Она же. Первенцы свободы России.— Коммунист, 1975, № 17; Она же. 150-летний юбилей восстания декабристов (1825—1975).— В кн.: Исторические записки. М., 1975. Т. 96; Новикова Н. Н. Революционеры 1861 г. М., 1968; В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Л., 1969; Ковальченко И. Д. В. И. Ленин о формировании классов и идейно-политической борьбе в пореформенной России.— В кн.: В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970; Революционная ситуация в России в середине XIX в. / Под ред. акад. М. В. Нечкиной. М., 1978, и др.

⁴ Подробнее см.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966, т. IV, гл. V, § 3 (автор — М. В. Нечкина), и др.

роко отмечался советской научной общественностью⁵. Формируя специальный раздел одного из первых номеров журнала, посвященный юбилею, редколлегия сосредоточила внимание на освещении радикального направления в декабристском движении, что было новым по сравнению с буржуазной историографией⁶. Из намеченного, однако, опубликованной оказалась лишь статья об «Обществе соединенных славян»⁷. Ее автор, М. В. Нечкина, представила автореферат монографии на тему, до того не исследованную в декабристоведении.

Статья молодого исследователя содержала глубокий анализ программы и тактики «Общества», его характерных черт, общей картины деятельности этой группы декабристов, участия в восстании Черниговского полка, заговора в Зерентуйском руднике и др. Автор пришла к убедительным выводам об отличительных особенностях «Общества соединенных славян», целью которого было объединение всех славянских народов в одну демократическую республиканскую федерацию, от других декабристских обществ. «Им первым во всей революционной истории, — писала она, — принадлежит мысль о революции народной. Они — первая организация, планомерно занимавшаяся пропагандой среди солдат и видевшая в солдате не пушечное мясо, хотя бы революционное, а сознательного участника революции, товарища-единомышленника»⁸.

Большим достоинством статьи явилась ее обоснованность, широкая источниковая база: подавляющее число архивных документов вводилось в научный оборот впервые. «Общество соединенных славян» рассматривалось в связи с декабристским движением в целом, прежде всего с Южным обществом. Давая классовую оценку

---

⁵ По инициативе Общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев для его проведения была создана комиссия из представителей научных учреждений Москвы, в том числе Комкадемии, РАНИОН, Истпарта, Центрархива и др. В ее состав вошли: М. Н. Покровский, С. И. Мицкевич, М. В. Нечкина и др. См.: Каторга и ссылка, 1925, № 4, с. 296—297; Правда, 1925, 15 мая.

⁶ Обобщающую статью должен был написать М. Н. Покровский, С. С. Мильман — статью о Пестеле, М. В. Нечкина — об «Обществе соединенных славян», Г. С. Фридлянд — о декабристах и карбонариях, составить подборку документов «Из эпохи декабристов» и др. См.: Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁷ Историк-марксист, 1926, № 1.

⁸ Там же, с. 174.

движения декабристов, исследователь опиралась на ленинскую концепцию русского революционного движения, данную В. И. Лениным периодизацию, характеристику этапов. Всем своим содержанием работа была направлена против буржуазных извращений в декабристоведении: отрицания роли радикальной струи в декабристском движении и, напротив, народнической идеализации декабристов, изображения их «социалистами». Взгляды Нечкиной на роль «Общества соединенных славян» получили развернутое обоснование в вышедшей в 1927 г. монографии. В опубликованной в журнале рецензии А. Штрауха отмечалась большая научная заслуга автора в разработке темы, которая игнорировалась и не исследовалась в буржуазной историографии и которая, благодаря работам Нечкиной, заняла достойное место в советском декабристоведении⁹. Ценность монографии рецензент видел и в подходе к решению ряда общих проблем движения декабристов: социально-экономических причин, породивших движение, его классовой характеристики, формирования мировоззрения, борьбы течений и др. Рецензия отразила ряд ошибочных положений советской историографии 20-х годов. Некоторые историки делали вывод, что движение декабристов было первой буржуазной революцией в России¹⁰. Это утверждение содержалось и в рецензии Штрауха, наряду с некоторым упрощенчеством в вопросе о преемственности между «левым» флангом декабристов, к которому он относил и «Общество соединенных славян», и позднейшим революционным движением разночинцев, рассуждениями о «пролетаризирующем дворянстве» и др.¹¹ Монография Нечкиной сыграла свою положительную роль в разоблачении буржуазного национализма, одним из проявлений которого в 20-е годы была концепция «украинского декабризма». Попытки представить Южное общество и «Соединенных славян» борцами за «самостийную» Украину были убедительно опровергнуты на страницах журнала «Историк-марксист» в обстоятельной историографической работе Нечкиной «Украинская юбилейная литература о декабристах»¹².

⁹ *Ш-х (Штраух)*. Рец. на кн.: М. В. Нечкина. Общество соединенных славян. М., 1927.— *Историк-марксист*, 1927, № 6, с. 278.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 398, т. 30, с. 315.

¹² *Историк-марксист*, 1927, № 3.

Анализируя широкий круг работ украинских историков, в которых проблема «украинского декабризма» была центральной, автор приходила к выводу о методологической несостоятельности концепции «южного декабризма», ее необоснованности и ошибочности, несоответствии фактам¹³. Советские историки не поддержали этой антинаучной по существу концепции. Несостоятельной оказалась попытка одного из ярых приверженцев национализма, Яворского, обвинить автора монографии об «Обществе соединенных славян» в великодержавном шовинизме. Его выступление на секции истории народов СССР I Всесоюзной конференции историков-марксистов было квалифицировано М. Покровским и М. Нечкиной как отголосок «украинского декабризма», было указано на ошибки националистического толка самого Яворского¹⁴.

Критика буржуазной историографии явилась сильной стороной опубликованных в журнале и посвященных декабристам материалов. Автором большинства из них была М. В. Нечкина. Ей принадлежал разбор юбилейной литературы, опубликованной в связи со 100-летием восстания 1825 г.¹⁵, в дальнейшем дополненный отзывами на отдельные издания по проблеме¹⁶. Историографические обзоры давали довольно полное представление о состоянии источников, о тематике исследований, о решении в противовес идеалистическим концепциям буржуазных ученых таких принципиальных вопросов, как социально-экономические основы движения декабристов, их идеология, классовый состав, борьба течений внутри декабристского движения и др. Отмечался широкий интерес советских историков к изучению деятельности Южного общества и «Общества соединенных славян», восстания Черниговского полка и др. Новой и положительной чертой совет-

---

¹³ Там же, с. 189.

¹⁴ Историк-марксист, 1929, № 11, с. 240—241.

¹⁵ Нечкина М. В. Столетие восстания декабристов в юбилейной литературе (1825—1925).— Историк-марксист, 1926, № 2; Она же. Украинская юбилейная литература о декабристах.— Там же, 1927, № 3; Она же. Новые материалы о восстании декабристов.— Там же, 1927, № 5.

¹⁶ Нечкина М. В. Рец. на кн.: Декабристы и их время.— Историк-марксист, 1929, № 11; Она же. Рец. на кн.: Восстание декабристов: Библиография Сост. Н. М. Ченцов. М.; Л., 1929.— Там же, 1929, № 12; Она же. Рец. на кн.: Восстание декабристов: Материалы. М.; Л., 1929. Т. VI.— Там же, 1929, № 13.

ской историографии было стремление к исследованию прежде всего массового движения, деятельности организаций наряду с интересом к личностям декабристов.

Однако М. Нечкина справедливо обращала внимание на влияние буржуазно-либеральной концепции на работы некоторых историков, отсутствие классового подхода в оценке деятельности декабристов, мелкотемье¹⁷. Неудачной, по мнению рецензента, была одна из немногих попыток дать историографию декабристского движения. Основной недостаток работы С. Я. Гессена «Декабристы перед судом истории» (1925), содержащей историю изучения деятелей 14 декабря 1825 г. в русской научной, публицистической и художественной литературе, Нечкина видела во власти над автором «легенды о декабристах, созданной буржуазно-либеральной историографией» (работы Н. П. Павлова-Сильванского, В. И. Семевского и др.)¹⁸. Она решительно протестовала против попыток Г. Чулкова¹⁹ рассматривать декабристов в изоляции от русской революционной борьбы, оторванными от жизни мечтателями, «погибающими от неправославия», «безжизненными тенями без среды и действительности, их окружавшей»²⁰. Исследования советских историков были направлены против беспочвенных и абсурдных притязаний на идейное наследство декабристов со стороны контрреволюционной белой эмиграции.

Необходимость преодоления антимарксистских воззрений и утверждения в советской исторической литературе ленинской концепции движения декабристов осознавалась историками^{20а}. Несомненным препятствием в этом все больше становились взгляды М. Н. Покровского, которые, хотя и претерпели изменения и приблизились к ленинским, все еще содержали ошибочные положения²¹. Признавая декабристов зачинателями революционного движения в России, он, однако, не сразу усвоил ленинское понятие «дворянских революционеров» в оценке декабри-

¹⁷ Историк-марксист, 1926, № 2, с. 243; 1929, № 11, с. 200—202.

¹⁸ Там же, 1926, № 2, с. 245; 1929, № 11, с. 245.

¹⁹ Чулков Г. Мятешники 1825 г. М., 1925.

²⁰ Историк-марксист, 1928, № 2, с. 246.

^{20а} Подробнее см.: Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. т. I—II.

²¹ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке.— Избр. произв.: В 4-х кн. М., 1966. Кн. 3. Он же. Очерки русского революционного движения XIX—XX вв. М., 1924.

стского движения, резко противопоставлял радикальное течение умеренному и др., что было обусловлено его концепцией русского революционного движения²². Складывалась своеобразная ситуация, когда исследователи, отмечая заслугу Покровского в изучении декабристского движения и создании им общей концепции, в разработке конкретных проблем исходили из ленинских положений. Шел процесс постепенного усвоения ленинской концепции декабризма. Однако результаты этого процесса нашли свое отражение на страницах журнала «Историк-марксист» лишь в середине 30-х годов²³.

Период революционного движения в России от декабристов до революционной ситуации 1859—1861 гг. был представлен в журнале главным образом материалом историографического характера, в котором анализировались воспоминания участников движения, публикации архивных документов, отдельные монографические исследования и др. Сильной стороной опубликованных в журнале работ являлась их критическая направленность, борьба с буржуазной историографией, с проявлениями эсеро-народнического субъективизма. Журнал отразил первые попытки советских историков дать марксистское осмысление общественно-политических и историко-социологических взглядов петрашевцев. Весьма положительно была оценена монография Л. Райского о социальных воззрениях петрашевцев. В числе многих достоинств работы автор рецензии М. Нечкина отметила «тонкость методологического подхода и вдумчивое отношение к источникам»²⁴. Новым, по мнению рецензента, была сама постановка проблемы, что способствовало более успешной разработке истории русского утопического социализма²⁵.

---

²² Подробнее см.: Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970.

²³ Нечкина М. В. Кризис Южного общества декабристов.—Историк-марксист, 1935. № 7.

²⁴ Нечкина М. В. Рец. на кн.: Райский Л. Социальные воззрения петрашевцев. Очерк из истории утопического социализма в России. Л., 1927.— Там же, 1927, № 6, с. 279.

²⁵ Работы советских историков опровергали вымыслы реакционной русской дворянско-буржуазной историографии о теоретической несостоятельности петрашевцев, отрыве от русской действительности и др. В настоящее время эти положения взяты на вооружение современной буржуазной историографией. См.: Малинин В. А. История русского утопического социализма. М., 1977.

Отзыв был важен тем, что содержал четко сформулированный рецензентом подход к изучению «первых русских социалистов», определение их места в истории передовой общественной мысли России.

Опираясь на ленинскую концепцию русского революционного движения, советские историки исходили из того положения, что петрашевцы завершали переход от протеста передовых дворян и одиночек-разночинцев к революционности организованных разночинцев, к социалистическому движению, и делали упор на антикрепостническом и антисамодержавном характере взглядов петрашевцев, справедливо полагая, что все стороны их мировоззрения были обусловлены утопически-социалистическими установками, устремлениями, подчинены пропаганде идей социализма²⁶. В то же время, и это хорошо прослеживается в рецензии, советские историки выступали против идеализации петрашевцев, подчеркивали наличие в их взглядах двух тенденций: радикальной и умеренной, что лишало их воззрения цельности, революционно-демократической последовательности²⁷.

Подобная позиция советских историков являлась хорошим противодействием стремлению некоторых историков культивировать народнические взгляды В. И. Семевского на петрашевцев. Резкой критике на страницах журнала была подвергнута вводная статья Н. Рожкова к сборнику материалов «Петрашевцы в воспоминаниях современников» (1926). Основным недостатком статьи, по мнению авторов рецензий Л. Мамета и Л. Райского, была ее методологическая несостоятельность, народническая идеализация петрашевцев, непонимание их буржуазной ограниченности²⁸.

В острой идеологической борьбе происходило утверждение в советской исторической науке ленинской характеристики второго, разночинского, или буржуазно-демократического этапа русского революционного движения. Серьезной преградой оставалась либерально-буржуазная и мелкобуржуазная, меньшевистская, эсеро-народническая

---

²⁶ Историк-марксист, 1927, № 6, с. 279—280; ср. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 438; см. также: Иллерицкий В. Е. Исторические взгляды петрашевцев.— Вопросы истории, 1974, № 12, и др.

²⁷ Историк-марксист, 1927, № 6, с. 280—281.

²⁸ Там же, 1926, № 1, с. 307; 1927, № 4, с. 239.

традиция, влиявшая на работы советских историков. Необходимо было развернуть всестороннее конкретно-историческое изучение материала с позиций марксистско-ленинской методологии.

Центральное место в исследованиях по истории второго этапа русского общественного движения XIX в. принадлежало Н. Г. Чернышевскому, что нашло свое отражение в журнале «Историк-марксист». Этому во многом способствовало 100-летие со дня рождения революционера-демократа. В 1928 г. было опубликовано Постановление ЦК ВКП(б) о проведении 100-летнего юбилея²⁹: создана комиссия при Президиуме ЦИК СССР, опубликована литература о нем и его сочинения, в том числе «Избранные произведения», «Дневник», письма и др. Состоялся ряд научных заседаний в Комакадемии, ОИМ³⁰, которые завершились в ноябре торжественным заседанием с участием представителей Наркомпроса, Комакадемии, Института В. И. Ленина, Института К. Маркса и Ф. Энгельса, ИКП, РАНИОН, научных обществ и т. д. С докладами о творчестве Чернышевского выступили Ф. Я. Ков, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, М. Н. Покровский³¹.

Литература к юбилею была детально проанализирована на страницах журнала «Историк-марксист» в историографических статьях М. В. Нечкиной³². «Борьба за подлинно марксистское понимание Чернышевского,— писала она в одной из своих статей в журнале «Историк-марксист»,— вот основная черта юбилея»³³. С этих позиций

---

²⁹ Известия ЦК ВКП(б), 1928, № 18, с. 40—41.

³⁰ Историк-марксист, 1928, № 8, с. 129—152; № 10, с. 178.

³¹ Правда, 1928, 27 нояб.; Вестник Комакадемии, 1928, № 30, с. 249; Научный работник, 1928, № 12, с. 110. В настоящее время Н. Н. Новиковой в Архиве АН СССР найдена стенограмма этого заседания (см.: Новикова Н. Н. Источники информации В. И. Ленина о Чернышевском и его эпохе.— В кн.: Материалы Всесоюзной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского. Ленинград, 25—26 мая 1978 г. М., 1979). Сравнительный анализ показал, что прочитанный на заседании доклад М. Н. Покровского был опубликован в виде статьи «Чернышевский и крестьянское движение конца 1850-х годов» в журнале «Историк-марксист» (1928, № 10).

³² Нечкина М. В. Накануне юбилея Н. Г. Чернышевского.— Историк-марксист, 1928, № 8; Она же. Обзор юбилейной литературы о Чернышевском.— Там же, 1928, № 10.

³³ Историк-марксист, 1928, № 10, с. 211.

автор подходила к критическому разбору научной продукции, посвященной революционеру-демократу. Большое значение рецензент придавала публикации источников, видя в этом одно из главных условий успешного изучения творчества Чернышевского. Перед советскими историками стояла труднейшая задача восстановления текстов, искаженных цензурой, расшифровки истинного смысла многих работ, написанных им в иносказательной форме. Необходимо было, по образному выражению Нечкиной, снять с текстов «тяготеющий над ними гнет царской цензуры»³⁴. Вышедшие в юбилейные дни первые издания трудов Н. Г. Чернышевского были тщательно проанализированы в журнале³⁵. Не менее важным считала Нечкина и монографическую разработку всей проблемы значения и роли Н. Г. Чернышевского, его революционной деятельности. Обозревая юбилейную литературу, автор отметила первые скромные успехи исследователей в постановке проблем: Чернышевский как литератор, критик, философские взгляды, общественно-политическая деятельность и др.

Основная масса статей, по мнению рецензента, носила частный характер, касалась отдельных сторон деятельности Чернышевского. Историографические статьи Нечкиной о Чернышевском — не бесстрастный обзор юбилейной литературы. Они были отмечены глубоким интересом ко всему, что связано с революционером-демократом, содержали четко выраженную авторскую позицию по ряду принципиальных вопросов. Рассматривая интересную, с ее точки зрения, статью И. В. Герчикова «Н. Г. Чернышевский как критик либерализма»³⁶, Нечкина отмечала важность темы и видела одно из достоинств статьи в отсутствии преувеличения значения Чернышевского. Она упрекала автора в недостаточно глубоком анализе классовых корней русского либерализма, «борцом против которого (а не «критиком!» — восклицала она) был великий революционер»³⁷. Правильную позицию заняла Нечкина в развернувшейся в советской исто-

---

³⁴ Там же, с. 216.

³⁵ Там же, 1928, № 8, с. 172—176; № 10, с. 216—218, 220—221.

³⁶ *Чернышевский Н. Г. 1828—1928. Неизданные тексты, материалы, статьи.* Саратов, 1928.

³⁷ *Историк-марксист*, 1928, № 10, с. 218.

риографии дискуссии об общей оценке деятельности Чернышевского.

Поводом к обсуждению послужила апологетическая характеристика Чернышевского, данная Ю. М. Стекловым в ряде статей³⁸, выступлений³⁹ и в готовящемся втором издании его монографии⁴⁰. По существу, однако, наряду с критикой взглядов Стеклова советские историки развернули борьбу с буржуазно-либеральной, меньшевистской и эсеро-пароднической оценками Чернышевского, данными в работах А. Корнилова, Н. Анненского, Н. Русанова, К. Пажитнова, И. Иванова-Разумника и других, за утверждение ленинской концепции русского революционного движения. Эта дискуссия нашла свое освещение на страницах журнала «Историк-марксист»: в числе материалов был опубликован отчет о заседаниях в ОИМ весной 1928 г., где происходили основные «сражения», статьи участников дискуссии⁴¹.

Работы Ю. М. Стеклова были направлены против буржуазной историографии и попыток променьшевистских авторов отрицать революционный демократизм Чернышевского, его непримиримость в борьбе с либералами. Но наряду с правильными положениями о Чернышевском как представителе революционно-демократического течения общественной мысли, беспощадно разоблачавшем реформизм либералов, боровшемся за революционное решение аграрного вопроса и отстаивавшем необходимость замены

---

³⁸ *Стеклов Ю. М.* Вокруг процесса Н. Г. Чернышевского.— Красная повесть, 1927, № 4; *Он же.* Историко-философские взгляды Н. Г. Чернышевского.— Там же, 1927, № 7; *Он же.* Вокруг ссылки Н. Г. Чернышевского. К вопросу о его политических взглядах.— Научное слово, 1928, № 2; *Он же.* Н. Г. Чернышевский. 1828—1928. М., 1928; *Он же.* Чернышевский и революционное движение 60-х годов.— Вестник Комкадемии, 1928, № 7, и др.

³⁹ *Стеклов Ю. М.* Чернышевский и его политические воззрения. Доклад в ОИМ 4 мая 1928 г.— Историк-марксист, 1928, № 8.

⁴⁰ *Стеклов Ю. М.* Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. М., 1928. Т. I—II. (1-е изд.— СПб., 1909).

⁴¹ К столетию со дня рождения Н. Г. Чернышевского. Отчет о докладах в ОИМ.— Историк-марксист, 1928, № 8; *Покровский М. Н.* Н. Г. Чернышевский как историк.— Там же; *Кирпотин В. Я.* Чернышевский и марксизм.— Там же; *Нечкина М. В.* Накануне юбилея Н. Г. Чернышевского; *Покровский М. Н.* Чернышевский и крестьянское движение конца 1850-х годов.— Там же, 1928, № 10; *Горев В.* Чернышевский и революционные войны.— Там же; *Нечкина М.* Обзор юбилейной литературы о Чернышевском.— Там же.

Капиталистических отношений социалистическими, работы Стеклова содержали серьезные недостатки, что делало критику менее действенной⁴².

Прежде всего нужно указать на выводы, к которым он пришел, характеризуя политические взгляды Чернышевского и его политическую тактику, и которые состояли в признании Чернышевского «революционным коммунистом», «основоположником и пионером коммунизма в России», «нашим предшественником, человеком, на полвека предупредившим многое из того, о чем учил Ленин»⁴³. К тому же он считал Чернышевского последовательным и до конца выдержанным материалистом, отрицал его утопизм⁴⁴. Концепция Стеклова сформировалась в дореволюционный период и нашла свое отражение в первом издании его монографии о Чернышевском, вышедшей в 1909 г.⁴⁵ Несомненно, в целом концепция Стеклова была направлена против буржуазно-либеральной концепции русского освободительного движения, получившей свое наиболее яркое выражение в «Вехах».

В. И. Ленин в общем положительно оценил книгу Стеклова, но критически отнесся к ряду высказываний о мировоззрении и деятельности Чернышевского, об общественном движении в годы революционной ситуации 1859—1861 гг. и о самой концепции Стеклова о тождественности коммунизма Чернышевского с коммунизмом Маркса и Энгельса. Замечания Ленина на книгу Стеклова, а также на вышедшую в 1910 г. книгу Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевский» стали широко известны советским историкам гораздо позднее, чем состоялась дискуссия о Чернышевском^{46—47}. Однако, как полагают современные исследо-

---

⁴² Историк-марксист, 1928, № 8, с. 129—131, 137—140. Доклад Стеклова и выступления на заседании ОИМ.

⁴³ Там же, с. 129, 131, 135.

⁴⁴ Там же, с. 138—139.

⁴⁵ *Стеклов Ю. М.* Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность. СПб., 1909.

^{46—47} *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 534—620. Детально ознакомившись с работой Плеханова, Ленин отметил, что автор не увидел неразрывной связи между утопическим социализмом Чернышевского и его демократизмом, не заметил глубоких истоков народнического социализма как идеологии крестьянской революционности в России, не сумел добиться четкости в показе противоположности позиции революционной демократии во главе с Чернышевским и политической линии либералов. Подробный анализ замечаний В. И. Ленина на книги Стеклова и Плеханова см.: *Зе-*

Ватели ⁴⁸, выводы ряда ленинских статей ⁴⁹, посвященных освободительному движению России XIX в., перекликаются с пометками на книгах, а сами указанные статьи были направлены не только против реакционной и либеральной историографии русского революционного движения, но и против ошибочных положений Стеклова и Плеханова ⁵⁰.

Последующие работы Стеклова хотя и содержали существенные поправки, однако сохранили его концепцию неизменной. Критикуя ее, участники дискуссии широко прибегали к ленинской аргументации, опираясь и на указанные выше ленинские статьи. Обсуждения свидетельствовали о стремлении советских историков как можно полнее усвоить ленинское понимание Чернышевского как революционного демократа, крестьянского революционера, который хотя и был социалистом-утопистом, мечтавшим о переходе к социализму через крестьянскую общину, но признавал необходимость политической борьбы, глубоко критиковал капитализм и с этих позиций оценивал крестьянскую реформу, разоблачая буржуазный либерализм ⁵¹.

Большое внимание участники дискуссии уделили историческим взглядам Чернышевского ⁵², которые они рассматривали в связи с его политическими взглядами и революционной деятельностью ⁵³. Отметив повышенный интерес Чернышевского к историческим наукам и прежде всего к методологическим проблемам, что было вызвано

вин В. Я. В. И. Ленин о революционной ситуации в России в конце 1850 — начале 1860-х годов. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1960, с. 15—16; В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Л., 1969, с. 110.

⁴⁸ *Зевин В. Я. В. И. Ленин о революционной ситуации в России в конце 1850 — начале 1860-х годов*, с. 24; В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в., с. 110.

⁴⁹ *Ленин В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция.* — Полн. собр. соч., т. 20; *Он же. Памяти Герцена.* — Там же, т. 21.

⁵⁰ *Зевин В. Я. В. И. Ленин о революционной ситуации в России в конце 1850 — начале 1860-х годов*, с. 16; В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в., с. 115.

⁵¹ Историк-марксист, 1928, № 8, с. 141—143, 147, 151—152.

⁵² Подробнее см.: *Иллерицкий В. Е. Революционная историческая мысль в России. Домарксистский период.* М., 1974.

⁵³ Историк-марксист, 1928, № 8, с. 3, 137, 141—142.

необходимостью теоретического обоснования политической программы революционной демократии и обусловлено представлением Чернышевского о связи политической теории с классовыми интересами и борьбой классов, участники обсуждения подчеркнули принципиальное отличие его исторических взглядов от дворянско-буржуазной историографии⁵⁴. Это отличие они видели в отрицании Чернышевским субъективно-идеалистических представлений о роли личности в истории и признании основной движущей силой ее народные массы⁵⁵.

Исходя из ленинских положений в анализе мировоззрения Чернышевского, историки выявили, что ему было присуще диалектическое понимание общественного процесса, признание тождественности исторического развития⁵⁶. Последнее положение революционера-демократа было направлено против славянофилов и «западников». Участники дискуссии пришли к выводу, что Чернышевский хотя и не поднялся до понимания материальных основ общественного развития (движущей силой прогресса и его критерием считал умственное совершенствование людей), но выдвинул положение о роли экономического фактора в истории и тем самым ближе всех других революционеров-демократов подошел к материалистическому пониманию истории, не преодолев, однако, полностью исторический идеализм⁵⁷.

Правильной была постановка участниками дискуссии вопроса о факторах, влиявших на формирование исторических взглядов Чернышевского, указание на важность влияния русской действительности, знакомство с отечественной и зарубежной философской исторической мыслью, западноевропейским революционным движением⁵⁸. Много было спорного в выступлениях участников обсуждения,

---

⁵⁴ Там же, с. 7, 9, 13.

⁵⁵ Там же, с. 5—6.

⁵⁶ Историк-марксист, 1928, № 8, с. 4, 6, 8, 10, 136—137. Историки использовали статьи Н. Г. Чернышевского: «Пропплеи», «Антропологический принцип в философии», «Примечания к «Политической экономии» Милля», «О причинах падения Рима», «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность», «Суеверие и правила логики», «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X», «Июльская монархия», «Кавеньяк», «Письма без адреса», «Материалы для решения крестьянского вопроса».

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, с. 11—13, 15, 25, 144.

особенно в оценке отдельных работ Чернышевского. Порой глубокий анализ работ, по существу, подменялся подбором цитат, которые должны были подтвердить ту или иную мысль.

Было бы неправильным преувеличивать достижения советских историков конца 20-х годов в изучении ленинских взглядов на Чернышевского: некоторые положения были восприняты односторонне, порой формально, не стали еще средством анализа творчества Чернышевского, общественно-политической и экономической обстановки, его окружавшей. Историки лишь подошли к пониманию сути процесса, происходившего в России в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в., но ленинское определение революционной ситуации не было ими усвоено. Как пишет М. В. Нечкина об изучении революционной ситуации в советской историографии, до середины 30-х годов вопрос в целом «еще не обособлялся в самостоятельную научную тему, не становился исследовательской проблемой»⁵⁹. Сами участники дискуссии сознавали узость источниковой базы, недостатки методики изучения текстов Чернышевского и др.⁶⁰

Дискуссия продемонстрировала эволюцию взглядов М. Н. Покровского⁶¹, его отказ от преуменьшения роли Чернышевского в революционном движении, признание методологически ошибочным утверждения, что Чернышевский был якобы родоначальником меньшевистской тактики и др.⁶² Его выступления во время дискуссии и на страницах журнала «Историк-марксист» свидетельствовали об усвоении им ленинского положения о Чернышевском как крестьянском революционере, идеологе крестьянской революции, революционере-демократе. Этому немало способствовала критика в его адрес со стороны участников дискуссии. Тем не менее позиция Покровского, как и позиция некоторых других участников обсужде-

---

⁵⁹ Нечкина М. В. Революционная ситуация в России в исходе 1850 — начале 1860-х годов.— В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг., с. 12.

⁶⁰ Этой важной проблеме было посвящено выступление на дискуссии М. В. Нечкиной.— Историк-марксист, 1928, № 8, с. 134—135, 145.

⁶¹ Подробнее о взглядах Покровского см.: Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука.

⁶² Историк-марксист, 1928, № 8, с. 150—151.

ния, не всегда была последовательной, а решения некоторых проблем — не всегда правильными.

Среди вопросов, поднятых историками во время дискуссии, были такие, как Чернышевский и крестьянство⁶³, Чернышевский и революционное движение того времени, его взаимоотношения с Герценом, участие в организации «Земля и Воля», отношение к «Великорусу», к «Молодой России» и др.⁶⁴ Таким образом, в дискуссии определилась перспектива дальнейшей разработки проблемы в целом. Большое научное и политическое значение имела та критическая работа, которая развернулась в ходе обсуждений и была направлена, с одной стороны, против недооценки революционной роли Чернышевского в освободительном движении России, с другой — против эсеро-народнической идеализации Чернышевского, отрицания его принадлежности к утопическому социализму.

Результаты дискуссии нашли свое отражение в тезисах ЦК ВКП(б) «Н. Г. Чернышевский», составленных М. Н. Покровским при участии М. В. Нечкиной и опубликованных осенью 1928 г.⁶⁵ Кроме пропагандистско-агитационного значения, они имели огромное историографическое значение, содержали ленинские оценки эпохи Чернышевского и самого революционного демократа, хотя и не были свободны от недостатков. Благотворное влияние дискуссии на разработку проблемы было отмечено в статье М. В. Нечкиной, посвященной юбилейной литературе о Чернышевском и опубликованной в журнале «Историк-марксист». Говоря о значении прошедшей дискуссии (статья была опубликована в конце 1928 г.), автор писала: «Эта полемика дала толчок дальнейшему развитию юбилейной литературы и явилась лейтмотивом ее»⁶⁶. Нечкина отмечала жгучий интерес историков к ленинским работам о Чернышевском и обращала внимание исследователей на специальное издание Института В. И. Ленина⁶⁷.

---

⁶³ См.: *Покровский М. Н. Чернышевский и крестьянское движение конца 1850-х годов.*

⁶⁴ *Историк-марксист*, 1928, № 10, с. 27—28, 136, 140, 148, 150—151 и др.

⁶⁵ *Правда*, 1928, 15 нояб. Подробнее см.: *Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука.*

⁶⁶ *Историк-марксист*, 1928, № 10, с. 211.

⁶⁷ *Ленин о Чернышевском.* Под ред. И. И. Скворцова-Степанова. с предисл. и примеч. А. Ломакина. М., 1928.

Дальнейшее освещение темы о Чернышевском на страницах журнала носило историографический характер и имело своей целью упрочение ленинской концепции в советской исторической науке⁶⁸⁻⁶⁹.

Интерес к проблеме революционных демократов был обусловлен теми глубокими исследованиями, которые развернулись в области истории партии с конца 20-х годов. Вопрос о предшественниках русской социал-демократии, их идейном наследстве принадлежал к числу ведущих в советской историографии. Именно с этих позиций подошел к творчеству Чернышевского А. И. Ломакин. Показательно, что его доклад «Чернышевский и Ленин», с которым он выступил на I Всесоюзной конференции историков-марксистов, обсуждался в секции истории ВКП(б)⁷⁰. Судя по опубликованному в журнале отчету, докладчик подвел итоги дискуссии о Чернышевском, фиксируя внимание на той борьбе, которая развернулась в ходе обсуждения с буржуазно-либеральной и мелкобуржуазной традицией понимания Чернышевского. Категорически была отвергнута им и точка зрения Стеклова. Основное содержание доклада составил вопрос об идейном наследстве революционеров-демократов в лице Чернышевского и об отношении к этому наследству со стороны В. И. Ленина и Г. В. Плеханова, представителей двух течений российской социал-демократии. По краткому обзору трудно проследить весь ход рассуждений докладчика. По его мнению, В. И. Ленину в Чернышевском были дороги прежде всего идеи последовательного и боевого демократизма. Именно эти идеи демократа-революционера и являлись, с точки зрения Ломакина, тем «наследством», которое было воспринято

---

⁶⁸⁻⁶⁹ *Кирпотин В. Я.* Рец. на кн.: Ю. М. Стеклов. Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. 2-е изд., испр. и доп. М., 1928. Т. I—II.—Историк-марксист, 1929, № 11; *Троцкий И.* Рец. на кн.: Н. Г. Чернышевский. Литературное наследство. М., 1928. Т. II. Письма.— Там же, 1929, № 12; *Горев Б.* Рец. на кн.: Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения: В 5-ти т. М., 1928. Т. I.— Там же, 1929, № 13; *Кретов Ф. Д.* Рец. на кн.: Чернышевский о крестьянской поземельной общине.— Там же, 1929, № 14; *Нечкина М.* Рец. на кн.: А. Н. Штраух. К вопросу о генезисе социальных воззрений Н. Г. Чернышевского. (Науч. труды Индустриально-педагогического ин-та. Сер. соц.-эконом. М., 1929; Вып. 9).— Там же, 1930, № 15; *Штраух А.* Рец. на кн.: Г. Берлинер. Н. Г. Чернышевский и его литературное время. М., 1930.— Там же, 1930, № 16,

⁷⁰ Историк-марксист, 1929, № 12, с. 313.

от Чернышевского Лениным, а вместе с ним и нашей партией. Доклад содержал ленинскую критику взглядов Плеханова на Чернышевского: упор на историческую ограниченность концепции родоначальника крестьянского социализма, игнорирование им практической деятельности революционного демократа и др.

Горячие споры шли в связи с изучением истории народничества. Шло накопление источников, исследовались отдельные частные вопросы. Тормозом к развертыванию широкого изучения проблемы народничества с марксистско-ленинских позиций являлись буржуазно-либеральные и мелкобуржуазные, неонароднические концепции. Деятельность советских историков по утверждению ленинского понимания народничества находила свое постоянное отражение на страницах «Историка-марксиста». При этом внимание исследователей и редколлегий было обращено на революционное народничество 70-х годов: в журнале получили историографическую оценку немногочисленные работы историков, посвященные деятельности отдельных народнических организаций⁷¹. Ценность работ авторы отзывов видели главным образом во введении в научный оборот новых архивных источников, новых фактических данных, что давало материал для постепенного восстановления общей картины истории революционного движения в России на ее разночинском этапе. Большая работа была проведена журналом по критическому осмыслению многочисленных тогда изданий мемуаров деятелей народнического движения⁷², сборников документальных публикаций⁷³.

---

⁷¹ *Ангарский В.* Рец. на кн.: А. А. Кункль. Кружок долгушцев. М., 1927.— *Историк-марксист*, 1927, № 5; *Козьмин Б.* Рец. на кн.: М. М. Клеветский. Ишутинский кружок и покушение Каракозова. М., 1928.— Там же, 1928, № 10; *Горев Б.* Рец. на кн.: Б. П. Козьмин. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929.— Там же, 1929, № 13, и др.

⁷² *Левин Ш.* Рец. на кн.: Н. А. Чарушин. О далеком прошлом. М., 1926.— *Историк-марксист*, 1927, № 4; *Мороховец Е.* Рец. на кн.: Воспоминания Л. Тихомирова. М.; Л., 1927.— Там же, 1927, № 6; *Козьмин Б.* Рец. на кн.: Н. А. Морозов. С оружием в руках.— Там же, 1928, № 9, и др.

⁷³ *Шебуни А.* Рец. на кн.: А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. Сб. док. М., 1927.— *Историк-марксист*, 1927, № 5; *Горев Б.* Рец. на кн.: Бакунин в материалах и документах. Т. I—III.— Там же, 1934, № 3, и др.

В 1926 г. исполнилось 50 лет/со дня смерти одного из теоретиков революционного народничества М. А. Бакунина. Оргбюро ЦК ВКП(б) весной 1926 г. предложило Коммакадемии возглавить проведение мероприятий в связи с этой датой⁷⁴. Была создана комиссия из представителей Коммакадемии, Института К. Маркса и Ф. Энгельса, Истпарта, Музея революции, ОИМ и др., проведено торжественное заседание, на котором были заслушаны доклады Ю. М. Стеклова «Что разделяет и сближает нас с Бакуниным» и В. П. Полонского «Бакунин-якобинец»⁷⁵. Предполагалось подготовить постановление Агитпропа ЦК ВКП(б) о 50-летию со дня смерти Бакунина⁷⁶. Интерес к личности и деятельности разночинца-революционера вызвал поток литературы в стране. Юбилей прошел под знаком борьбы с различного рода мелкобуржуазными концепциями за марксистско-ленинское понимание бакунизма. В эту борьбу включился и «Историк-марксист». Опубликованные в нем исследования Ю. М. Стеклова и В. П. Полонского были направлены в первую очередь против анархистской историографии с ее апологией личности Бакунина⁷⁷. Значение статьи Стеклова в содержавшемся в ней исследовании «Катехизиса революционера» и ряда прокламаций и брошюр, выпущенных одной из народнических организаций 70-х годов, руководимой С. Г. Нечаевым. Проведя текстологический анализ документов, Стеглов пришел к выводу об авторской принадлежности большинства их, в том числе «Катехизиса», Бакунину⁷⁸.

---

⁷⁴ Правда, 1926, 26 мая.

⁷⁵ Вестник Коммакадемии, 1926, № 18, с. 17, 42.

⁷⁶ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 60, ед. хр. 764, л. 169. Очевидно, неудовлетворительные результаты дискуссии о Бакунине в советской историографии определили дальнейшую судьбу документа.

⁷⁷ Стеглов Ю. Бакунин и подготовка нечаевского дела; Полонский В. Бакунин в I Интернационале.— Историк-марксист, 1926, № 2.

⁷⁸ Историк-марксист, 1926, № 2, с. 62, 63, 77, 81. На этой же точке зрения стоял Ш. М. Левин. Подробнее см.: Левин Ш. Общественное движение в России в 60-х — 70-х гг. XIX в. М., 1958. Однако, как показали новые исследования советских историков, «Катехизис» и ряд других документов, которые считались плодом совместного творчества Бакунина и Нечаева, принадлежали одному Нечаеву. См.: Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50-х — 60-х гг. XIX в. М., 1976.

Анализ этих работ, по существу, позволил Стеклову выявить характерные черты анархизма Бакунина: социальная база в лице масс крестьянства, страдавших от крепостничества; антигосударственная проповедь и проповедь бунта вплоть до разбоя; террор; критика оппозиционных либеральных течений в России и др.⁷⁹

Статья Полонского была посвящена такому острому вопросу, как борьба марксизма против бакунистской разновидности анархизма в I Интернационале. На протяжении ряда лет этот вопрос являлся водоразделом между марксистским подходом к оценке деятельности Бакунина и мелкобуржуазными точками зрения: анархистскими, меньшевистскими, правосоциалистическими. При всех различиях, которые наблюдались в каждой из перечисленных мелкобуржуазных концепций, общим было отрицание принципиального характера, который носила борьба Маркса с Бакуниным за боевую организацию рабочего класса против дезорганизаторских действий анархистов. На большом документальном материале, который был собран автором во время поездок за границу и работы в архивах Дрездена, Вены, Праги, Полонский в противоположность анархистским историкам доказал существование «Альянса социалистической демократии», проследил этапы создания Бакуниным этой тайной организации, направленной против Коммунистического Интернационала⁸⁰. Статья имела историографический уклон: в ней были даны краткие, но выразительные характеристики работ Дж. Гильома, М. Нетлау и других авторов анархистского направления бакуниноведения с его идеализацией личности Бакунина, сведением истории Интернационала к личному конфликту между Марксом и Бакуниным⁸¹. Автор отметил примиренческую позицию Э. Бернштейна

---

⁷⁹ Историк-марксист, 1926, № 2, с. 62, 63, 73, 75, 76.

⁸⁰ Там же, с. 15—18, 19, 21—23.

⁸¹ Там же, с. 5, 6, 9, 11, 13, 15, 19, 20, 23. В современной буржуазной историографии взаимоотношения между руководством I Интернационала и бакунистами по-прежнему сводятся к личному конфликту Маркса и Бакунина, который усматривается «в несовместимости психического склада обоих»: национализме, панславизме Бакунина и «антирусизме» Маркса. При этом игнорируются расхождения по принципиальным, теоретическим вопросам, а также различия в тактике революционной борьбы. См.: *Джангирия В. Г.* Критика англо-американской буржуазной историографии М. А. Бакунина и бакунизма. М., 1978.

в вопросе об оценке деятельности Бакунина в I Интернационале, поверхностность его рассуждений⁸².

В статье было дано изложение позиций Ф. Энгельса по вопросу об «Альянсе» и Бакунине, который Полонский рассматривал как часть главного вопроса о судьбе Интернационала⁸³. Высказывания Энгельса послужили методологической основой работы Полонского. Однако автор, сделав правильный вывод о реакционности практической и теоретической деятельности Бакунина, о необходимости политического и организационного разрыва с ним I Интернационала для дальнейшего развития западноевропейского рабочего движения, освобождения его от мелкобуржуазного социализма, не сумел избежать элементов преувеличения роли Бакунина в революционном движении. Полонский считал Бакунина «самым крупным, самым ярким и выдающимся представителем ушедшей в прошлое мелкобуржуазной революционности допролетарского периода»⁸⁴. Этот недостаток был присущ всем советским исследователям — бакуниноведам 20-х годов⁸⁵.

В условиях острой идейной борьбы 20-х годов крайне важно было дать научный анализ доктрины Бакунина, выявить ее влияние на развитие русской революционной демократии, показать ее теоретическую беспомощность и несостоятельность: отрицание классовой борьбы как средства осуществления социализма, отрицание роли политики в буржуазном обществе, необходимости организации и воспитания рабочих и др.⁸⁶

В опубликованном в журнале «Историк-марксист» историографическом обзоре Е. А. Мороховца были подведены итоги юбилея Бакунина, отмечены важные документальные публикации, выявлена тематика исследований⁸⁷. Автор статьи подчеркивал общую направленность работ советских историков, их борьбу с мелкобуржуазными концепциями в бакуниноведении. По мнению Мороховца, идеализация личности Бакунина, его философских и социально-политических воззрений со стороны анархистских

---

⁸² Историк-марксист, 1926, № 2, с. 5.

⁸³ Там же, с. 8—9.

⁸⁴ Там же, с. 26—27.

⁸⁵ См.: История КПСС. М., 1964, т. 1, с. 52—55.

⁸⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 377—378.

⁸⁷ Мороховец Е. Юбилейная литература о Бакунине.— Историк-марксист, 1927, № 4.

историков имела целью доказать, что Великая Октябрьская социалистическая революция оставила «незыблемыми» основные теоретические и тактические положения Бакунина, и тем самым подчеркнуть его «гениальную прозорливость»⁸⁸. Смысл подобных изысканий анархистской историографии заключался в доказательстве «тождества» ленинизма и бакунизма, стремлении представить Ленина и большевиков как «последователей» Бакунина в новых условиях, а Великую Октябрьскую социалистическую революцию и первые акции Советской власти — «воплощением» в жизнь бакунинских бунтарских идеалов⁸⁹. В статье содержались критические замечания в адрес некоторых советских исследователей, в частности высказанное в очень осторожной форме несогласие с отдельными положениями книги Ю. А. Стеклова⁹⁰, указывалось на спорность утверждения Стеклова, что Бакунин «первый во всю ширь поставил национальный вопрос, признав право наций на самоопределение», «настойчиво подчеркивал огромную роль крестьянства как союзника пролетариата в социалистической революции»⁹¹.

Неверная оценка революционной деятельности Бакунина привела Ю. А. Стеклова к модернизации исторической действительности и крайностям в выводах, когда он писал, что «русская коммунистическая партия» считает в «числе родоначальников своих не только Маркса, но в известном смысле и Бакунина»⁹². Развернувшаяся в связи с выходом многотомной монографии Стеклова полемика о Бакунине захватила и журнал «Историк-марксист». Опубликованная в нем рецензия принадлежала также Е. Морозову⁹³. К тому времени в журнале «Печать и револю-

---

⁸⁸ Там же, с. 223.

⁸⁹ Тезис о бакунизме как идейном «источнике» ленинизма был подхвачен современной буржуазной историографией в ее попытках фальсифицировать историю развития мирового революционного процесса. См. подробнее: *Михайлов М. И.* Борьба против бакунизма в I Интернационале. М., 1976; *Джангирян В. Г.* Критика англо-американской буржуазной историографии М. А. Бакунина и бакунизма, и др.

⁹⁰ *Стеклов Ю. М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность.* М., Л., 1926—1927. Т. I—IV.

⁹¹ *Историк-марксист*, 1927, № 4, с. 222.

⁹² *Стеклов Ю. М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность.* М.; Л., 1927, т. IV, с. 450.

⁹³ *Морозов Е.* Рец. на кн.: *Стеклов Ю. М. А. Бакунин. Его*

ция» появился отзыв Полонского на I том указанной работы⁹⁴. Оба рецензента оказались едины в признании ошибочным утверждения Стеклова, что Бакунин был «первым основоположником идеи Советской власти, этой политической формы диктатуры пролетариата»⁹⁵. Отмечалась его неправильная оценка взглядов Бакунина по национальному вопросу, по вопросу о роли крестьянства в социалистической революции и др.⁹⁶ В отличие от рецензии Полонского, в отзыве Мороховца преобладали акценты на положительных сторонах работы Стеклова: книга была названа «выдающимся явлением», «ценным приобретением исторической литературы» и т. д.⁹⁷ Более того, как выяснилось из письма Мороховца в редакцию журнала «Историк-марксист», его рецензия подверглась со стороны редколлегии основательному редактированию для придания рецензии большей критической направленности⁹⁸. В этом сказалось стремление редколлегии журнала к четкости политической позиции и ясности научной точки зрения. Критика враждебных и ошибочных концепций русского революционного движения в условиях напряженной борьбы с антипартийными оппозициями 20-х — начала 30-х годов, в условиях классовой борьбы в стране в связи с развертыванием строительства социализма имела актуальное практическое значение. Это придавало остро политический характер дискуссиям тех лет.

Бурными обсуждениями был отмечен 50-летний юбилей партии «Народная Воля» (1879—1882). Основные моменты дискуссии получили свое отражение в советской историографии⁹⁹. Необходимо отметить характер дискус-

---

жизнь и деятельность. 1814—1876. М.; Л., 1926—1927. Т. I—IV.— Историк-марксист, 1927, № 5.

⁹⁴ Печать и революция, 1926, № 8.

⁹⁵ Историк-марксист, 1927, № 5, с. 250.

⁹⁶ Там же, с. 249—250.

⁹⁷ Там же, с. 249, 251.

⁹⁸ См.: *Мороховец Е.* Письмо в редакцию.— Историк-марксист, 1927, № 6.

⁹⁹ *Седов М. Г.* «Народная Воля» перед судом истории.— Вопросы истории, 1965, № 12; *Он же.* Героический период революционного народничества. М., 1966; *Очерки истории исторической науки в СССР*, т. IV, гл. V, § 3 (автор — М. В. Нечкина); *Волк С. С.* «Народная воля». 1879—1882. М.; Л., 1966; *Волк С., Михайлов С.* Советская историография революционного народничества.— В кн.: Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л., 1967. Ч. 1; *Твардовская В. А.* Социалистическая мысль

сии, ее критическую направленность против буржуазных и мелкобуржуазных взглядов на народничество и народо-вольцев, интерес к методологическим проблемам. До сих пор не выявлена в полной мере роль советской исторической периодики в освещении и участии в дискуссии, а это значительно обогатило бы наше представление о масштабах, динамике, влиянии ее на тематику исследований. Рамки монографии вынудили ограничить исследование главным образом материалами, опубликованными в журнале «Историк-марксист», и выяснением степени участия журнала в дискуссии.

В общем объеме литературы, вышедшей в связи с юбилеем, количественно публикации журнала заняли скромное место. Однако в нем получил освещение кульминационный момент дискуссии: заседания в секции истории ВКП(б) и ленинизма ОИМ в январе-феврале 1930 г., когда обсуждения достигли наибольшего размаха. Важно и то, что редколлегия журнала приняла активное участие в дискуссии, заняв правильную позицию в решении принципиальных вопросов. К моменту публикации материалов дискуссии в журнале завершился ее первый этап, начало которому было положено публикацией в № 8-9 «Каторги и ссылки» за 1929 г. статьи А. И. Теодоровича об историческом значении партии «Народная Воля». Это была одна из немногих попыток в советской историографии дать общую историческую оценку народовольцам. Автор обратился к работам К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, содержащим оценки «Народной Воли» и народничества в целом. Опираясь на них, Теодорович выступил с критикой буржуазно-либеральной и мелкобуржуазной, троцкистско-меньшевистской и эсеровской историографии. Противопоставляя революционных народников 70-х годов либеральным народникам 90-х годов, автор отвергал буржуазно-либеральную, веховскую интерпретацию народовольцев как узкоинтеллигентской организации, не имевшей корней в русском освободительном движении¹⁰⁰. С этих же по-

---

России на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1969; В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в., и др. Современная историография дает положительную оценку дискуссии 1929—1931 гг. о «Народной Воле».

¹⁰⁰ На этих же позициях стоят современные буржуазные историки, рассматривающие революционных народников в качестве выразителей несуществующей «интеллигентской идеологии». Под-

зиций он критиковал меньшевистско-троцкистскую точку зрения на народничество, отрицание его революционно-демократического содержания. В поле зрения его критики оказались и взгляды эсеров, которые считали себя продолжателями народников и народовольцев. Статья содержала критику позиции М. Н. Покровского, рассматривавшего «Народную Волю» как буржуазно-либеральное течение.

Наряду с достоинствами работа Теодоровича страдала пороками, а изложенная в ней концепция, объявлявшая революционное народничество и народовольцев «прямыми предшественниками большевизма», была ошибочной. Сказалось одностороннее использование только положительных характеристик народничества и народовольчества классиками марксизма-ленинизма. По мнению автора, в теоретических установках «Народной Воли» были высказаны в «зародышевой форме» многие положения марксизма-ленинизма, в том числе диктатура пролетариата, государство Советов, нэп и др. В качестве связующего звена между народничеством и марксизмом-ленинизмом Теодорович выдвигал понятия «пролетарий-отец» и «пролетарий-сын». Подобная концепция вызвала возражения со стороны историков.

В статьях, опубликованных в газетах «Правда» и «Известия», а также в ряде журнальных статей отмечалась модернизация со стороны Теодоровича взглядов народников и народовольцев, потеря им исторической перспективы, стирание граней между научным социализмом как идеологией пролетариата и различными течениями утопического социализма¹⁰¹.

В центре внимания участников дискуссии стал вопрос о революционных традициях и идейных предшественниках российской социал-демократии, о «наследстве»¹⁰².

робнее см.: Маслин М. А. Критика буржуазных интерпретаций идеологии русского революционного народничества. М., 1977, и др.

¹⁰¹ Известия, 1929, 27 дек.; 1930, 9 янв.; Правда, 1930, 30 янв., 4 февр.; Пролетарская революция, 1929, № 12; Книга и революция, 1929, № 4; и др. Среди авторов статей Э. Генкпа, И. Татаров, М. Потап, Е. Ярославский и др.

¹⁰² Дискуссия о «Народной Воле» (1929—1931 гг.) явилась продолжением дискуссии 1923—1925 гг. о русских «якобинцах» 60—70-х годов XIX в. как предшественниках большевизма (см.: Пролетарская революция, 1923, № 6-7; Каторга и ссылка, 1925, № 3; Правда, 1925, 11 февр.). Участники дискуссии о «Народной Воле»

В борьбе с меньшевистской недооценкой революционной значимости народовольцев и эсеро-народнической идеализацией их советские историки обратились к более глубокому изучению ленинских работ, раскрывающих историческое значение народничества 70-х годов, его классовый характер, сущность¹⁰³.

Новый этап дискуссии открылся заседаниями в ОИМ в январе-феврале 1930 г.¹⁰⁴ Внимание историков было сосредоточено на ленинских оценках идеологии «Народной Воли» как теории крестьянского социализма. Считая признание народовольцами политической борьбы «шагом вперед», они при этом обращались к ленинскому высказыванию о специфическом, узком понимании народовольцами политической борьбы (признание террора, например, как средства революционной борьбы) и отличии ее от политической борьбы пролетариата, т. е. об отсутствии у партии «Народная Воля» связи политической борьбы с социализмом¹⁰⁵. Опираясь на ленинские положения, критикуя ошибочную оценку народничества Теодоровичем, участники дискуссии видели ядро народнического «наследства» не в утопических теориях, а в демократических требованиях, в главном, что характеризовало «Народную Волю»: борьба с самодержавием, завоевание политической свободы, борьба за переход власти к народу, наличие крепкой, дисциплинированной, законспирированной организации со стойкими, волевыми революционерами¹⁰⁶.

отмечали ее связь с дискуссией о Чернышевском (1928). Во всех случаях спор шел о взаимоотношении крестьянской и пролетарской революционности.

¹⁰³ Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1; Экономическое содержание народничества и критика его в кн. г. Струве. — Там же. К характеристике экономического романтизма. — Там же, т. 2; Развитие капитализма в России. — Там же, т. 3; Гонимели земства и Аннибалы либерализма. — Там же, т. 5; Что делать? — Там же, т. 6; «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция. — Там же; По поводу юбилея. — Там же, т. 20; Памяти Герцена. — Там же, т. 21; О народничестве. — Там же, т. 22.

¹⁰⁴ Дискуссия о «Народной Воле» в ОИМ. Открытое заседание Секции истории ВКП(б) и ленинизма от 16 и 25 января и 4 февраля 1930 г.; вступительное слово М. Савельева, доклад В. Невского, содоклады И. Теодоровича и И. Татарова. См.: Историк-марксист, 1930, № 15.

¹⁰⁵ Там же, с. 119, 120, 123, 125.

¹⁰⁶ Историк-марксист, 1930, № 15, с. 123.

Историки исходили из ленинской критики борьбы народников против капитализма как борьбы реакционной и ленинской оценки народнического социализма как «социалистической фразы», в которой не было ничего социалистического. Они подчеркивали, что полсжительной стороной деятельности народников явилась их борьба с феодализмом и крепостничеством. Выступления большинства участников дискуссии свидетельствовали, что советские историки подходили к оценке исторической роли народничества по-ленински, с позиций его учения о двух путях развития капиталистической аграрной эволюции, которые В. И. Ленин условно называл «американским» и «прусским»¹⁰⁷.

Отмечая, что Теодоровича привлекала главным образом социалистическая доктрина «Народной Воли», а не субъективно революционное содержание народовольческого движения, участники обсуждения, не соглашаясь с позицией Теодоровича, в качестве аргумента приводили ленинское высказывание о том, что «Народная Воля» стремилась к «крестьянской социалистической революции», и эта борьба объективно была борьбой за «крестьянско-буржуазную революцию»¹⁰⁸.

С позиций ленинского учения о двух путях развития капиталистической аграрной эволюции советские историки критиковали меньшевистско-троцкистские взгляды на революционное народничество 70-х годов. Непонимание социальной сущности народничества как движения крестьянской демократии в России за «американский» путь развития капитализма и революционного демократизма народ вольчества приводили меньшевиков и троцкистов к отрицанию революционно-демократического характера движения крестьянства, игнорированию его как движущей силы революции, признанию его реакционным¹⁰⁹.

Много внимания было уделено позиции Г. В. Плеханова в вопросе о народниках и народовольцах. Отмечая заслуги Плеханова в борьбе с либеральным народничеством 90-х годов, участники дискуссии указывали в то же время на принципиально новое в ленинской критике народничества — глубокий социально-экономический анализ этого

---

¹⁰⁷ Там же, с. 128—129.

¹⁰⁸ Там же, с. 124—127, 129—131.

¹⁰⁹ Историк-марксист, 1930, № 15, с. 124—129.

общественного явления. Историки решительно выступили против отождествления взглядов на народничество В. И. Ленина и Г. В. Плеханова, которое нашло место в докладе В. И. Невского¹¹⁰. Методологическая несостоятельность рассуждений Невского была обусловлена непониманием им связи, которая существовала у В. И. Ленина между оценкой народничества и крестьянского движения. По мнению выступавших, ленинская оценка революционной роли крестьянства, противоположная плехановской, тесно примыкала к анализу сущности народничества. С позиций меньшевизма Плеханов акцентировал внимание на эволюции народовольцев к либерализму, отрицал наличие в народовольчестве революционно-демократического течения, видел в народовольцах наследников славянофильства. Поэтому он не смог подняться до цельной и последовательно марксистской позиции в оценке народничества и народовольчества¹¹¹.

Советские историки, продолжая ленинскую критику, разоблачали утверждения меньшевистских идеологов в прошлом и настоящем, что большевизм якобы не имеет ничего общего с марксизмом и «заимствовал» свои идеи у народников¹¹². Это вело в конечном счете к обвинению партии большевиков в тактике «заговора» и «террора».

Решительная отповедь была дана попыткам отождествления большевизма с народничеством, которые предпринимали и эсеры начиная с Первой русской революции¹¹³. Для эсеровской концепции народничества было характерно затушевывание классовой основы движения в определении народовольчества как «социалистического» движения «трудового народа», в котором нет надобности различать крестьян и рабочих. Отсюда, как справедливо отмечали участники дискуссии, идеализация народничества, его псевдосоциалистической теории¹¹⁴.

---

¹¹⁰ Там же, с. 90—96.

¹¹¹ Тезис о близости народничества и славянофильства был заимствован меньшевиками из буржуазной и буржуазно-либеральной русской историографии и по-прежнему «в ходу» у советологов. Подробнее см.: *Маслин М. А.* Критика буржуазных интерпретаций идеологии русского революционного народничества.

¹¹² Историк-марксист, 1930, № 15, с. 131, 138.

¹¹³ Там же, с. 131, 140.

¹¹⁴ Там же, с. 132, 135, 140.

Таким образом, обсуждение в ОИМ показало, что дискуссия не ограничилась вопросом об историческом значении партии «Народной Воли», а поставила проблему идейного «последства» большевизма, о корнях ленинизма. Выступления участников дискуссии были политически актуальными, в них был дан отпор антимарксистским утверждениям оппозиционеров, и в первую очередь зиновьевцев, «о национально ограниченном характере ленинизма», выросшем якобы «самобытно» в России из каких-то старых теорий, выражавших интересы мелкого производителя¹¹⁵. Советские историки противопоставили этому свое понимание ленинизма как интернационального пролетарского учения. Такого рода попытки свидетельствовали о бескопечных стремлениях буржуазных и мелкобуржуазных идеологов фальсифицировать историю в угоду своим политическим взглядам и политической борьбе, которую они вели с пачала Великой Октябрьской социалистической революции¹¹⁶.

Острота момента, идейная борьба партий с правым уклоном и остатками троцкизма оказали влияние на характер дискуссии, вызвали резкость в оценке ошибок, допущенных в ходе обсуждений, категоричность выводов, тем более что Теодорович, внося некоторые коррективы под влиянием предшествующей критики, не отказался от своей концепции и был поддержан С. Мицкевичем, А. Рындичем. Большинство участников дискуссии — Э. Генкина, Э. Газгапов, М. Поташ, М. Югов, Г. Фридлянд, П. Горин, Е. Ярославский — заняли правильную позицию, придя к выводам о классовой сущности народничества как идеологии крестьянской демократии, о принципиальном отличии утопической доктрины народников от научной теории пролетарского социализма и несостоятельности концепции «предвосхищения» социализма в народнических доктринах, о положительном значении опыта демократической

---

¹¹⁵ Там же, с. 133, 139.

¹¹⁶ Современная буржуазная историография, фальсифицируя сущность народнического учения, использует его в качестве альтернативы марксистско-ленинской идеологии, рассматривает народничество как возможное средство ограничения влияния коммунистических идей. Подробнее см.: *Малинин В. А.* Философия революционного народничества. М., 1972; *Маслин М. А.* Критика буржуазных интерпретаций идеологии русского революционного народничества, и др.

борьбы народовольцев. Дискуссия в ОИМ явилась решающим этапом в утверждении ленинской концепции народничества. Эта победа была закреплена на Всесоюзном совещании преподавателей истории партии, истории ленинизма и Коминтерна, созданном секцией по истории ВКП(б) и ленинизма ОИМ в феврале 1930 г.¹¹⁷, в резолюции общего собрания ОИМ от 19 марта 1930 г.¹¹⁸, в тезисах о «Народной Воле» отдела культуры и пропаганды ЦК ВКП(б)¹¹⁹.

Тезисы содержали четко сформулированную позицию в оценке народовольческого «наследства», их содержание было направлено против меньшевистско-троцкистской недооценки революционного народничества как революционно-демократического учения, равно как и против неонароднической трактовки его как «родоначальника» большевизма. В них была дана оценка идейной борьбы с буржуазными и мелкобуржуазными концепциями народничества и народовольчества и выявлена связь этой борьбы с задачами идеологической работы партии, в том числе по укреплению союза рабочего класса и крестьянства при руководящей роли пролетариата.

Публикация «Тезисов» подвела черту под вторым этапом дискуссии о «Народной Воле». Обсуждения в печати, однако, продолжались и захватили 1931 г.¹²⁰ Это было естественным, сложность проблемы, недостаточная изученность источников затрудняли порой однозначное решение тех или иных вопросов проблемы, вызывали споры, порождали различные точки зрения. В связи с этим в журнале «Историк-марксист» продолжалась публикация материалов дискуссии.

---

¹¹⁷ Вестник Комкадемии, 1930, № 37-38, с. 131—144.

¹¹⁸ Историк-марксист, 1930, № 15, с. 165—168.

¹¹⁹ Тезисы к 50-летию «Народной Воли». Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б). — Правда, 1930, 9 апр.

¹²⁰ Пролетарская революция, 1930, № 2-3, 5, 9 (среди авторов Э. Генкина, В. Малаховский, М. Поташ, А. Рындич, А. Бур (М. Эссен)); Большевик, 1930, № 23-24; Историк-марксист, 1930, № 18-19; Каторга и ссылка (автор — И. Татаров); Каторга и ссылка, 1930, № 2; 1931, № 1 (автор — И. Теодорович); Бюллетень заочно-консультационного отделения ИКП, 1930, № 4 (автор — М. Поташ); Теодорович И. А. Историческое значение партии «Народной Воли». М., 1930; Малаховский В. На два фронта. К оценке народовольчества. М., 1930, и др. Позднее в журнале «Каторга и ссылка» (1932, № 1, 3, 7) развернулась полемика в связи с выходом книги Е. Колозова «Народовольческая журналистика» (1930).

С большой статьей на страницах журнала выступил М. Н. Покровский¹²¹. Она интересна тем, что отразила эволюцию автора под влиянием прошедших дискуссий и критики в свой адрес. Сильной стороной работы явилось широкое использование ленинских статей, посвященных характеристике народничества и народовольчества. С этих позиций Покровский рассматривал ряд методологически важных вопросов: о классовом подходе к анализу революционного движения, о принципиальных отличиях научного социализма от мелкобуржуазного, утопического, о социальной сущности народничества и его ленинской оценке и др.¹²² Задачу советских историков он видел во всестороннем усвоении ленинской концепции народничества и последовательной борьбе со всякого рода тенденциозными искажениями истории «Народной Воли»¹²³. Его критика была направлена как против меньшевистско-троцкистского отрицания значения «Народной Воли», так и против неонароднического возвеличивания народовольцев.

Активный участник дискуссии И. Л. Татаров в опубликованной в журнале «Историк-марксист» рецензии на книгу И. Теодоровича «Историческое значение партии «Народной Воли»» (1930) аккумулировал все позитивное, к чему пришли советские историки в результате прошедших обсуждений. Его рецензия выходила за рамки обычной рецензии¹²⁴⁻¹²⁵.

В сущности, это была историографическая статья, содержащая широкий круг вопросов о народничестве и народовольчестве. Статья отразила особенности третьего этапа дискуссии, в центре внимания которой оказался вопрос об отношении к революционному движению крестьянства в связи с деятельностью народников и «Народной Воли». Еще более усилился интерес историков к методологическим проблемам. По-прежнему главной задачей оставалась борьба за ленинское понимание революционного па-

---

¹²¹ Покровский М. По поводу юбилея «Народной Воли». — Историк-марксист, 1930, № 15.

¹²² Там же, с. 69, 75, 76, 78, 83, 85.

¹²³ Там же, с. 74.

¹²⁴⁻¹²⁵ Там же, 1930, № 18-19. Рецензия была перепечатана: «Большевик», 1930, № 23-24.

родничества¹²⁶. Расширился круг ленинских работ, привлекаемых историками, углубилось понимание ленинских характеристик, усилилось стремление к всестороннему рассмотрению проблемы. Наиболее усвоенными оказались взгляды Ленина на социальную базу и классовый источник народолюбия, на место и значение «Народной Воли» в общем ходе развития классовой борьбы, на характер социализма народников и его отношение к социализму пролетарскому. Именно по этим направлениям шла критика концепции Теодоровича в советской историографии вообще и в статье Татарова в частности. Критик упрекал автора монографии в выборочном использовании ленинских высказываний. Методически неправильным считал он подход к источникам, их некритическое восприятие¹²⁷. Татаров отмечал, что выводы И. Теодоровича делались на основе отдельных программных положений народолюбцев, игнорировалась социально-экономическая основа народничества в целом¹²⁸.

Статья Татарова отражала уровень развития историографии своего времени. Сильной стороной явилась ее критическая направленность. Он разоблачал меньшевиков и троцкистов, игнорировавших крестьянство как революционную силу и считавших народничество «исторической бессмыслицей»¹²⁹. Одновременно он обращал внимание на научную несостоятельность эсеровской и неонароднической концепции, согласно которой России предстояла «реставрация» якобы идей 70-х годов, а будущее развитие социализма мыслилось как развитие социалистических идей народников. Он категорически отвергал их попытки выдать теоретические и программные установки большевизма за дальнейшее «развитие» народнических идей.

Идеализация народничества и народолюбия, провозглашение их идейными «предшественниками» большевизма не соответствовало исторической объективности и означало воскрешение народнической идеологии и идеализацию мелкого производителя, что в условиях обострения

---

¹²⁶ На это указывали сами участники: «Борьба за ленинское понимание «Народной Воли», — писал И. Татаров, — вот, что лежало в основе всей дискуссии» (Историк-марксист, 18—19, с. 185).

¹²⁷ Историк-марксист, 1930, № 18—19, с. 186—188.

¹²⁸ Там же, с. 187.

¹²⁹ Там же, с. 188.

классовой борьбы в деревне в конце 20-х — начале 30-х годов в связи с развертыванием наступления на кулачество и борьбы с правой оппозицией наносило большой политический вред. Напряженность обстановки сказалась па характере исследований советских историков и на статье И. Татарова в том числе. Она изобиловала политическими оценками, резкими формулировками, прямолинейными выводами.

Дискуссия 1929—1931 гг. о «Народной Воле», способствовала утверждению в советской науке ленинской концепции народничества. Будучи заметным явлением в советской историографии, она явилась импульсом к развертыванию исследований по проблеме на более высоком научном уровне. В ходе дискуссии советские историки творчески усвоили методологические подходы к изучению столь сложного явления общественного движения России XIX в. как народничество. Обсуждение было пронизано духом борьбы с враждебными марксизму-ленинизму концепциями, с далеко идущими выводами о «народническом» характере ленинского учения, о «специфически русских корнях ленинизма», о «неприменимости» марксизма в России и др.¹³⁰ Дискуссии, связанные с утверждением ленинских взглядов на народничество, имели большое значение для разработки методологической проблемы о генезисе научного социализма в России, для установления закономерностей соединения социализма с рабочим движением и исторических особенностей этого процесса, социал-демократического движения, его периодизации и др. Исследование истории социал-демократического движения в России, его этапов, первых марксистских организаций было связано с проблемой зарождения партии большевиков, ее истоков.

Среди вопросов, которые предстояло решить советским историкам в 20-е годы, стоял и вопрос о деятельности группы «Освобождение труда» и роли Г. В. Плеханова, в лице которых научный социализм в России имел пер-

---

¹³⁰ Современные буржуазные советологи широко используют троцкистско-меньшевистский тезис о народничестве как «основополагающей ленинской платформы», о Нечаеве, Ткачеве, Бакунине и других — как «родоначальниках» большевизма, обвиняют ленинское учение о партии в «народовольческом эпигонстве» и «отступлении» от марксизма и др. См. подробнее: Салов В. И. Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977.

вых пропагандистов. Решение советскими историками вопроса о значении группы и ее руководителя имело непосредственное отношение к исследованию генезиса пролетарского социализма в России. Журнал «Историк-марксист» принял участие в полемике, которая развернулась в советской историографии по указанным вопросам и была приурочена к 45-летию со дня создания группы «Освобождения труда» и 10-летию со дня смерти Г. В. Плеханова. Критика советских ученых была направлена главным образом против троцкистско-меньшевистской апологетической характеристики Плеханова и его группы, трактовок Плеханова как «основоположника» большевизма. В условиях острой идейной борьбы с троцкизмом, с попытками троцкистов подвергнуть ревизии ленинизм, противопоставить В. И. Ленину Плеханова советские историки заняли подчеркнуто критическую позицию по отношению к группе «Освобождение труда», к теоретическому наследию Плеханова.

В работах некоторых историков это приобрело крайне односторонний характер: их внимание было акцентировано на меньшевистских тенденциях Плеханова, истоки которых усматривались уже в 90-е годы XIX в., этим историкам была свойственна недооценка группы «Освобождение труда». Некоторые советские историки справедливо выступили против субъективизма в подходе, крайностей, видя в этом забвение ленинских оценок плехановской группы, которую В. И. Ленин рассматривал как родоначальницу социал-демократии в России. Он придавал большое значение постановке Г. Плехановым и его соратниками таких теоретических вопросов, как соотношение социальной и политической борьбы, осмысление пролетариата как движущей силы русской революции, капиталистическое развитие страны, критика политической доктрины народовольчества¹³¹.

Подобный упрек содержался в рецензии В. И. Невского на вводную статью Н. Л. Сергиевского к публикации текста газеты «Рабочий» — органа партии русских социал-демократов¹³². Отметив заслуги автора в воссоздании по

---

¹³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 311—321.

¹³² Историк-марксист, 1928, № 10. Основные положения вводной статьи были развиты Сергиевским в кн.: Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. М.; Л., 1929.

архивным материалам историй деятельности группы Благоева, под именем которой была известна партия русских социал-демократов, рецензент высказал ряд замечаний принципиального характера по поводу анализа программы благосвцев. Невский решительно возражал против идеализации группы Благоева, желая увидеть в отдельных положениях программы предвосхищение ленинских идей, в частности в вопросе о союзе рабочего класса. Он справедливо указывал, что такая позиция Сергиевского приводила к отождествлению благоевской концепции с ленинской и тем самым признанию ленинской концепции «близкой народнической»¹³³. Рецензент решительно не соглашался с мнением автора, что группа Благоева, а не группа «Освобождение труда» явилась родоначальницей русских марксистов. Более того, автор отрицал марксистский характер первого проекта программы плехановской группы, недооценивал значение группы в целом.

Рецензия Невского интересна тем, что в ней нашли отражение вопросы, волновавшие в то время историков, изучавших социал-демократическое движение в России на ранних этапах. Публикация рецензии Невского в журнале «Историк-марксист» была выражением определенной позиции его редколлегии. Стремление сохранить научную объективность проявилось и в других материалах «Историка-марксиста», посвященных рассматриваемому сюжету. Давая общую положительную оценку очередному сборнику группы «Освобождение труда», содержащему статьи, воспоминания, переписку бывших ее участников, автор опубликованной в журнале рецензии Г. Стопалов сосредоточил внимание на характеристике взглядов Плеханова, пытался дать их в эволюции¹³⁴. Исходным материалом ему служила переписка Плеханова с Каутским (1889—1898 гг.) и предисловие Плеханова к пятому изданию его монографии «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Стопалов отмечал заслугу Плеханова в борьбе против искажений марксизма западно-

---

¹³³ Историк-марксист, 1928, № 10, с. 252.

¹³⁴ Стопалов Г. Рец. на кн.: Группа «Освобождение труда». Из архива Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, Л. Г. Дейча. Сб. № 6. М.; Л., 1926.— Историк-марксист, 1927, № 3. Всего было опубликовано шесть сборников.— М.; Л., 1924—1928.

европейскими ревизионистами в конце XIX в. Положительно оценивая деятельность Плеханова в этот период, рецензент, однако, не указал на то, что теоретически ограниченное видение Плехановым проблем социализма снижало действенность плехановской критики и содержало в себе гносеологические истоки меньшевизма Плеханова¹³⁵. В предисловии к указанной монографии Плеханова Стопалов справедливо отмечал, что оторванность от России и оппортунистическая позиция Плеханова сказались на его теоретических взглядах, привели его самого к ревизии марксизма по коренным вопросам. Небольшая, но емкая рецензия Г. Стопалова интересна тем, что в своих подходах к оценке наследия Плеханова и его деятельности он пытался опираться на ленинские характеристики. В то же время ему не удалось избежать односторонности в подходе, и эта черта была типичной для исследователей указанной проблемы в 20-е годы.

Интерес к творческому наследию Плеханова, обозначившийся в советской историографии, вызвал публикацию в журнале «Историк-марксист» развернутого исследования Э. Газганова об исторических взглядах одного из первых русских марксистов¹³⁶. Статья была написана по заданию редколлегии журнала, не случаен был выбор автора: Газганов принадлежал к той группе советских историков, которые искали путей последовательного и всестороннего изучения творчества Плеханова. Большая редакторская работа была проведена в процессе подготовки статьи к публикации: неоднократно статья обсуждалась на заседаниях редколлегии, уточнялись отдельные положения и формулировки, четче выявлялась позиция автора по ряду вопросов¹³⁷. Автор статьи исходил из марксистско-ленинского положения о взаимозависимости исторических и общественно-политических взглядов, отмечал, что интерес к истории у Плеханова был обусловлен его политической деятельностью. Из комплекса плехановских работ Газганов выбрал для анализа «Введение»

---

¹³⁵ Подробнее см.: *Пантин И. К.* Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973.

¹³⁶ *Историк-марксист*, 1928, № 7. Э. Я. Газганов — сотрудник Института им. В. И. Ленина.

¹³⁷ Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 5, л. 30—31; ф. 638, оп. 2, д. 70, л. 2. В редактировании статьи принимали участие А. В. Шестаков и И. И. Минц.

к монографии Плеханова «История общественной мысли в России»¹³⁸. По мнению автора, во «Введении» содержалось наиболее полное, последовательное и систематическое изложение взглядов на историю и прежде всего русский исторический процесс. Стержнем концепции у Плеханова (и это убедительно показано в статье Газганова) была идея о своеобразии русского исторического процесса, которое он, однако, в отличие от буржуазных историков видел в переплетении «европейских» и «азиатских» черт исторического развития¹³⁹. В соответствии с этим строилась периодизация русской истории: Киевский период (минимум элементов «азиатизма» и, наоборот, преобладание черт «европеизма»), Московский (сближение с Востоком), Петербургский (отрыв от Востока и поворот к Западу), который завершился в результате Февральской революции 1917 г.¹⁴⁰ Критикуя плехановскую периодизацию русского исторического процесса, данные им характеристики особенностей каждого из периодов, Газганов обращал внимание на общеметодологические подходы автора «Введения». Он отмечал преувеличение Плехановым роли географической среды в развитии общественного строя вопреки марксистско-ленинскому положению, что основой исторического процесса является развитие производительных сил¹⁴¹. Газганов видел ошибки Плеханова в определении феодализма не как общественно-экономического строя, подводящего к капитализму, а как государственно-политической системы, характеризующейся политической раздробленностью¹⁴². Он считал несостоятельным объяснение Плехановым различий социально-экономического развития Запада и Востока всеобщим закрепощением как низшего, земледельческого класса, так и высшего, служилого класса населения, что якобы создавало основу для азиатской деспотии¹⁴³. Вопреки марксистско-ленинскому учению об общественно-экономических формациях, Плеханов приходил к выводу о существовании «азиатского способа производства» и «азиатского общества», характерной чертой которого,

---

¹³⁸ Плеханов Г. В. Соч., М.; Л., 1925. Т. XX.

¹³⁹ Историк-марксист, 1928, № 7, с. 72.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же, с. 73—75.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же, с. 73, 76.

по его мнению, было медленное развитие производительных сил. Газганов усматривал ошибки в решении такой важной проблемы русского исторического развития, как закрепощение крестьянства, и находил здесь много общего с традиционным объяснением буржуазных историков: им, как и Плеханову, было свойственно преувеличение роли государства в закрепощении, отсюда вывод о «надклассовом» характере государства¹⁴⁴. Критикуя Плеханова, автор статьи использовал аргументацию В. И. Ленина, его заключение, что Плеханов не понял учения марксизма о государстве¹⁴⁵. В конечном итоге Газганов квалифицировал историческую концепцию Плеханова как попытку подвести под традиционные взгляды русской либерально-буржуазной историографии «марксистскую» основу, что привело Плеханова к эклектизму, к синтезу отдельных положений Соловьева, Ключевского с концепцией «азиатского способа производства».

Итак, историческая концепция Плеханова — буржуазно-либеральная по существу, хотя и использует марксистскую фразеологию¹⁴⁶. Статья содержала отдельные высказывания историографического характера: автор пытался проследить процесс формирования исторической концепции Плеханова и высказывал суждение, что уже во второй половине 80-х годов Плеханов придерживался тех взглядов на русскую историю, которые им были впоследствии систематизированы во «Введении». Интересна постановка Газгановым вопроса о влиянии исторической концепции Плеханова на его общественные взгляды, насколько исторические взгляды Плеханова разделялись его политическими сподвижниками. Исследователь определял историческую концепцию Плеханова как меньшевистскую концепцию русской истории, своего рода историософию русского меньшевизма¹⁴⁷. В статье содержалась критика в адрес Троцкого, его непонимания природы социал-шовинизма, что сказалось в оценке роли Плеханова, в попытке затушевать оппортунизм последнего¹⁴⁸.

Оценивая работу Газганова, нельзя не отметить ее не-

---

¹⁴⁴ Там же, с. 82.

¹⁴⁵ Там же, с. 108.

¹⁴⁶ Там же, с. 109.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же.

ровности, противоречивость, слабость некоторых аргументов. Автор недостаточно проследил связи исторических воззрений Плеханова с народнической идеологией, в частности по вопросу о государстве и общине. Не удалось ему избежать влияния тех историков, которые в оценке Плеханова стояли на крайних позициях. Статья отразила сильные и слабые стороны исторической науки 20-х годов в изучении плехановского наследства: критику троцкистско-меньшевистской апологетики, постановку ряда принципиально новых вопросов, стремление расширить источниковую базу и вместе с тем одностороннее усвоение ленинских положений и отдельных характеристик, антиисторизм, нигилизм.

В советской историографии все больше утверждалось мнение, что основные элементы своей меньшевистской тактики Плеханов выработал к концу XIX в. На таких позициях стоял и В. Н. Рахметов; они нашли выражение в докладе, с которым он выступил на I Всесоюзной конференции историков-марксистов — о происхождении меньшевистской концепции русского исторического процесса¹⁴⁹. В опубликованном журнальном отчете содержался перечень основных положений меньшевистской концепции истории России, говорилось о роли Плеханова в формировании этой концепции. Меньшевистская схема русской истории являлась, по мнению докладчика, модификацией буржуазных и мелкобуржуазных схем. Ее происхождение и развитие показало, что она представляла попытку применить догматическую схему к историческим фактам, а не на основе изучения исторических фактов сделать определенные выводы. Рахметов прослеживал связи троцкистских воззрений на историю России с меньшевистской концепцией исторического процесса и устанавливал взаимозависимость исторических и политических взглядов тех и других на современном этапе.

Первые попытки советских историков в исследовании концепций, исторических взглядов Плеханова были весьма несовершенны. Но сама постановка этих проблем была важной. Редколлегия журнала «Историк-марксист» проявила инициативу, обратив внимание исследователей на необходимость изучения исторических взглядов Плехано-

---

¹⁴⁹ Там же, 1929, № 12, с. 11—12.

ва, что, бесспорно, открывало новые возможности в освещении и понимании плехановской схемы социальной революции, его политической платформы.

Изучение истории третьего, пролетарского периода русского революционного движения имело свои особенности: в центре внимания историков находились проблемы трех российских революций¹⁵⁰. Другой особенностью историографии 20-х — начала 30-х годов являлась неразрывная связь изучения истории партии большевиков с историей революционного движения в России конца XIX — начала XX в. Круг проблем, по которому велось исследование, был достаточно широк: борьба В. И. Ленина против либерального народничества и «легального марксизма», образование Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» как зачатка марксистской партии в России, о социальных корнях «экономизма», роль II съезда партии, о времени возникновения большевизма и др. Наиболее широко проблемы истории партии освещались на страницах истпартовских периодических изданий, в общественно-политических журналах.

Изучение архивного материала журнала «Историк-марксист», как об этом говорилось выше, показало, что редколлегия стремилась палатить регулярное освещение разработки важнейших проблем партийной науки. На деле велось лишь систематическое рецензирование источников по истории партии: документальных публикаций¹⁵¹, мемуаров¹⁵², отдельных монографических работ¹⁵³.

---

¹⁵⁰ Подробнее см. соответствующий раздел монографии.

¹⁵¹ *Кривцов С.* Рец. на кн.: «Искра», № 1—52. Л., 1925.— *Историк-марксист*, 1927, № 4; *Кривошеина Е.* Рец. на кн.: Протоколы ЦК РСДРП. М., 1929.— Там же, 1929, № 13; *Гиндин В.* Рец. на кн.: Протоколы совещания расширенной редакции «Пролетария». М., 1934.— Там же, 1935, № 12, и др.

¹⁵² *Мамет Л.* Рец. на кн.: Н. К. Михайлов. Четверть века подпольщика. М.; Л., 1928.— Там же, 1928, № 10; *Войтинский Н.* Рец. на кн.: С. Лившиц. Партийные университеты подполья. М., 1929.— Там же, 1929, № 14; *Невский В.* Голоса старой гвардии. Издания общества старых большевиков.— Там же, 1933, № 4, и др.

¹⁵³ *Кип Д. Н. Н.* Батулин как историк.— *Историк-марксист*, 1927, № 6; *Невский В.* Рец. на кн.: А. С. Бубнов. ВКП(б). М., 1930.— Там же, 1930, № 18—19; *Покровский М. Н.* По поводу некоторой путаницы (История ВКП(б) / Под ред. Ем. Ярославского).— Там же, 1932, № 1—2, и др.

Большое влияние на работу журнала в области истории партии оказывали постановления партии по идеологическим вопросам, в частности 1929 г. об укреплении научной работы¹⁵⁴. Перед советскими историками была поставлена задача создания научной истории партии, что было возможно лишь при условии овладения ленинским теоретическим наследием, ленинской методологией, при условии преодоления мелкобуржуазных, ревизионистских и оппортунистических концепций и фальсификаций. На выполнение новой задачи были направлены организационные мероприятия по дальнейшей концентрации сил, ликвидации параллелизма в работе исследовательских учреждений, совершенствования подготовки кадров¹⁵⁵.

Мероприятия партии и правительства конца 20-х — начала 30-х годов закрепили успехи, достигнутые историками в новой отрасли исторического знания — истории партии, открыли широкие возможности для дальнейшего развития. Шире стали хронологические рамки исследований: в сферу изучения был включен советский период истории партии.

Наряду с новой тематикой шло дальнейшее углубленное изучение принципиально важных проблем, среди которых предмет истории партии как науки. Многочисленные споры, которые велись в советской историографии по этой проблеме, нашли свое отражение в докладе В. И. Невского «История ВКП(б) как наука» на Всесоюзной конференции историков-марксистов, который был опубликован в журнале. Автор констатировал наличие нескольких мнений в советской науке: некоторые историки отрицали существование истории партии как науки, считая, что она входит в общую историю, другие высказывали мнение о преждевременном изучении истории партии, ссылаясь на ее политический характер, остроту вопросов. Сам докладчик твердо стоял на позициях признания истории партии как науки и видел ее задачу в описаниях революционно-партийных явлений и установлении истори-

---

¹⁵⁴ «О научных кадрах». Постановление ЦК ВКП(б). — Правда, 1929, 18 авг.; «О мероприятиях по укреплению научной работы». Постановление ЦК ВКП(б). — Вестник Комкадемии, 1929, № 33, с. 282—283.

¹⁵⁵ Идейный арсенал коммунистов. М., 1971; см. также: 50 лет советской исторической науки: Хропика научной жизни. 1917—1967.

ческих закономерностей в их развитии в связи с историей России, СССР и всемирной историей в целом¹⁵⁶. Как видно, в докладе были спорные моменты, на которые указывали участники обсуждения, в частности ему не удалось избежать смешения истории партии с историей революционного движения в России XIX — начала XX в. При этом историки поддержали Невского в том, что историю партии надо изучать на фоне общей истории, в том числе истории революционного движения. В ходе обсуждения доклада были поставлены вопросы о необходимости более последовательного изучения таких актуальных проблем, как Ленин — историк партии, роль партии большевиков в Великой Октябрьской социалистической революции¹⁵⁷. Указывалось на необходимость создания стабильных учебников по истории партии.

Публикуя расширенную информацию о докладе Невского и дискуссии по докладу, редколлегия журнала «Историк-марксист» предполагала продолжить обсуждение столь важной проблемы на страницах издания. Планы остались неосуществленными: немногочисленные кадры специалистов по истории партии, как неоднократно отмечалось, были сосредоточены в партийных изданиях, загружены работой по подготовке в печать произведений В. И. Ленина, документальных публикаций и др.

Члены редколлегии журнала приняли участие в работе совещания представителей ленинизма, истории партии и Коминтерна в 1930 г. и выработке тезисов, в которых было сформулировано определение истории партии как науки и тем самым дано размежевание ее с рядом других дисциплин, определен круг проблем научного исследования в области истории партии. Большое значение имело обращение к изучению истории партии на современном этапе. Одновременно обращалось внимание на изучение ленинского этапа в истории партии.

Если до этого времени шло исследование главным образом проблем российской социал-демократии, то в первой половине 30-х годов в центре внимания оказались проблемы большевизма, изучение которых включало изучение истории борьбы с различными антипартийными течениями, прежде всего троцкизмом. Историко-партийная

---

¹⁵⁶ Историк-марксист, 1929, № 12, с. 300.

¹⁵⁷ Там же, с. 301—302.

тематика включала проблему перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, критику троцкистской теории «перманентной» революции, проблеме союза рабочего класса и крестьянства в революциях и др.¹⁵⁸

В дальнейшем исследования советских историков были сосредоточены на проблемах, поставленных в дискуссиях 20-х годов о социальных «корнях» «экономизма» и меньшевизма, о времени возникновения марксистской партии в России, о революционном наследии и преемственности в социал-демократическом движении и др.

В связи с проблемой возникновения большевизма особое значение имела дискуссия о месте I съезда РСДРП, в ходе которой выявились различные точки зрения, расхождения во взглядах по вопросу о начале истории большевистской партии¹⁵⁹. Весь этот комплекс вопросов не получил достаточного освещения в журнале «Историк-марксист». По-настоящему журнал включился в дискуссию лишь на последнем этапе в связи с 30-летием II съезда партии большевиков (1933 г.). Празднование этого юбилея подвело черту под длительными спорами о моменте зарождения марксистско-ленинской партии. Советские историки по-ленински решили вопрос о начале образования марксистской пролетарской партии, справедливо полагая, что большевистская партия существует с 1903 г., с момента II съезда¹⁶⁰.

Победа ленинской точки зрения была закреплена в тезисах ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) «30 лет большевистской партии. 1903—1933»¹⁶¹. По существу, это была развернутая программа исследований советских историков в области истории партии, во главу которой было поставлено изучение ленинского этапа истории партии. Подобный поворот был обусловлен необходимостью борьбы с троцкистско-меньшевистскими и националистическими концепциями возникновения истории партии. В связи с этим в журна-

---

¹⁵⁸ Подробнее см. следующий раздел II главы.

¹⁵⁹ Подробнее см.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV, гл. VII (автор — М. С. Волин).

¹⁶⁰ Савельев М. Значение II съезда партии в истории большевизма.— Историк-марксист, 1933, № 4; Лепешинский П. Второй съезд партии.— Там же. Ср.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 6.

¹⁶¹ Правда, 1933, 30 июля.

ле «Историк-марксист» началась публикация статей о борьбе с враждебными оппозициями¹⁶², а также с критикой национализма в области изучения местных партийных организаций¹⁶³. Однако можно говорить лишь о первых шагах в плане изучения истории партии советского периода. Большими успехами была отмечена вторая половина 30-х годов, когда в журнале в связи с рядом постановлений партии и правительства, и прежде всего постановлением ЦК ВКП(б) от 14 июня 1935 г. «О пропагандистской работе в ближайшее время», произошла перестройка в сторону расширения партийной тематики, увеличения количества публикуемого материала, расширения авторского состава¹⁶⁴.

Итак, обратившись к освещению истории русского революционного движения XIX — начала XX в., журнал активно включился в борьбу советских историков с враждебными концепциями за утверждение марксистско-ленинского понимания проблемы. В ряде случаев редколлегия журнала являлась инициатором постановки ряда тем по истории русского революционного движения. На страницах журнала получил освещение ряд актуальных дискуссий советской историографии. Материалы журнала отразили первые успехи советских исследователей в освоении новых источников, в изучении ленинской концепции революционного движения и применении ее в конкретно-исторических разработках и др. Темы по истории революционного движения в России в журнале освещались выборочно: не публиковалось материалов о деятельности А. Н. Радищева, А. И. Герцена, В. Г. Белинского, П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева, Н. К. Михайловского и др. Тем не менее содержание журнала дает представление о развитии революционного движения в России, о преемственности революционных традиций трех поколений революционеров, о тесной связи его с историей трех российских революций.

---

¹⁶² Ярославский Ем. Анархо-синдикалистская «рабочая оппозиция» в ВКП.— Историк-марксист, 1935, № 7; «Рабочая оппозиция» в Самаре в 1920 г.— Там же, и др.

¹⁶³ Шовкринский Ю. Об искажении истории ленинизма в вопросах истории Дагестана.— Историк-марксист, 1932, № 1—2; Крумин Г. Против троцкистской фальсификации в вопросах истории Коммунистической партии Латвии.— Там же, 1935, № 5, и др.

¹⁶⁴ Большевик, 1936, № 8, с. 33.

ПРОБЛЕМЫ ТРЕХ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА

Методологической основой изучения и разработки истории трех российских революций явилась ленинская теория социалистической революции¹⁶⁵. В своих основных положениях она включала характеристику империализма как кануна социалистической революции, проблему перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, обоснование возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране. Большое значение В. И. Ленин придавал роли объективных и субъективных факторов в революции, пониманию революционной ситуации, идее о многообразии форм перехода от капитализма к социализму. В новых исторических условиях В. И. Ленин творчески развил марксистское учение о гегемонии пролетариата в революционном движении, учтя особенности эпохи империализма как кануна социалистических революций.

Освоение этой теории и применение ее к конкретно-историческим исследованиям было залогом успешной разработки историографии российских революций на основе марксизма-ленинизма. Процесс овладения советскими историками ленинской методологией анализа революций был длительным и осложнялся идейной борьбой с враждебными, оппортунистическими и ревизионистскими концепциями и фальсификациями. Главным объектом их критики стала Великая Октябрьская социалистическая революция. Антисоветский хор объединил почти все идейные платформы буржуазной и мелкобуржуазной мысли: от ярых монархистов до «социалистов» типа эсеров, меньшевиков, троцкистов, оппортунистов II Интернационала¹⁶⁶. Изучение истории Великого Октября было актуальным и политически важным, что обуславливало ведущее положение этой проблемы в советской историче-

---

¹⁶⁵ Подробнее см.: Ленинская теория социалистической революции и современность. М., 1972; 2-е изд., 1975; *Зародков К. И.* Ленинизм и современные проблемы борьбы за социализм. М., 1970; *Он же.* Три революции в России и наше время. М., 1975; 2-е изд., М., 1977; *Красин Ю. А.* Теория социалистической революции: ленинское наследие и современность. М., 1977, и др.

¹⁶⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 139.

ской науке. Исходя из марксистско-ленинской теории мирового революционного развития, советские историки видели в Великой Октябрьской социалистической революции кульминационный пункт этого процесса. Отсюда широкий подход, изучение истории российских революций в единстве.

Указанная методологическая установка явилась определяющей в деятельности журнала «Историк-марксист» в этой области. История Октября — ведущая тема журнала. Это диктовало определенный подход к ряду других проблем отечественной истории. Опираясь на ленинское определение роли и значения первой русской революции 1905—1907 гг., советские историки 20-х годов рассматривали ее как генеральную репетицию Октября¹⁶⁷. Научная разработка первой русской революции эпохи империализма имела большое политическое и практическое значение, в том числе для международного революционного движения.

Основополагающим при изучении истории революции 1905—1907 гг. явился ленинский анализ ее характера, движущих сил и особенностей, содержащийся в ряде работ В. И. Ленина начиная с 1905 г. и кончая послеоктябрьскими трудами¹⁶⁸. Однако правильное восприятие ленинской концепции было затруднено противодействием антимарксистских, меньшевистско-троцкистских и эсеровских установок.

Борьба за ленинское понимание проблем революции 1905—1907 гг. была залогом успешной, подлинно научной разработки ее истории.

Стимулом для широкого освещения проблем первой российской революции на страницах журнала «Историк-марксист» явились ее юбилеи: в 1925, 1930, 1935 гг., празднование которых имело большой общественно-политический и научный резонанс. Подготовка к изданию первых номеров журнала совпала с 20-летием революции. Специальное решение совета ОИМ предусматривало широкую публикацию в журнале материалов по проблемам

---

¹⁶⁷ Там же, т. 38, с. 306; т. 41, с. 7—10.

¹⁶⁸ Подробнее см.: История КПСС. В 6-ти томах. М., 1966, т. 2; Бовыкин В. И. Генеральная репетиция Великого Октября.— Коммунист, 1974, № 18; Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции: Сб. ст. М., 1978, и др.

революции 1905—1907 гг.¹⁶⁹ На формирование тематики статей и обзоров журнала оказали влияние партийные документы, посвященные юбилею¹⁷⁰.

Предварительные планы юбилейных номеров журнала охватывали довольно широкий круг тем: предпосылки революционных событий, русско-японская война, Октябрьская стачка и Декабрьское вооруженное восстание 1905 г., Советы в революции, классы и партии, международное значение и влияние русской революции на Восток и Запад¹⁷¹. Обзор литературы по теме должен был подвести итоги изучения истории первой российской революции в советской историографии. Вышедший первый номер «Историка-марксиста» содержал уникальные материалы заседаний в ОИМ, посвященных революции: стенограммы докладов и прений. Кроме того, была помещена статья М. П. Павловича «Революция 1905 г. и Восток», в которой автор останавливался на политических и экономических предпосылках национально-освободительного движения в Персии, Турции, Индии и Китае, на характеристике 1905 г. в России как отправного пункта освободительного движения на Востоке.

Уже первое обращение журнала к теме показало, в какой острой идеологической борьбе шла разработка истории революции 1905—1907 гг., какие именно проблемы стояли в центре внимания исследователей. Характерной чертой этих работ явилось стремление авторов определить на основе ленинской концепции место и значение исследуемых явлений и событий в общем развитии революции, выявить связь с современностью, использовать результаты исследований в идейной борьбе с буржуазной и мелкобуржуазной историографией. Критика враждебных концепций шла по основополагающим вопросам: характер революции, ее движущие силы, рабочий класс — гегемон революции, методы и формы рабочего движения,

---

¹⁶⁹ Подробнее см.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV, гл. V, § 6 (авторы — И. Ф. Угаров, Н. Н. Яковлев) и др.

¹⁷⁰ Циркуляр ЦК ВКП(б) «О двадцатилетней годовщине революции 1905 года» и постановление ЦК ВКП(б) «О праздновании 20-летия революции 1905 г.» — Известия ЦК ВКП(б), 1925, № 42, с. 7, 8.

¹⁷¹ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 3, л. 3, 3 об. Среди предполагаемых авторов: М. Н. Покровский, М. П. Павлович, В. В. Рудаш, Е. М. Ярославский, С. М. Дубровский, А. В. Шестаков, П. О. Горин и др.

аграрно-крестьянский вопрос, Советы и др.¹⁷², что в совокупности давало возможность ставить такие теоретически важные вопросы, как соотношение стихийного и сознательного, объективного и субъективного и др.

Рассматривая комплекс вопросов о возникновении и деятельности в 1905 г. Советов рабочих депутатов, П. О. Горин выступил против одностороннего меньшевистского утверждения о буржуазном характере первой русской революции, о буржуазии как руководящей силе¹⁷³. Автор противопоставил этому ленинское определение цели революции, заключающейся в установлении революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, подчеркнул провозглашение В. И. Лениным главной революционной силой, гегемоном революции российского пролетариата¹⁷⁴. Анализируя содержание работы Троцкого «1905», Горин пришел к выводу, что в оценке движущих сил революции, ее характера Троцкий «неизбежно скатывался к меньшевизму», отмечал при этом непонимание им сущности ленинского положения о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, его пессимизм в оценке перспектив революции в России, неверие в возможность социалистической революции, ее зависимость от успехов социалистической революции на Западе¹⁷⁵. Он подчеркивал связь между ошибочными толкованиями меньшевиками и троцкистами характера и дви-

---

¹⁷² Перечисленные вопросы по-прежнему фальсифицируются в работах зарубежных советологов. См.: *Черняк Е. Б.* Английская и американская историография революции 1905—1907 гг.— Вопросы истории, 1955, № 12; Научная сессия по истории первой русской революции 1905—1907 гг. М., 1965 (выступления Н. Демочкина, М. Панкратовой, О. Величко); *Филатов В. П.* Критика фальсификации истории КПСС. М., 1970; *Якушевский И. Т.* Первая русская революция и современный антикоммунизм.— В кн.: Первая русская революция 1905—1907 гг. Проблемы и современность. Л., 1976; *Зырянов П. Н., Шелухаев В. В.* Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М., 1976; *Якушевский И. Т.* Революция и современность. Л., 1977; *Марушигин Б., Иоффе Г., Романовский Н.* Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977, и др.

¹⁷³ *Горин П.* Чем были Советы рабочих депутатов в 1905 г.? — Историк-марксист, 1926. № 1. Доклад в ОИМ содержал основные положения его монографии «Очерки по истории Советов рабочих депутатов в 1905 г.» (М., 1925).

¹⁷⁴ Историк-марксист, 1926, № 1, с. 203—205.

¹⁷⁵ Там же, с. 206.

жущих сил революции 1905—1907 гг. и их отношении к Советам как на практике, в момент революционных событий, так и в дальнейших попытках фальсифицировать историю Советов. Принципиальные расхождения между большевиками и меньшевиками существовали по вопросам происхождения Советов, их деятельности, характера и значения для развития революции. Автор категорически отвергал пропагандируемую троцкистско-меньшевистскими идеологами точку зрения на активную роль меньшевиков в деле создания Советов рабочих депутатов, решительно выступил против проникновения этой точки зрения в марксистскую литературу¹⁷⁶.

Опираясь на ленинские работы, Горин рассматривал Советы рабочих депутатов как высшую форму рабочего движения, как органы власти, отмечал творческую инициативу широких пролетарских масс в их зарождении.

При этом автор подчеркивал громадную роль В. И. Ленина в теоретическом осмыслении роли Советов, важность ленинского анализа их сущности. «Его прогноз Советов,— делал вывод автор,— имел огромное значение и для революции 1917 года»¹⁷⁷. По-ленински признавая важнейшим фактором возникновения Советов в революции 1905—1907 гг. массовое стачечное движение в России, он выводил родословную Советов из Октябрьской политической стачки 1905 г. и тем самым опровергал ошибочное мнение некоторых советских историков о возникновении Советов из различных организаций, создававшихся рабочими в начале революции. Его критика была направлена против попыток Троцкого вывести происхождение Советов из опыта, полученного на выборах в комиссию Шидловского, и характеризовать их как чисто пролетарские организации¹⁷⁸.

---

¹⁷⁶ Там же, с. 204. Эту же версию до сих пор повторяют буржуазные фальсификаторы истории, отрицающие руководящую роль большевистской партии в создании Советов, их роль в революционной борьбе, характер деятельности Советов как органов восстания и зародышей народной власти и др. См.: Демочкин Н. Н. Под флагом меньшевистских идей. Заметки о современной буржуазной историографии Советов.— История СССР, 1966, № 5.

¹⁷⁷ Историк-марксист, 1926, № 1, с. 203—206, 208.

¹⁷⁸ Там же, с. 218—221. Эту точку зрения разделял выступивший в прениях бывший член Петербургского Совета рабочих депутатов Д. Сверчков, считавший этот Совет органом пролетарской диктатуры.

Подчеркивая то качественно новое, что было присуще Советам как боевым организациям революции, Горин отвергал попытки Рожкова с меньшевистских позиций решать вопрос о времени возникновения Советов¹⁷⁹. По мнению автора, относить создание Советов к 90-м годам XIX в. (как предлагал Рожков) и ставить знак равенства между ними и стачечными комитетами того периода, значило принизить роль Советов. Решительные возражения вызвали стремления Рожкова оправдать точку зрения меньшевиков на Советы как на органы «самоуправления», а по существу, органы по руководству экономической борьбой рабочих, и точку зрения троцкистов на Советы как «прообраз будущей широкой рабочей партии». На примере Петербургского Совета рабочих депутатов Горин прослеживал борьбу большевиков и меньшевиков — «двух крыльев русской социал-демократии» — за влияние в Совете, за превращение его в орган подготовки вооруженного восстания и захвата власти¹⁸⁰.

В развернувшемся в советской историографии споре об отношении к Советам большевиков и меньшевиков Горин занял правильную позицию, утверждая, что большевики сразу же поняли большую роль Советов и стояли за партийное руководство ими. Окончательное мнение большевиков, заключал автор, сложилось с приездом в Россию В. И. Ленина¹⁸¹.

Выступление Горина носило боевой, наступательный характер, что было вызвано, несомненно, остротой политической обстановки, борьбой Коммунистической партии с троцкистской оппозицией¹⁸². Однако автор допускал серьезные ошибки. Отрицая троцкистско-меньшевистский взгляд на буржуазию как руководящую силу революции 1905—1907 гг., Горин в то же время полагал, что до Октябрьской стачки существовало «немое соглашение» буржуазии с пролетариатом о совместной борьбе с самодержавием¹⁸³, и тем самым переоценивал революцион-

---

¹⁷⁹ Там же, с. 207—208, 229, 231.

¹⁸⁰ Там же, с. 209; подробнее см.: *Бондаревская Т. П.* Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975.

¹⁸¹ Историк-марксист, 1926, № 1, с. 207, 208.

¹⁸² Жаркие споры возникли в момент обсуждения доклада Горина в ОИМ. На заседании присутствовали и выступили сторонники меньшевистских взглядов Д. Сверчков, Н. Рожков.

¹⁸³ Историк-марксист, 1926, № 1, с. 202—203.

ность либеральной буржуазии. Решительно выступая против неверной оценки Октябрьской стачки как национальной революции, он при этом не критиковал тех авторов, которые считали эту стачку высшей точкой революции, и высказывал мысль, что уже в октябрьские дни пролетариат был психологически готов к вооруженному восстанию.

Рассматривая Советы как органы вооруженного восстания и обращаясь к событиям декабря 1905 г., он делал вывод, что «повсеместно Советы являлись единственными организациями, руководившими восстанием»¹⁸⁴. Это вело к принижению деятельности партии большевиков в подготовке и организации Декабрьского вооруженного восстания. Справедливо критикуя троцкистско-меньшевистских лидеров и авторов за подмену истории Советов историей Петербургского Совета, отмечая троцкистско-меньшевистские ошибки его руководства, Горин сам не избежал преувеличения роли этого Совета: считал его не только первым Советом, но и наиболее типичной формой рабочего движения¹⁸⁵.

Многие из перечисленных недостатков носили принципиальный характер и были свойственны историкам 20-х годов. Сказывалось недостаточное овладение ленинской концепцией социалистической революции, односторонность в использовании ленинских работ, незнание некоторых из них. Узкая источниковая база сдерживала успешное изучение истории революции. Примером неудачного решения ряда принципиальных вопросов революции явилось сообщение С. И. Черномордика о Декабрьском вооруженном восстании 1905 г. Автор сам был участником московского восстания, одним из его руководителей. Его работа частично была построена на воспоминаниях. Наряду с рассмотрением комплекса вопросов, связанных с Декабрьским восстанием: классовое содержание, причины поражения, дальнейшие перспективы революции и др., Черномордик затрагивал и такие коренные вопросы революции, как характер и движущие силы, классы и партии, причины поражения революции и др. Само восстание он рассматривал в сопоставлении с Октябрьской стачкой. Докладчик стоял на позициях призна-

---

¹⁸⁴ Там же, с. 214.

¹⁸⁵ Там же, с. 207—209, 215.

ния Октябрьской стачки национальной революцией и сравнивал ее с революцией 1848—1849 гг. в Германии и во Франции¹⁸⁶. По его мнению, в октябре 1905 г. в стачке приняли участие все классы общества и лишь после Манифеста 17 октября наблюдался отход буржуазии от революции, объединение ее с самодержавием¹⁸⁷. По мнению Черномордика, до октября 1905 г. пролетариат — гегемон революции, затем, по пути к декабрю «все классы отстали, крестьянство еще не подоспело. Пролетариат из гегемона превратился в единственного носителя революции»¹⁸⁸. Отсюда автор делал вывод, что Декабрьское восстание было пролетарской революцией. В Февральской революции 1917 г. он видел продолжение Октябрьской забастовки, в Октябрьской революции 1917 г. — продолжение Декабрьского восстания 1905 г., которое называл первой пролетарской революцией¹⁸⁹.

Выступление С. И. Черномордика вызвало бурные прения участников заседания в ОИМ, содержание которых известно благодаря опубликованной в журнале стенограмме. Уже тогда многие положения автора вызвали решительные возражения М. И. Васильева-Южина, А. В. Шестакова и М. Н. Покровского¹⁹⁰, которые упрекали Черномордика прежде всего в методологической ошибке: изучении истории первой русской революции, ее характера и движущих сил на примере только московского восстания в декабре 1905 г.¹⁹¹ Отсюда проистекало игнорирование Черномордиком крестьянства как движу-

---

¹⁸⁶ Черномордик С. Декабрьское вооруженное восстание.— Историк-марксист, 1926, № 1, с. 237, 254. Ср.: Черномордик С. И. 1905 г. в Москве (М., 1925), в которой были собраны статьи и воспоминания, написанные в разные годы. Наряду с ценным фактическим материалом в книге повторялись ошибочные положения дореволюционных работ Черномордика, в частности по аграрному вопросу, что вызвало справедливую критику рецензентов.— См.: Каторга и ссылка, 1926, № 1; Пролетарская революция, 1925, № 10; Печать и революция, 1926, № 2 (авторы: А. Шестаков, Е. Херсонская, С. Пинотковский).

¹⁸⁷ Историк-марксист, 1926, № 1, с. 238, 254.

¹⁸⁸ Там же, с. 239.

¹⁸⁹ Там же, с. 241.

¹⁹⁰ М. Васильев-Южин, А. Шестаков, М. Покровский тоже были участниками Московского вооруженного восстания, двое из них — Васильев-Южин и Шестаков — входили в партийное руководство.

¹⁹¹ Историк-марксист, 1926, № 1, с. 249.

щей силы революции, отрыв крестьянского движения от пролетарского, смешение причин поражения революции в целом и Декабрьского вооруженного восстания.

Оппоненты уделили большое внимание позиции автора в вопросе об Октябрьской стачке, указав на неуместность аналогий русской революции эпохи империализма с западноевропейскими революциями 1848 г., неправомочность определения революции 1905—1907 гг. «в двух ликах» — национальном и пролетарском¹⁹². Основное содержание революции А. Шестаков видел в том, что это была рабоче-крестьянская революция с элементами революции социалистической¹⁹³. Главное отличие русской революции от западноевропейской заключалось в гегемонии пролетариата. Все особенности революции 1905—1907 гг., по мнению Шестакова, были обусловлены общественно-политическими и социально-экономическими условиями исторического развития России. Таким образом, вслед за В. И. Лениным¹⁹⁴ советские историки решительно выступили против попыток меньшевиков оценивать русскую революцию с позиций западноевропейских революций XIX в. и тем самым принизить ее значение.

Большое место в обсуждении заняли вопросы Декабрьского вооруженного восстания. Единодушным было мнение оппонентов, что оно явилось вершиной революции, по выражению Ленина, высшей точкой революции. В определении причин поражения Декабрьского вооруженного восстания в Москве участники дискуссии пытались подойти к ленинским оценкам, видя эти причины в недостаточной организованности восстания, технической неподготовленности, невооруженности пролетариата, отсутствии поддержки со стороны солдат Московского гарнизона, крестьян¹⁹⁵. Принципиальные критические замечания направлялись в адрес меньшевиков и эсеров, их дезорганизаторской деятельности в период восстания: оппортунизма меньшевиков и авантюризма эсеров, их соглашательства с либеральной буржуазией¹⁹⁶. В своем выступлении М. Покровский подверг критике позицию Плехано-

---

¹⁹² Там же, с. 242, 249.

¹⁹³ Там же, с. 248.

¹⁹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 381—382; т. 12, с. 134; т. 15, с. 206, и др.

¹⁹⁵ Историк-марксист, 1926, № 1, с. 251.

¹⁹⁶ Там же, с. 247.

ва, который, пытаясь оправдать свою оппортунистическую тактику, заявлял, что не нужно было братья за оружие¹⁹⁷. Покровский определял значение Декабрьского вооруженного восстания с ленинских позиций, отмечая, что, если бы этого восстания не было, не было бы ни Февраля, ни Октября 1917 г.¹⁹⁸ М. И. Васильев-Южин выступил против клеветы Троцкого о «трусости» петербургского пролетариата, якобы не поддержавшего восставших. Он видел причину нерешительных действий Петербургского Совета рабочих депутатов в соглашательской политике троцкистско-меньшевистского руководства, которое под давлением масс было вынуждено принять решение о стачке, но даже не поставило вопроса о переходе к вооруженному восстанию¹⁹⁹.

Объективно сообщение Черномордика и выступления участников заседания были направлены против троцкистско-меньшевистского отрицания вооруженного восстания как высшей формы революционной борьбы пролетариата. К сожалению, и докладчик и оппоненты совершали одну и ту же серьезную ошибку: недооценивали руководящую роль большевиков в революции, их самоотверженную работу по созданию революционной армии, по укреплению союза рабочего класса и крестьянства. Обсуждение показало, что среди советских историков 20-х годов получила распространение неправильная точка зрения на стратегию и тактику партии большевиков в решении аграрного вопроса, смысл которых был в якобы имевшем место «недостаточном внимании» на первом этапе революции к крестьянству со стороны большевиков. Историки считали, что перелом наступил лишь на III съезде партии большевиков, когда по докладу В. И. Ленина была принята специальная резолюция об отношении к крестьянскому движению, о поддержке конфискации помещичьей земли, а позднее — требование национализации земли²⁰⁰.

Более подробное обсуждение проблемы крестьянства в революции 1905—1907 гг. состоялось по докладу С. М. Дубровского. В заседании приняли участие и выступили М. Н. Покровский, Е. М. Ярославский, А. В. Ше-

---

¹⁹⁷ Там же, с. 252.

¹⁹⁸ Там же, с. 252—253.

¹⁹⁹ Там же, с. 248.

²⁰⁰ Там же, с. 243, 249.

стаков, А. И. Гайстер, С. Е. Сеф и др. Автором были поставлены вопросы о крестьянских восстаниях и связях их с пролетарскими восстаниями, об основных вкладах крестьянского движения, составе участников, их идеологии, крестьянских организациях и др.²⁰¹ Слабее всего оказались освещены вопросы руководства крестьянским движением со стороны партии большевиков, борьба ее за освобождение крестьянских масс от влияния эсеров и других мелкобуржуазных партий. Привлечение широкого круга источников, изучение ленинских работ позволило исследователю подойти к правильному определению революции в России как демократической, понять ее особенности, которые заключались в чрезвычайной важности аграрного вопроса. Основную задачу революции в области аграрной политики Дубровский видел в уничтожении «полукрепостнического строя и расчистке путей для развития производительных сил»²⁰². Он отмечал, что в массовом крестьянском движении участвовали все слои крестьянства и оно было направлено против помещиков, пережитков крепостничества. При этом автор подчеркивал широкое участие бедняцкой и середняцкой массы крестьянства, попытки зажиточного крестьянства подчинить себе движение, захватить руководство. Говорил докладчик и о политике партии эсеров, об их стремлении привлечь на свою сторону крестьянство обещаниями социализации земли и уравнительного землепользования, о противодействии большевикам в деле создания союза крестьянства с пролетариатом и др. Большое значение имело выявление кулацких настроений в тех районах страны, где наблюдалась наибольшая дифференциация крестьянства.

Обсуждение показало чрезвычайную актуальность поставленной проблемы, неполноту решений одних ее сторон, ошибочность в объяснении других. Советские историки осознавали необходимость дальнейшего исследования закономерностей крестьянского движения, установ-

---

²⁰¹ Дубровский С. Крестьянство в революции 1905 г.— Историк-марксист, 1926, № 1, с. 256—262. Доклад содержал основные положения монографий Дубровского «Аграрное движение в 1905—1907 гг.» (Труды Института красной профессуры. М.; Пг., 1923, Т. 1) и «Столыпинская реформа. Капитализация сельского хозяйства в XX в.» (М., 1925).

²⁰² Историк-марксист, 1926, № 1, с. 256.

ления его периодизации, более тщательного изучения форм, состава участников, руководства со стороны партии большевиков, степени влияния мелкобуржуазных и буржуазных партий и др., т. е. вопросов, которые сознательно искажались буржуазной и мелкобуржуазной историографией²⁰³. Неправильно трактовался отдельными историками вопрос о роли сельской буржуазии, кулачества, в руководстве крестьянскими массами: в частности, М. Покровский считал зажиточного, хозяйственного мужика инициатором и руководителем борьбы с помещиком²⁰⁴.

Эти и другие недостатки снижали эффективность борьбы советских историков с враждебными концепциями, успешное преодоление которых было возможно на базе более глубокого изучения ленинского теоретического наследия по вопросам революции и классовой борьбы, таких его важнейших положений, как вопросы о гегемонии пролетариата, о союзе рабочего класса и крестьянства, перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и др. Шел процесс усвоения ленинской теории социалистической революции, нащупывались пути использования основных ее положений в анализе конкретной обстановки революции 1905—1907 гг. в России. Советские историки в середине 20-х годов еще не восприняли полностью ленинской идеи о Первой русской революции как крестьянской буржуазной революции эпохи империализма, движущими силами которой являлись рабочие и крестьяне, сплоченные в единый союз, руководимый пролетариатом²⁰⁵. Слабо изучалась деятельность коммунистической партии в революции, возглавившей рабочий класс и успешно решавшей организационные и тактические вопросы первого народного штурма царизма. Однако было бы неправильно отрицать значение борьбы

---

²⁰³ Игнорирование исторической реальности и подмена ее произвольными построениями, домыслами «об искусственности революционного возбуждения» крестьянства, консервативно-патриархальном характере его движения, о стабильности крестьянского «мира», отсутствии в деревне внутриклассовой дифференциации и в этой связи второй социальной войны характерны для современных советологов, пишущих о движении российского крестьянства в революции 1905—1907 гг. См.: *Марушкин Б., Иоффе Г., Романовский Н.* Три революции в России и буржуазная историография.

²⁰⁴ Историк-марксист, 1926, № 1, с. 261, 264, 269, 272, 275, 279.

²⁰⁵ *Дениз В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 20; т. 44, с. 305.

советских историков 20-х годов с антимарксистскими концепциями первой русской революции 1905—1907 гг.

Опубликованные в связи с 20-летием революции материалы журнала «Историк-марксист» объективно были направлены против троцкистско-меньшевистских фальсификаций характера революции в России, определения ее только как буржуазной, провозглашения буржуазии движущей силой, а крестьянства «реакционным», отрицания союза рабочего класса и крестьянства, фетишизации стачки как основной формы пролетарского движения, преувеличения его стихийности, непонимания Советов как новой формы власти, непризнания значения субъективных факторов и др.²⁰⁶ Советские историки критиковали эсеровские установки по коренным вопросам революции 1905—1907 гг.: отрицание эсерами ее буржуазно-демократического характера, определение как революции «социальной», провозглашение крестьянства «носителем» социалистических идей, самостоятельной и главной движущей силой революции, игнорирование идеи гегемонии пролетариата, выступление против диктатуры пролетариата, необходимости его союза с крестьянством и др.²⁰⁷

Более высоким исследовательским уровнем отличались работы, опубликованные в журнале в связи с 25-летием революции. Это было вызвано общим подъемом идейного и научного уровня советской исторической науки на рубеже 20—30-х годов, дальнейшим углубленным и всесторонним освоением историками ленинской теории социалистической революции. Важную роль сыграли дискуссии о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. В ходе дискуссии были, в частности, поставлены вопросы о наличии реальной возможности перерастания буржуазно-демократической революции в

---

²⁰⁶ См.: *Косульников А. П.* Критика В. И. Лениным оппортунистической тактики меньшевиков в буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг.— В кн.: *Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма.* М., 1966, и др.

²⁰⁷ Подробнее см.: *Гусев К. В.* В. И. Ленин о мелкобуржуазной сущности и политическом авантюризме программы и тактики эсеров.— В кн.: *Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма.* М., 1966; *Леванов Б. В.* Из истории борьбы большевиков против эсеров в годы первой русской революции.— В кн.: *Из истории становления и развития партии большевиков в дооктябрьский период.* М., 1968; *Он же.* Из истории борьбы большевистской партии против эсеров в годы первой русской революции. Л., 1974, и др.

социалистическую в 1905—1907 гг., о роли внутренних и внешних обстоятельств, необходимых для такого перерастания, о соотношении демократических и социалистических задач в революции и др. Активно обсуждался вопрос о времени создания В. И. Лениным теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Характер дискутируемых вопросов свидетельствовал о том, что советские историки не ограничивались констатацией факта существования у В. И. Ленина уже в 1905 г. теории перерастания и практической постановки им задач перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, но сделали попытки анализа ленинского понимания идеи перерастания и тем самым нанесли удар по троцкистской теории «перманентной революции»²⁰⁸. Результаты дискуссии нашли свое отражение в тезисах Отдела культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) и Института В. И. Ленина «К 25-летию юбилею революции 1905 г.»²⁰⁹. Тезисы имели большое методологическое значение в формировании юбилейной тематики журнала, явились своеобразным подведением итогов изучения проблемы в советской историографии.

Для решения принципиальных вопросов о характере и движущих силах первой русской революции представлялось важным изучение форм пролетарской борьбы. Раскрытию этой темы была посвящена опубликованная в журнале «Историк-марксист» статья Е. М. Ярославского, содержащая анализ ленинских взглядов на формы борьбы рабочего класса в период революции 1905—1907 гг., обобщение стачечной борьбы и вооруженных восстаний²¹⁰. Статья открывалась небольшим историографи-

---

²⁰⁸ Надеясь умалить значение ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, современные буржуазные авторы по-прежнему утверждают, будто она повторяет троцкистскую «теорию перманентной революции». Подробнее см.: Якушевский И. Т. Революция и современность; Марушкин Б., Иоффе Г., Романовский Н. Три революции в России и буржуазная историография.

²⁰⁹ Правда, 1930, 10 дек.

²¹⁰ Ярославский Е. М. Опыт политической стачки и вооруженного восстания первой русской революции в свете учения Маркса — Ленина. — Историк-марксист, 1930, № 20. В основу статьи был положен доклад в ОИМ от 26 ноября 1930 г. См.: ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 89, оп. 7, ед. хр. 25, л. 3, 4.

ческим введением, в котором перечислялась тематика исследований, по которой шло изучение революции: крестьянское и стачечное движение, деятельность Советов, роль партии большевиков в революции и др. Говоря о необходимости создания обобщающих марксистских работ, автор подчеркивал актуальность революционной проблематики, международное значение опыта первой русской революции.

Ярославский предпринял попытку применить положения ленинской концепции революции 1905—1907 гг. к анализу конкретно-исторических событий тех лет в России. Отправным моментом исследования автора явилась идея, что постановка вопроса о политической стачке и вооруженном восстании у В. И. Ленина была целиком и полностью увязана с его общей оценкой характера, движущих сил революции, а также со строжайшим учетом основных этапов революционной борьбы. Большое внимание при этом автор уделял ленинскому пониманию сущности революционной ситуации, составной частью которой являлся общенациональный кризис²¹¹. Сосредоточив внимание на рассмотрении Декабрьского вооруженного восстания, Ярославский все предшествующие революционные события анализировал под углом зрения этого восстания. По его мнению, январские 1905 г. дни явились великим уроком гражданской войны, а январская массовая стачка мобилизовала массы, бросила в них призыв к восстанию, нашла широкий отклик в деревне, вызвала брожение в войсках, которое и привело в конце концов к восстанию на «Потемкине»²¹². В своих выводах о значении восстания автор опирался на ленинские работы, в частности широко привлекал статью В. И. Ленина «Революционная армия и революционное правительство». Ярославский подчеркивал то основное, что выдвинул В. И. Ленин, характеризуя результаты восстания на «Потемкине»: удар по старому порядку в войсках, переход части армии на сторону восстания, попытки образования ядра революционной армии и необходимость создания революционного правительства²¹³. Работа Ярославского

---

²¹¹ Историк-марксист, 1930, № 20, с. 5—7, 12.

²¹² Там же, с. 16—17. Выводы Ярославского базировались на статье В. И. Ленина «Начало революции в России» (Полн. собр. соч., т. 9).

²¹³ Историк-марксист, 1930, № 20, с. 21—23.

содержала изложение ленинских взглядов на сентябрьскую стачку, которую В. И. Ленин рассматривал как репетицию более решительной борьбы, указывал на ее огромное воспитательное значение для развития дальнейшего движения. Всесторонне исследуя ленинскую статью «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России», автор останавливался на ленинской оценке октябрьской борьбы, которая привела к некоторому равновесию сил революции и контрреволюции, приблизила развязку, непосредственный переход к вооруженному восстанию.

Скрупулезно исследуя ленинские произведения²¹⁴, Ярославский фиксировал внимание на вопросах стратегии и тактики партии большевиков в революции 1905—1907 гг., которые были разработаны В. И. Лениным как в 90-е годы XIX в. (вопрос о гегемонии пролетариата в демократической революции, о союзе рабочего класса и крестьянства, об основных формах классовой борьбы пролетариата и др.), так и в ходе революции. Его статья была направлена против троцкистско-меньшевистских фальсификаторов, пытавшихся отрицать роль большевистской партии как руководящей политической силы первой русской революции²¹⁵. При этом автор широко использовал опыт В. И. Ленина в борьбе с оппортунизмом меньшевиков и лидеров II Интернационала, с ренегатством Троцкого, взгляды которого на русскую революцию он квалифицировал как меньшевистские.

Проследивая ход революции 1905—1907 гг., Ярославский показал, что спор между большевиками и меньшевиками, так же как и с другими антипартийными элементами, в том числе троцкистами, шел по принципиальным вопросам: о характере революции, о пролетариате как гегемоне, о временном революционном правительстве, о Советах как органах революционной власти и органах восстания и др. Особенно подробно рассматривал автор от-

---

²¹⁴ В их числе: «Задачи русских социал-демократов», «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Начало революции в России», «Две тактики социал-демократии в социалистической революции», «Уроки Московского восстания», «Партизанская война».

²¹⁵ Попытки фальсификации первой русской революции и роли партии большевиков характерны и для современных буржуазных советологов. См.: *Зырянов П. Н., Телоджаев В. В.* Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии, и др.

ношение меньшевиков и троцкистов к Декабрьскому вооруженному восстанию. Исходя из одностороннего положения, что революция есть война, главным и определяющим в подходе меньшевиков к вооруженному восстанию Ярославский считал их «либеральную боязнь революции», желание отделаться от мысли о ее необходимости, неизбежности²¹⁶. Отсюда категорические возражения лидеров меньшевиков против политической, организационной и военно-технической подготовки восстания, попытки рассматривать его как чисто «техническое» дело, недостойное внимания социал-демократов²¹⁷.

Не решаясь открыто выступить против восстания, меньшевики (и это показал Ярославский) прибегали к демагогии, подменяя вопрос о вооружении рабочих оружием рассуждениями о вооружении «жгучей потребностью самовооружения»²¹⁸. Анализируя взгляды Троцкого на первую русскую революцию, Ярославский пришел к заключению, что, как и в других коренных вопросах революции, в вопросе о вооруженном восстании Троцкий стоял на меньшевистских позициях, абсолютизируя значение политической стачки и по сути отрицая вооруженное восстание. С позиций реформизма меньшевики и Троцкий отрицали необходимость создания революционной армии рабочих и крестьян, борьбу за армию, за переход войск на сторону народа. Ярославский приводил свидетельство самого Троцкого, который, будучи председателем Петербургского Совета рабочих депутатов, выдвигал требование удаления войск из столицы вопреки требованию большевиков бороться за армию²¹⁹. Опportunистическая политика меньшевиков и Троцкого наиболее ярко, как известно, проявились в ходе Декабрьского вооруженного восстания²²⁰. Ярославский обличал предательское поведение Троцкого как одного из руководителей, в результате чего Совет рабочих депутатов в Петербурге не

---

²¹⁶ Историк-марксист, 1930, № 20, с. 25.

²¹⁷ Там же, с. 26—27, 50.

²¹⁸ Там же, с. 48—49.

²¹⁹ Там же, с. 35—38, 50, 51. Такая линия поведения Троцкого была созвучна рассуждениям Плеханова о значении офицерства для успехов революции.

²²⁰ Подробнее см.: *Бондаревская Т. П.* Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг.; *Клюева А. Д.* Партия большевиков в первой русской революции 1905—1907 гг. М., 1977, и др.

смог стать во главе восстания, оказать всестороннюю помощь и поддержку восстанию в Москве. Для оправдания своей антиреволюционной позиции Троцкий клеветал, по словам Ярославского, на петербургский пролетариат, обвиняя его в «трусости», «колебаниях», «психологической несостоятельности», «неспособности» к решительным действиям²²¹. Та же мысль о «неподготовленности» звучала в рассуждениях лидеров меньшевизма, в частности Плеханова.

Ярославский решительно отверг попытки умалить значение Декабрьского вооруженного восстания в Москве, принизить значение подготовки трудящихся масс к восстанию, свести подготовку к «психологической», что приводило меньшевиков к отрицанию самого факта восстания, определения его как «путча», «неудавшегося бунта»²²².

Наряду с разоблачением ренегатской позиции меньшевиков и Троцкого по вопросу о вооруженном восстании партии большевиков (и это нашло свое отражение в статье Ярославского) приходилось вести борьбу с авантюристической политикой эсеров, стремившихся восстание масс подменить восстанием кучки заговорщиков и обвинявших большевиков в «недостаточной революционности»²²³. Тактический авантюризм эсеров, по мнению Ярославского, выражался в недооценке организаторской и политической работы в широких народных массах, в бессмысленных призывах к вооруженному восстанию без учета расстановки классовых сил²²⁴. Автор, однако, не отметил, что тактический авантюризм эсеров в период революции наиболее ярко проявил себя в признании индивидуального террора как главного метода политической борьбы²²⁵. Не показал Ярославский и того, что тактика эсеров базировалась на их концепции революции, взглядах на ее характер и движущие силы.

Стремление подчеркнуть прежде всего международное значение опыта боев российского пролетариата привело автора к некоторой абсолютизации вооруженного восста-

---

²²¹ Историк-марксист, 1930, № 20, с. 52.

²²² Там же, с. 45, 46.

²²³ Там же, с. 24.

²²⁴ Там же, с. 15.

²²⁵ Подробнее см.: *Леванов Б. В.* Из истории борьбы большевиков против эсеров в годы первой русской революции.

ния как формы борьбы. В теоретическом разделе статьи, где речь шла о формах борьбы в революции, Ярославский не считал нужным указать на признание К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным возможности мирного развития революции, перехода власти в руки пролетариата без гражданской войны, на предпочтение В. И. Лениным мирного взятия власти²²⁶. Статья была написана в период острейшей идеологической борьбы, что, несомненно, повлияло на освещение вопроса о взаимоотношениях партии большевиков с партией меньшевиков и другими мелкобуржуазными партиями. Раскрывая деятельность большевиков по разоблачению соглашательства меньшевиков, авантюризм эсеров, Ярославский обошел молчанием указание В. И. Ленина о необходимости соглашения с партиями и общественными группами, которые признавали закономерность вооруженного восстания для свержения царизма, при сохранении классовой самостоятельности пролетариата²²⁷. Эта сторона деятельности партии оказалась неосвещенной.

Публикация статьи Е. М. Ярославского стала частью обширного плана публикаций в номерах журнала, посвященных 25-летию революции 1905—1907 гг. В ряде номеров предполагалось дать серию статей о международном значении первой русской революции, о рабочем и крестьянском движении, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, статей по советской историографии революции 1905—1907 гг. и др.²²⁸ Однако внимание советских историков оказалось поглощенным развернувшейся дискуссией о характере, движущих силах революции, Советах, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и др. Поводом к дискуссии послужили второе издание монографии П. О. Горина «Очерки по истории Советов рабочих депутатов в 1905 г.» (1930) и второй том «Истории ВКП(б)» под редакцией Е. М. Ярославского (1930), посвященный событиям революции 1905—1907 гг. В дискуссии приняли участие журналы «Большевик», «Пролетарская революция», «Старый большевик», «Исто-

---

²²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, ч. II, с. 669; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 264.

²²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 204.

²²⁸ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 89, оп. 7, ед. хр. 26, л. 3.

рик-марксист»²²⁹. Состоялся ряд устных обсуждений в ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), редакции журнала «Большевик» с участием редколлегии «Историка-марксиста», в Комкадемии, в ОИМ, во II МГУ и др.²³⁰ Итоги дискуссии были подведены в 1932 г. в статье П. Н. Лепешинского «Литература о 1905 г.»²³¹

Нет возможности в рамках данной монографии подробно останавливаться на рассмотрении дискуссии в целом, ограничимся лишь анализом опубликованного в журнале «Историк-марксист» материала по обсуждаемым вопросам. Надо отметить, что на первых порах редколлегия журнала недостаточно активно включилась в дискуссию, этому во многом мешало отмеченное выше неблагополучие в редакции. Личные отношения отдельных членов редколлегии придали излишне резкий характер публикациям по обсуждаемым вопросам. Острая идеологическая борьба, в обстановке которой проходила дискуссия, оказала влияние на характер обсуждений: непримиримость ко всякого рода отступлениям от ленинских положений порой приводила к категоричности и односторонности суждений. Наиболее ярко это проявилось на страницах «Историка-марксиста» в споре между Гориним и Ярославским.

Вышедший к 25-летию революции II том многотомной «Истории ВКП(б)» стал заметным событием в исторической науке. Авторский коллектив сделал попытку на основе ленинской концепции революции дать всестороннюю картину первой русской революции, уделив главное внимание экономическим и социально-политическим предпосылкам революции, классовой борьбе, политическим партиям, и на этом фоне отразить историю партии большевиков. Сильной стороной работы была ее антименьшевистская и антитроцкистская направленность²³². Однако

---

²²⁹ Пролетарская революция, 1930, № 11; 1931, № 2—3; Историк-марксист, 1930, № 18—19, 20; 1931, № 21; 1932, № 1—2; Большевик, 1931, № 7—9; Правда, 1931, 7 апр.; Старый большевик, 1932, № 2, и др.

²³⁰ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 30, л. 91—91об.

²³¹ Старый большевик, 1932, № 2.

²³² Подробнее см.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV, гл. VII (автор — М. С. Волин); Егоров В. Г. Ленинская концепция первой русской революции в советской историографии 20-х — начала 30-х годов. — В кн.: Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции; и др.

недостатки коллективной монографии, некоторые спорные положения вызвали полемику среди историков. С развернутой критической статьей на страницах журнала «Историк-марксист» выступил П. О. Горин. В рукописи она обсуждалась на заседаниях редколлегии журнала, в ходе которых были сделаны серьезные замечания²³³. Опубликованная в исправленном, измененном виде статья отражала не только мнение Горина, но и других членов редколлегии, за исключением Е. М. Ярославского²³⁴. Отметив некоторые положительные моменты, Горин сосредоточил внимание на недостатках монографии. К числу серьезных просчетов авторов издания рецензент относил чрезмерное преувеличение крестьянского характера революции, умаление роли пролетариата²³⁵. По мнению Горина, ошибочная трактовка характера революции оказала отрицательное влияние на решение авторами вопроса о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую²³⁶.

Критические замечания рецензента были в общем справедливы и своевременны. Односторонность в подходе к определению характера революции была общей чертой советских историков 20-х годов и обуславливалась недостаточным владением ленинским теоретическим наследием, в частности ленинским учением об империализме, неизученностью конкретной истории революции, особенно событий 1906—1907 гг. Незнание ряда ленинских работ, выборочность в использовании некоторых из них приводили историков к выхватыванию отдельных положений, отдельных оценок революции: будь то пролетарская, крестьянская, буржуазно-крестьянская, буржуазная. Широкое изучение аграрной истории революции 1905—1907 гг. способствовало утверждению в советской историографии ленинского понимания главнейшей особенности первой

---

²³³ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 89, оп. 7, ед. хр. 91, л. 34, 36; Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 14, л. 34. Протокол не раскрывает содержание замечаний, но можно предположить, что речь шла о смягчении формулировок рецензии.

²³⁴ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 89, оп. 7, ед. хр. 91, л. 20, 31. В письме в редакцию Ярославский высказался категорически против публикации рецензии, а в случае публикации требовал снабдить ее примечанием редколлегии о несогласии с критикой Горина.

²³⁵ Горин П. К вопросу о характере революции 1905 г.— *Историк-марксист*, 1930, № 20, с. 165—167.

²³⁶ Там же, с. 169.

русской революции — решающего значения крестьянского вопроса, что явилось ударом по троцкистско-меньшевистскому тезису о «реакционности» крестьянства. Однако в идеологической борьбе с меньшевистскими фальсификациями истории российской революции, с троцкистской теорией «перманентной революции» некоторые советские историки не избежали крайностей, преувеличения крестьянского характера революции 1905—1907 гг. Сказалась, несомненно, попытка Зиновьева представить В. И. Ленина «крестьянским философом» и считать крестьянский вопрос основным в ленинизме. Ряд историков — А. С. Бубнов, К. Ф. Сидоров, М. Н. Покровский, А. В. Шестаков и др. — сознавали односторонность решения вопроса о характере революции и выступали против перегибов.

Статья Горина отражала стремление советских историков подойти всесторонне к оценке революции 1905—1907 гг. Анализируя работы В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и «Этапы, направления и перспективы революции», Горин обращал внимание на ленинское определение первой русской революции как буржуазно-демократической при ведущей роли пролетариата²³⁷. При этом автор ссылался на ленинское указание о наличии в ней двух социальных войн — общенародной борьбы за демократию и классовой борьбы пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества — и подчеркивал ленинскую непримиримость к меньшевизму за его попытки растворить пролетариат в общедемократическом движении²³⁸.

Опираясь на ленинские работы, Горин разоблачал фарисейство Троцкого по вопросу о характере революции в России, показывая, что признание им первой русской революции социалистической было лишь маневром для удержания своего влияния на рабочие массы. Опportunистическая сущность троцкизма сказалась в отрицании ленинского учения о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, что означало игнорирование буржуазно-демократической революции как этапа, предшествовавшего социалистической революции, в авантюризме в политике, проявившемся еще в период революции 1905—1907 гг., когда Троцким был выдвинут

---

²³⁷ Там же, с. 168—169.

²³⁸ Там же, с. 169—170.

демагогический лозунг: «Без царя, а правительство рабочее». За напыщенными фразами Троцкого о «гибели» русской революции при условии «задержки мировой революции» скрывались, по мнению Горина, заурядные меньшевистские положения об «отсталости» России, «слабости» пролетариата, «невозможности» строительства социализма в одной стране²³⁹. Троцкистской теории «перманентной революции» советские историки противопоставили ленинскую теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, к которой В. И. Ленин пришел еще в 1905 г. Критика Горина была направлена против попыток троцкистов изобразить Ленина «радикальным мелкобуржуазным демократом», умалить значение его как теоретика, стратега, тактика революции.

Для Горина, как и для Ярославского²⁴⁰, было характерно стремление подчеркнуть международное значение опыта первой русской революции, ведущей силой которой явился российский пролетариат во главе с партией большевиков. Ссылаясь на программу Коминтерна, Ярославский видел актуальность изучения проблем первой русской революции в их значении для национально-освободительного движения народов угнетенных стран мира. Обе статьи содержали критику в адрес оппортунистических лидеров II Интернационала.

Статья Ярославского раскрывала наиболее важные положения ленинской концепции революции 1905—1907 гг., которую он, вслед за В. И. Лениным, определял как первую буржуазно-демократическую революцию эпохи империализма²⁴¹. Большим достоинством работы явилось стремление автора показать борьбу Ленина с мелкобуржуазной идеологией за выработку революционной стратегии и тактики партии большевиков. Статья отразила и то новое, что наметилось в советской историографии конца 20-х — начала 30-х годов: тенденцию историков с позиций ленинского учения об империализме глубже разобратсья в предпосылках первой русской революции, что,

---

²³⁹ Там же, с. 169—171.

²⁴⁰ *Ярославский Ем.* О революции 1905 г.— Историк-марксист, 1931, № 21. Одновременно статья была опубликована: *Большевик*, 1931, № 7.

²⁴¹ Историк-марксист, 1931, № 21, с. 143.

бесспорно, должно было привести к более полному усвоению ленинского понимания характера революции, ее движущих сил. Статья Ярославского по проблемам революции 1905—1907 гг. свидетельствовала о преодолении им одностороннего подхода к вопросу о характере революции²⁴². Автор показал, что В. И. Ленин в своих оценках характера революции боролся на два фронта: против меньшевиков, ограничивавшихся шаблонной характеристикой революции как буржуазной и не понявших ее особенностей, в том числе контрреволюционности буржуазии, и против эсеров, делавших крестьянство главной движущей силой революции, не понявших объективных задач революции²⁴³. Критика Ярославского была направлена против троцкистского отрицания роли крестьянства как одной из движущих сил русской революции.

Среди важнейших проблем революции 1905—1907 гг. Ярославский отмечал проблему Советов. Этот раздел его статьи содержал уничтожающую критику второго издания работы Горина «Очерки по истории Советов рабочих депутатов в 1905 г.» Ярославский обвинял автора «Очерков» в пеленинской оценке революции, в грубых политических ошибках, в теоретической путанице, невежестве, в наличии троцкистских формулировок²⁴⁴. Точка зрения Ярославского не была поддержана редколлегией журнала, о чем было сказано в примечании к статье²⁴⁵. Более того, в ходе обсуждения текста статьи Ярославского на редколлегии Шестаков отметил «личный характер критики»²⁴⁶. В свою очередь редколлегия журнала видела свою задачу в тщательном анализе недостатков книги Горина и опубликовала развернутую рецензию, написанную группой историков — сотрудников и аспирантов Института истории Комкадемии²⁴⁷.

Прежде чем раскрыть содержание рецензии группы историков, необходимо сказать, что проблема Советов: их генезиса, сущности, деятельности в первой русской революции, взаимоотношения с социал-демократией и др. —

---

²⁴² Ср.: *Ярославский Ем.* 1905. М.; Л., 1926. Здесь дано определение революции как крестьянской.

²⁴³ Историк-марксист, 1931, № 21, с. 145—146, 150.

²⁴⁴ Там же, с. 146—148, 151, 153 и др.

²⁴⁵ Там же, с. 143. Примеч. редакции.

²⁴⁶ Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 14, л. 70, 71.

²⁴⁷ Историк-марксист, 1931, № 21, с. 132. От редакции.

принадлежала к числу нерешенных в советской историографии. Кроме общих обстоятельств, затруднявших освоение ленинской концепции революции 1905—1907 гг., существовали дополнительные: лишь в 1940 г. была опубликована статья В. И. Ленина «Наши задачи и Совет рабочих депутатов», в которой содержались методологически важные указания к пониманию проблемы²⁴⁸.

Разработка истории Советов в советской историографии велась одновременно с острейшей критикой троцкистско-меньшевистских взглядов: отрицания закономерности и неизбежности возникновения Советов как зачатков народной власти, как органов восстания, объяснения появления Советов как результата деятельности меньшевиков, выхолащивания революционного содержания Советов, растворения в массе других организаций и т. д. При этом советские историки подчеркивали органическую связь первых Советов с Советами, возникшими в 1917 г., указывали на международное значение Советской власти и др.

Утверждение в советской историографии 20 — начала 30-х годов ленинской концепции Советов сопровождалось дискуссиями, в ходе которых обсуждались вопросы: какой именно Совет следует считать первым по времени возникновения в 1905 г. (Петербургский или Иваново-Вознесенский), каково классовое содержание Советов (являются ли они органами пролетарской диктатуры или революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства), о типах Советов, об оценке деятельности Петербургского Совета рабочих депутатов и др. Все эти вопросы по-разному решались в работах советских исследователей: Н. Батурина, Е. Кривошеиной, М. Покровского, В. Невского, П. Горина²⁴⁹ и др., требовали дальнейшего углубленного изучения. В этом плане второе издание «Очерков» Горина не вносило принципиально нового по сравнению с его прежними работами²⁵⁰ и содержало ряд

---

²⁴⁸ Правда, 1940, 5 мая; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12.

²⁴⁹ См. Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV, гл. V, § 6 (авторы — И. Ф. Угаров, Н. П. Яковлев).

²⁵⁰ Горин П. Советы рабочих депутатов и социал-демократия в 1905 году.— Зап. Комуниверситета им. Свердлова, 1924, № 2; Он же. Очерки по истории Советов рабочих депутатов в 1905 г.; Он же. Чем были Советы рабочих депутатов в 1905 г.— Историк-марксизм, 1926, № 1.

серьезных недостатков. Как справедливо было отмечено в рецензии сотрудников и аспирантов Института истории, издание 1930 г. по сравнению с изданием 1925 г. было отчасти дополнено новыми материалами, но не переработано, не соответствовало тем задачам, которые решала советская историческая наука в начале 30-х годов, и тому уровню, на котором она находилась²⁵¹. Приветствуя антименьшевистскую и антитроцкистскую направленность первого издания «Очерков», рецензенты считали характер и степень критики, содержащейся во втором издании, несоответствующими условиям идеологической борьбы современного этапа, когда контрреволюционная сущность троцкизма была окончательно разоблачена. Не подвергая сомнению правильность общей концепции Горина, они видели основной недостаток книги в ошибочных формулировках отдельных положений. Неправильные, нечеткие, противоречивые формулировки встречались при раскрытии таких важных положений, как характер революции, движущие силы, крестьянское движение, сущность Советов и др.

Критические замечания Ярославского относились к тем же положениям и ошибочным формулировкам Горина, о которых говорилось в рецензии бригады историков. Однако если авторы коллективной рецензии рассматривали ошибочные положения в контексте, принимая во внимание концепцию монографии, и для обоснования своих положительных выводов привлекали другие работы Горина, то в рецензии Ярославского из тех же формулировок Горина делались далеко идущие выводы.

Ни та, ни другая рецензия не выполнили своей задачи — дать по-настоящему научный разбор «Очерков», определить вклад в разработку проблемы Советов, проанализировать ошибки. Обе эти рецензии (как и рецензия Горина на второй том «Истории ВКП(б)») отличались слабой аргументацией, обилием цитат, поверхностностью. Среди прочих причин сказывалась недостаточная разработанность конкретной истории революции, в том числе истории Советов.

---

²⁵¹ [Бригада историков]. Рец. на кн.: П. Горин. Очерки по истории Советов рабочих депутатов в 1905 г. М., 1930.— Историк-марксист, 1931, № 21, с. 133 (среди авторов рецензии: Кузип, Анатольев, Татаров, Кугель); ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 89, оп. 7, ед. хр. 28, л. 198.

Итак, можно сделать вывод, что редколлегия журнала допустила много промахов в организации дискуссии по важным проблемам первой русской революции, не сумела обеспечить публикацию в нем серии историографических статей по истории революции, не опубликовала обобщающей статьи с изложением основных проблем дискуссии и др.²⁵² Неудача журнала не повлияла на результаты дискуссии в целом. Она показала, что антиленинские концепции первой русской революции были в основном преодолены, и в советской литературе прочно утвердилось положение о буржуазно-демократическом характере революции, о преобладании пролетарских форм борьбы, о ведущей роли пролетариата — гегемона революции 1905—1907 гг., о союзе рабочего класса и крестьянства, о руководящей роли партии большевиков, о Советах как новой форме власти и др.

Дискуссия наметила пути дальнейшего изучения ленинской концепции революции, конкретной истории революции, способствовала расширению хронологических рамок исследований. Конкретно-исторический анализ хода революции открывал возможности для более плодотворного решения вопроса о соотношении стихийного и сознательного: все больше внимания стало уделяться изучению самих революционных методов и форм борьбы рабочего класса, роли народных масс в первой русской революции, которая по праву стала называться народной.

Утверждение ленинской концепции революции 1905—1907 гг. в советской историографии нашло свое яркое отражение в материалах, опубликованных в журнале «Историк-марксист» в связи с 30-летним ее юбилеем. Впервые на страницах журнала была развернута публикация архивных документов, в том числе по таким ранее мало изученным проблемам, как влияние событий 9 января 1905 г. на подъем революционного движения за рубежом, революционное движение в провинциях России в октябре — декабре 1905 г., борьба деревенской бедноты с кулачеством, деятельность партии большевиков по руководству движением безработных и военно-боевыми организациями и др.²⁵³ Большой интерес представляла публикация «Хроника крестьянского движения 1905—1907 гг.

²⁵² ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 89, оп. 7, ед. хр. 28, л. 133—134.

²⁵³ Историк-марксист, 1935, № 10, 12; 1936, № 1, 2.

в центральных промышленных губерниях», составленной по архивным материалам, опубликованным документам, газетным данным ²⁵⁴.

Введение в научный оборот большого круга источников явилось характерной чертой советской историографии 30-х годов и положительно сказалось на уровне исследований, в том числе на опубликованных в журнале «Историк-марксист»: расширились их проблематика, хронологические и территориальные границы исследований ²⁵⁵. Юбилейная литература показала возросшее внимание историков к изучению деятельности партии большевиков в первой русской революции, что явилось частью обширного плана по созданию истории Коммунистической партии, реализация которого велась в 30-е годы. На страницах «Историка-марксиста» нашли свое отражение важнейшие моменты борьбы партии большевиков за вовлечение крестьянских масс в революцию: разработка В. И. Лениным аграрной программы, принятой II съездом партии, значение ленинской брошюры «К деревенской бедноте», разоблачение буржуазных и мелкобуржуазных партий и их аграрных программ, решения III съезда партии по аграрно-крестьянскому вопросу, критика троцкистско-меньшевистского тезиса о «реакционности» крестьянства и др. В опубликованной в 1935 г. обстоятельной статье А. В. Шестакова, написанной по архивным источникам, рассматривался вопрос о реализации постановления III съезда партии большевиков об агитации и пропаганде среди крестьянства: об организационных формах, специфических трудностях работы среди крестьянства, порожденных разобщенностью, неграмотностью, о роли революционеров-профессионалов ²⁵⁶. Подробно анализировались Шестаковым прокламации, листовки, газеты, брошюры и их значение для политического воспитания крестьян, вовлечения их в революционную борьбу под руководством пролетариата. Особо останавливался автор па

---

²⁵⁴ Историк-марксист, 1935, № 12.

²⁵⁵ Под углом зрения освещения предпосылок революции были опубликованы статьи: Попов А. Дальневосточная политика царизма в 1894—1901 гг.; *Он же*. Кризис дальневосточной политики царизма накануне революции 1905—1907 гг.— Историк-марксист, 1935, № 11, 12.

²⁵⁶ Шестаков А. В. Агитация и пропаганда большевиков в деревне в революции 1905—1907 гг.— Там же, 1935, № 12, с. 38—57.

устной агитации и пропаганде, отмечая их более широкий размах, чем в предшествующие годы. Результаты плодотворной деятельности большевиков, приходил к выводу исследователь, выразились в развертывании политических выступлений крестьян в форме митингов, демонстраций, вооруженных восстаний. Работа Шестакова воссоздавала картину борьбы партии большевиков с самодержавием, с буржуазией и помещиками за революционное воспитание трудящихся масс крестьян, за союз пролетариата с крестьянством, за организацию политической армии революции.

Идея о руководящей роли партии большевиков как единственно революционной партии пронизывала статью Ем. Ярославского об историческом значении первой русской революции²⁵⁷. Основу ее составил доклад, прочитанный Ярославским на научной сессии, посвященной 30-летию революции и созданной Комкадемией²⁵⁸. Работа носила методологический характер и содержала обстоятельный анализ высказываний К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина о предпосылках революции в России. Рассматривая ее как первую буржуазно-демократическую революцию эпохи империализма, автор уделял особое внимание общей проблеме различия буржуазных и буржуазно-демократических революций, показал принципиальные отличия революции в России от буржуазных революций XVIII—XIX вв. в Западной Европе. Статья охватывала широкий круг вопросов: о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократических революциях, о пролетарских средствах борьбы, в том числе о политической стачке и вооруженных восстаниях, о Советах как новой форме революционной власти и др. Впервые в советской историографии на основе тщательного изучения ленинских работ была дана всеобъемлющая характеристика международного значения русской революции.

---

²⁵⁷ *Ярославский Ем.* Историческое значение буржуазно-демократической революции 1905 г.— Там же, 1935, № 11.

²⁵⁸ В созданной в декабре 1935 г. сессии приняли участие ученые Москвы, Ленинграда и ряда городов страны. Были заслушаны доклады Н. Луккина «Русская революция 1905 г. и Западная Европа», М. Годеса «Революция 1905—1907 гг. и революционное движение на Востоке», С. Дубровского «Партия большевиков в руководстве крестьянским движением 1905 г.» (последний доклад предполагалось опубликовать в журнале).— Там же, 1936, № 1, с. 208—209.

Статья Н. М. Лукина содержала огромный и интересный материал о влиянии революции 1905—1907 гг. на Западную Европу, впервые вводимый в научный оборот, в том числе донесения царских дипломатов, парламентские отчеты ряда западноевропейских государств, свидетельства буржуазной и социалистической прессы и др.²⁵⁹ В анализе таких своеобразных источников Н. Лукин проявил себя тонким исследователем и интерпретатором. Привлекая большой фактический материал, он раскрыл тезис В. И. Ленина о политическом ультиматуме европейской буржуазии царскому правительству в связи с революцией в России, о разочаровании западноевропейской империалистической буржуазии в царизме и его методах борьбы с революцией, о планах военной интервенции в Россию со стороны европейской реакции, о международных займах и др. В статье прослеживалось влияние революции на все слои общества в западноевропейских странах, в том числе на буржуазную интеллигенцию. С особой силой Лукин подчеркивал усиление классовой борьбы западноевропейского пролетариата, рост забастовок политического характера, распространение других средств пролетарской борьбы, что делало возможным революционное содействие Запада буржуазно-демократическому движению в России. И если первая русская революция на ее буржуазно-демократическом этапе не стала «прологом» европейского социалистического переворота, а революционное движение в Западной Европе не получило должного размаха, то виной этому, по мнению автора, явилась предательская позиция руководства европейских социалистических партий. В отсутствие подлинно революционной пролетарской партии нового типа, такой, как партия большевиков, Лукин видел трагедию западноевропейского пролетариата.

Подытоживая освещение проблем первой русской революции в журнале, необходимо отметить актуальный характер исследуемых вопросов, их принципиальное значение для утверждения в исторической науке ленинской концепции революции 1905—1907 гг. Стремление связать решение отдельных вопросов с основными положениями ленинской теории социалистической революции

---

²⁵⁹ Лукин Н. М. Русская революция 1905 г. и Западная Европа (по донесениям царских дипломатов). — Там же.

было присуще всем авторам, печатавшимся в журнале.

Журнал принял активное участие в дискуссиях по таким важным проблемам, как российский империализм (речь пойдет дальше), характер революции, ее движущие силы, перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую и др. Научная разработка истории первой русской революции сопровождалась острой борьбой с враждебными концепциями. По мере овладения ленинской концепцией социалистической революции, в частности положением об объективных закономерностях российских революций, по мере расширения источниковой базы стала разнообразнее тематика журнальных публикаций. Политически важным было обращение советских историков к освещению роли партии большевиков в революции, ее руководящей роли. По-прежнему, однако, слабо исследовался ход революции. Этот недостаток был преодолен в последующие годы. Тема революции 1905—1907 гг. продолжала оставаться в ряду ведущих в журнале.

Исследуя историю российских революций как составной части мирового революционного процесса, советские историки исходили из идеи преемственности двух буржуазно-демократических революций и Великой Октябрьской социалистической революции. Учитывая особенности идеологической борьбы середины 20-х годов — выдвижение на первый план борьбы с троцкизмом, советские ученые сосредоточили свое внимание на изучении проблем истории Великого Октября, что имело большое практическое значение для решения вопроса о путях ее дальнейшего развития, о перспективах социалистического строительства в стране. Февральская буржуазно-демократическая революция рассматривалась советскими историками как этап Октябрьской социалистической революции, что отвечало ленинской трактовке Февраля 1917 г. как первого этапа начавшейся народной революции, как исторически неизбежного преддверия социалистической революции в России²⁶⁰. Необходимо было опровергнуть представ-

---

²⁶⁰ Подробнее о ленинской концепции Февральской революции и об изучении ее в советской историографии см.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966, т. 2; История СССР. М., 1967, т. 6; *Пушкарева И. М.* Историография Февральской революции в России.— История СССР, 1967, № 2; Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков. М., 1971; Партия боль-

ление буржуазных и мелкобуржуазных идеологов о Февральской революции как революции «славной», «великой», «бескровной», совершенной либеральной буржуазией в интересах народных масс. Именно этот аспект был выбран редколлегией журнала. Внимание авторов работ, опубликованных в «Историке-марксисте», было обращено на критику антимарксистских, реформистских концепций истории Февраля; работы были направлены против попыток отрицать закономерность революции в России, исказить ее буржуазно-демократический характер, умалить роль пролетариата как гегемона революции, противопоставить Февраль Октябрю и др.²⁶¹ Особенностью освещения этих вопросов явился историографический характер журнальных публикаций²⁶².

Несмотря на неоднократные попытки, редколлегии не удалось организовать рассмотрение проблем Февральской буржуазно-демократической революции как самостоятельной темы и придать ему систематический характер²⁶³.

шевников в Февральской революции 1917 г. М., 1974; *Соловьев М. Е.* В. И. Ленин о Февральской 1917 года революции в России. М., 1971; *Бурджалов Э. И.* Вторая русская революция. М., 1971, и др.

²⁶¹ Тезис о «единодушном», т. е. бесклассовом, характере Февральской революции в равной степени пропагандировался кадетскими, меньшевистскими и эсеровскими историками и публицистами. Они противопоставляли Великий Октябрь Февралю, отрицали по существу объективную закономерность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, руководящую роль пролетариата, его гегемонию в Феврале 1917 г. Вот почему этот тезис по-прежнему занимает важное место в общей антимарксистской схеме истории революционных событий 1917 г. в России и преобладает в современной советологии. Подробнее см.: *Иоффе Г. З.* Февральская революция 1917 г. в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970; *Марушкин Б., Иоффе Г., Романовский Н.* Три революции в России и буржуазная историография. М., 1978 и др.

²⁶² *Милиц И.* Рец. на кн.: В. П. Семенов. Политика Романовых накануне революции. 1926.— Историк-марксист, 1927, № 3; *Рабинович С.* Рец. на кн.: Е. И. Мартынов. Царская армия накануне и в Февральском перевороте. 1927.— Там же, 1927, № 4; *Пионтковский С.* Переписка Николая и Александров. 1916—1917. Т. IV.— Там же, 1927, № 4; *Генкина Э.* Рец. на кн.: М. В. Родзянко. Крушение империи. 1927.— Там же, 1927, № 5; *Рубинштейн Н.* Рец. на кн.: С. Д. Сазонов. Воспоминания. 1927.— Там же, 1928, № 8; *Сейф С.* Рец. на кн.: Буржуазия накануне Февральской революции. 1927.— Там же, 1928, № 7.

²⁶³ Темы о Феврале неоднократно присутствовали в планах журнала. Была попытка подготовить специальный номер к 10-летию революции: предполагалось осветить вопросы власти в революции,

Те немногие материалы, которые были напечатаны в журнале, появились в нем в связи с постановлением ЦК ВКП(б), опубликованным в ознаменование 10-летия Февральской революции (1927 г.)²⁶⁴. Отдельные вопросы истории Февраля получили освещение в статьях по Октябрю.

Ленинская концепция Великого Октября явилась частью его теории социалистической революции. В. И. Ленин был первым историком Октября, раскрыл закономерности социалистической революции в России, показал зрелость объективных условий для ее свершения, всесторонне проанализировал движущие силы революции, дал глубокую характеристику всех этапов ее развития²⁶⁵. Последовательное и всестороннее овладение советскими историками ленинской концепцией Октября являлось предпосылкой и непременным условием создания научной истории Великой Октябрьской социалистической революции. Разработка научной истории Октября имела важное практическое значение, была неразрывно связана с оценкой перспектив строительства социализма в стране, борьбой с антиленинскими течениями и группировками, задачами международного революционного движения. Трудности научной разработки истории пролетарской револю-

---

роль партии большевиков, аграрные программы буржуазных и мелкобуржуазных партий, деятельность Временного правительства и др. См.: Архив АН СССР, ф. 638, оп. 2, д. 69, л. 55.

²⁶⁴ Известия ЦК ВКП(б), 1927, № 7-8, с. 6.

²⁶⁵ Подробнее см.: В. И. Ленин об историческом опыте Великого Октября. М., 1969; *Черных А. Г.* В. И. Ленин — историк пролетарской революции в России. М., 1969; В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970; *Городецкий Е. П.* Ленин — основоположник советской исторической науки. М., 1970; *Степанов З. В.* В. И. Ленин как историк Октября в советской исторической литературе: (К историографии проблемы). — В кн.: В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970; Исторический опыт Великого Октября. М., 1975; Партия и Великий Октябрь: Исторический очерк. М., 1976; Исторический опыт Великого Октября и его международное значение. Тбилиси, 1977; *Миц И. И.* История Великого Октября. М., 1977—1979. Т. 1—3; *Городецкий Е. Н.* Современная литература о Великом Октябре. — История СССР, 1977, № 6; *Наумов В. П.* Основные черты современной советской историографии Великого Октября. — Вопросы истории, 1977, № 10; *Он же.* Современная историография Великой Октябрьской социалистической революции. — В кн.: Исторические записки. М., 1977. Т. 100; *Берхин И. Б.* Вопросы истории Великого Октября в сочинениях В. И. Ленина. М., 1978, и др.

ции 1917 г. в период становления советской исторической науки были связаны, как об этом неоднократно говорилось, с преодолением враждебных концепций. Перед советской исторической наукой стояла задача идейной борьбы с антимарксистскими концепциями социалистической революции. Журнал горячо откликнулся на этот призыв партии.

Первые материалы по истории Октября на страницах журнала «Историк-марксист» появились в 1927 г. в связи с 10-летием революции. Этому предшествовала большая организационная работа редколлегии, которая активно включилась в подготовку к празднованию знаменательной даты. В русле общих мероприятий, намеченных ЦК ВКП(б)²⁶⁶, Совет ОИМ принял специальное решение о необходимости публикации в журнале «статей, имеющих руководящее значение в изучении Октябрьской революции»²⁶⁷. Редколлегия «Историка-марксиста» предполагала посвятить Октябрю серию номеров журнала и последовательно представить историю революционных событий 1917 г.²⁶⁸ Специальный номер отводился проблемам методологии истории Октябрьской революции, критике мелкобуржуазных концепций²⁶⁹. Замысел целиком не удался, однако в течение 1927 г. были опубликованы статьи с критикой основных течений буржуазной, мелкобуржуазной и троцкистской историографии Октября. Борьба с антимарксистскими концепциями социалистической революции стала одним из главных направлений в работе журнала «Историк-марксист».

Теоретическая и научная несостоятельность, политическое банкротство, враждебность к Октябрьской революции и Советскому государству — вот то главное, что характеризовало, по мнению М. Н. Покровского, современную русскую буржуазную историографию. В опубликованной в журнале статье «Буржуазная концепция пролетарской революции» он сосредоточил внимание на

---

²⁶⁶ Об организации и проведении 10-летия Октябрьской революции. Постановление ЦК ВКП(б) 7 марта 1927 г.— Известия ЦК ВКП(б), 1927, № 16.

²⁶⁷ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 2, л. 167, 167об.

²⁶⁸ Архив АН СССР, ф. 638, оп. 2, д. 69, л. 54, 55. Подробнее см.: Алаторцева А. И. А. В. Шестаков — первый редактор журнала «Историк-марксист».

²⁶⁹ Архив АН СССР, ф. 638, оп. 2, д. 69, л. 53 об., 60.

критике книги Милюкова «Распад России» (1926), в которой лидер партии кадетов изложил свою концепцию Октября²⁷⁰. Анализ ее Покровский дал в нескольких планах, проследил ее взаимосвязь с общеисторической концепцией Милюкова. Не сумев научно объяснить происходящие в России события исходя из государственной теории русского исторического процесса, сторонником которой был Милюков, он пытался сформулировать «новую» концепцию. Исходным моментом ее был тезис об «экспорте» в Россию государства с Запада, о несоответствии хозяйственного развития России ее политическому и государственному развитию. Отсюда отрицание закономерности революции в России. Покровский обратил внимание на то, что под давлением фактов буржуазный историк вынужден был отказаться от характеристики Октябрьской революции как «заговора», «дворцового переворота», совершенного солдатами и матросами, и признал массовый характер революции²⁷¹. При этом, однако, Милюков делал упор на насильственную сторону революции: по его мнению, большевики в октябре 1917 г. стремились к восстанию одного класса — рабочих против всех других общественных классов, в том числе и крестьянства. Отрицая социалистический характер Октябрьской революции, Милюков, как показал в статье Покровский, возлагал надежды на верхушку крестьянства, видя в нем «базу русского возрождения».

Отметив мешанину в концепционных построениях, расхождения с историческими фактами, противоречия, Покровский пришел к выводу, что буржуазный историк не в состоянии объяснить такое эпохальное событие, как социалистическая революция в России, его методология несостоятельна, что в лице Милюкова «старая концепция русской истории разбита вдребезги»²⁷². Вызывает, однако, возражение данное Покровским определение Милюкова как буржуазно-демократического историка. Анализируя книгу Милюкова, советский историк подметил новые тактические приемы буржуазной историографии в освещении Октябрьской революции — появление «солидных» трудов, написанных с привлечением документаль-

---

²⁷⁰ Историк-марксист, 1927, № 3.

²⁷¹ Там же, с. 67, 70.

²⁷² Там же, с. 77.

ных материалов, более тонкие приемы фальсификации, мнимую объективность — и сделал вывод, что такого рода работы опасны своей маскировкой ²⁷³.

Существенные дополнения к характеристике Милюкова как лидера либерального течения русской эмиграции и буржуазного историка содержались в опубликованной в журнале историографической статье С. Г. Томсинского «Октябрь в белогвардейском освещении» ²⁷⁴. В ней подчеркивалась ленинская мысль о существовании единого фронта борьбы с Октябрьской революцией, объединившего монархистов, кадетов, «социалистов» типа эсеров и меньшевиков. Автор поставил своей целью дать сравнительный анализ характеристик Октябрьской революции, содержащийся в писаниях лидеров различных течений русской эмиграции. Правда, обзор был неполным, в нем отсутствовала критика меньшевистской концепции.

Подчеркивая общую черту: антинаучный, антисоциалистический характер буржуазной и мелкобуржуазной (эсеровской) концепций революции, Томсинский пытался выявить и особенности каждого из упомянутых направлений.

В буржуазной публицистике и историографии он отметил наличие реакционного крыла, представленного писаниями Струве. На десятом году существования Советской власти Струве и ему подобные стремились к реставрации старого буржуазно-помещичьего порядка, отрицали закономерный характер Октябрьской революции («финансирована Германией»), объявляли социализм «реакционным». По мнению Томсинского, это направление наиболее ярко отражало «косность, дикость и тупость» буржуазной историографии ²⁷⁵.

Более гибким оказался Милюков. Если в ранних работах по истории русской революции он заявлял, что победа большевиков в Октябре являлась ничем не объяснимой случайностью ²⁷⁶, то по прошествии десяти лет он видел причину ее, как отметил Томсинский, в том, что

---

²⁷³ Там же, с. 58.

²⁷⁴ Историк-марксист, 1927, № 5. Статья была написана по заказу редколлегии журнала. См.: Архив АП СССР, ф. 371, оп. 1, д. 2, л. 59.

²⁷⁵ Историк-марксист, 1927, № 5, с. 188.

²⁷⁶ Покровский М. И. Противоречия г-на Милюкова. М., 1922.

Временное правительство опоздало с введением конституции и передачей земли «земельной демократии»²⁷⁷. И напротив, постановка большевиками проблемы мира и земли, по мнению Милюкова, обеспечила им поддержку масс в октябре 1917 г. Томсинский правильно подчеркнул стремление Милюкова противопоставить Октябрьскую революцию революции Февральской, которая в изображении буржуазного историка явилась «подлинно русской, национальной революцией»²⁷⁸.

Позиция Милюкова была типична для буржуазных историков, вынужденных считаться с теми изменениями, которые внесла Октябрьская революция в общественное сознание, и, глубоко ненавидя революцию, приспосабливаться и приспосабливать свои исторические концепции к новым установкам. Отсюда заигрывание с крестьянством, ставка на верхушку крестьянства. По справедливому замечанию М. Н. Покровского, это нашло свое выражение в объявлении Милюковым русской революции «крестьянской»²⁷⁹. Томсинский, в свою очередь, писал, что идеалом будущего России Милюков считал демократическую республику, которая обеспечит крестьянам гарантии против помещиков²⁸⁰. В этом, по его мнению, проявилась общность Милюкова с эсеровскими установками па кулацкую верхушку деревни. Единство в подходе к буржуазной и мелкобуржуазной историографии (эсеровской) позволило Томсинскому выявить общее между ними в оценке ряда важных моментов Октябрьской революции. Еще больше общего в исторических построениях правых и левых эсеров. Анализируя работы лидеров правых эсеров Чернова и левых Штейнберга, автор пришел к выводу, что все их исторические изыскания строились на основе теории «конструктивного социализма», для них характерен эклектизм, мещанский патриотизм и словесная путаница. Их идеал — Февральская революция и Учреди-

---

²⁷⁷ Историк-марксист, 1927, № 5, с. 187.

²⁷⁸ Там же. Подобные доводы характерны и для современной буржуазной историографии Октября. См.: *Игрицкий Б. И.* Мифы буржуазной историографии. Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974, и др.

²⁷⁹ Историк-марксист, 1927, № 5, с. 86.

²⁸⁰ Там же, с. 188.

тельное собрание, которые они рассматривали как диктатуру «трудового народа», «идеал» и «внутренний стимул» всего хода дооктябрьской революции²⁸¹. При этом левые эсеры, по мнению Томсинского, не сумели разобраться, был ли Октябрь историческим «недоразумением» или неизбежностью, а правые, разглагольствуя о «конструктивном социализме», продолжали считать Октябрьскую революцию «заговором» большевиков и обвинять их в «бланкизме». Потерпев в ходе Октябрьской социалистической революции крах, эсеры пытались свалить вину за поражение друг на друга, в частности левые обвиняли правых эсеров в непонимании «величия русской (Февральской) революции», которую называли «социальной революцией», в извращении аграрной программы («социализацию земли выбрасывают») и др. Но эти положения можно было бы с полным основанием отнести и на счет левых эсеров. Исследователь пришел к выводу, что эсеры не увидели предпосылок Октябрьской революции, не поняли ни характера самой революции, ни ее хода, ни соотношения классовых сил, сложившегося в ходе классовой борьбы, ни причин собственного поражения, ни роли большевистской партии и масс в революционном преобразовании русского общества. Идеология эсеров враждебна рабоче-крестьянским массам, антинародна, заключал Томсинский. Та «социалистическая» фразеология, которая ей сопутствовала, являлась лишь туманной завесой²⁸².

С претензиями на научность, на марксистский характер своей концепции Октябрьской революции выступали меньшевики. Ярким представителем меньшевистского течения русской историографии был Н. Рожков, в прошлом активный деятель меньшевистской партии. Его исторические взгляды сформировались в ходе политических шатаний между большевиками и меньшевиками, его переход в лагерь меньшевизма сопровождался переходом на позиции вульгарно-экономического материализма в сочетании с элементами своеобразного психологизма и субъективного идеализма. По Рожкову, исторический процесс носил эволюционный характер, а революцию он рассматривал как политическую эволюцию, не приводящую к коренным

---

²⁸¹ Там же, с. 184.

²⁸² Там же, с. 184, 185.

изменениям в жизни классов²⁸³. Теоретико-философские изыскания Рожкова отразились в многотомном труде «Русская история в сравнительно-историческом освещении»²⁸⁴, который получил соответствующую оценку в советской историографии. В журнале «Историк-марксист» была опубликована рецензия на XII том «Истории» Рожкова, посвященный истории России XX в. К истории русских революций Рожков подходил с позиций своей теории общественного развития. Анализируя содержание работы, П. О. Горин отмечал в первую очередь немарксистский характер концепции Октября, указывал на отрицание Рожковым исторической необходимости, закономерности революции²⁸⁵. Автор рецензии правильно подметил тесную органическую связь меньшевистской концепции с буржуазно-либеральной трактовкой.

В общем положительно оценивая ту работу, которую журнал «Историк-марксист» начал по организации идейной борьбы с враждебными концепциями Октября²⁸⁶, и отмечая достоинства статей М. Покровского, С. Томсинского, рецензии П. Горина, нельзя, однако, не сказать и о недостатках. При партийном, классовом подходе критика их иногда не отличалась глубиной, всесторонностью, последовательностью. Авторы правильно отмечали зависимость той или иной концепции революции от политической позиции ее создателей и взглядов на общеисторический процесс, но не всегда эту зависимость прослеживали. Они не сумели подчеркнуть, что концепционные пороки буржуазных и мелкобуржуазных историков и идеологов вызваны игнорированием социально-экономической сущности эпохи империализма, особенностей развития России в эту эпоху. Советские историки еще робко применяли при анализе враждебных концепций ленинские принципы партийно-исторической критики, слабо опирались на ленинскую теорию социалистической революции, ленинское учение об империализме.

---

²⁸³ Рожков И. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. М., 1923, Т. I. Введение.

²⁸⁴ Тома I—XII. М., 1923—1926.

²⁸⁵ Горин П. Рец. на кн.: И. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении. М., 1926. Т. XII.—Историк-марксист, 1926, № 2.

²⁸⁶ Редколлегия предполагала опубликовать серию статей с критикой меньшевистской концепции революции, обратившись

С первых лет существования журнал «Историк-марксист» активно включился в борьбу с троцкизмом, который главным объектом своей фальсификации избрал ленинизм, партию, Октябрь. Советские историки к тому времени уже имели опыт борьбы с троцкистскими фальсификаторами, опирались на ленинские принципы критики²⁸⁷.

Заметным явлением в идейной борьбе советских историков с троцкизмом во второй половине 20-х годов стала опубликованная в 1927 г. в журнале статья М. Н. Покровского «Октябрьская революция в изображении современников»²⁸⁸.

Автор попытался осмыслить и творчески применить основные положения ленинской теории социалистической революции. Критика троцкистских установок шла по таким важнейшим вопросам, как закономерность Октябрьской революции, ее предпосылки, характер и движущие силы. Содержание статьи свидетельствовало о постепенном усвоении Покровским ленинских принципов в подходе к оценке принципиальных моментов истории Октября.

Разоблачая фальсификации истории Октября Троцкого, М. Покровский сосредоточил внимание на критике теории «перманентной революции» и тезисе о якобы имевшем место «претворении этой теории в жизнь в ходе Октября»²⁸⁹. В своей критике Покровский опирался на работы В. И. Ленина, в которых раскрывались положения теории социалистической революции. Зарождение ее Покровский справедливо относил к 1905 г. Особое внимание автор уделил освещению ленинского понимания процесса перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую²⁹⁰. По мнению Покровского, Октябрьская революция явилась конкретным воплощением ленинской теории социалистической революции, отсюда право-

---

к работам Г. Плеханова, Н. Суханова, Н. Рожкова и др. См.: Архив АН СССР, ф. 638, оп. 2, д. 69, л. 28, 28 об., 36, 36 об., 56, 60.

²⁸⁷ Подробнее см.: Партия и Великий Октябрь: Историко-политический очерк; *Ерыкалов Е. Ф.* Разоблачение троцкистской фальсификации истории Октябрьской революции в советской историко-партийной литературе 20-х годов.— В кн.: Из истории трех русских революций. Л., 1976, и др.

²⁸⁸ Историк-марксист, 1927, № 5.

²⁸⁹ Там же, с. 6.

²⁹⁰ Там же, с. 10.

мерность постановки темы для изучения: «Ленин как первый историк Октября».

Говоря о социалистическом характере Октябрьской революции, Покровский по-ленински отмечал, что вопросы буржуазно-демократической революции она решала «походя», «как побочный продукт»²⁹¹. Он решительно выступил как против троцкистского неверия в возможность победы социалистической революции в России не в рамках общеевропейской революции, так и против «теории предельной революции», попыток Зиновьева представить дело так, что для В. И. Ленина в октябре 1917 г. главным было завершение демократической революции²⁹². Рассматривая соотношение классовых сил в октябре 1917 г., автор по-ленински определял движущие силы революции, указывал на решающее значение для победы союза пролетариата с беднейшим крестьянством. Диалектический подход В. И. Ленина к анализу исторической ситуации периода подготовки и проведения социалистической революции, по словам Покровского, позволил вождю пролетарской революции предвидеть и учесть происходившие изменения в расстановке классовых сил в стране. Осуществляя руководство Октябрьской революцией, партия большевиков опиралась на широкие слои трудящихся масс города и деревни. Эта ленинская установка в корне противоречила утверждению Троцкого о якобы совершенном солдатами «государственном перевороте». Полное игнорирование крестьянства у Троцкого сочеталось, по мнению Покровского, с отрицанием у него ведущей роли пролетариата в Октябрьской социалистической революции. Покровский пришел к выводу об антимарксистской направленности взглядов Троцкого, их антиреволюционности, антиисторизме.

Работа Покровского не была лишена недостатков, наиболее существенный из которых — неполнота критического анализа и партийной оценки методологических корней антимарксистских теоретизирований Троцкого²⁹³.

---

²⁹¹ Там же, с. 33.

²⁹² Там же.

²⁹³ Подробнее см.: *Водолагин В. М.* Октябрьское вооруженное восстание в советской исторической литературе. М., 1967, с. 38. Отмечая недостатки, советские исследователи оценивают работу Покровского положительно.

Последовательное разоблачение антинаучной, антиреволюционной сущности буржуазной и мелкобуржуазной, троцкистской, историографии было особенно важно потому, что она затрудняла усвоение ленинской концепции исторического процесса, потому что отдельные положения буржуазных и ревизионистских теоретиков пропикали в советскую историческую науку. Особую опасность в этом отношении представляла троцкистская фальсификация своей внешней близостью к марксизму и мнимой «революционностью». Советские историки осознавали опасность такого влияния и решительно выступили на защиту ленинской концепции исторического процесса.

Резкой, но справедливой критике в журнале «Историк-марксист» была подвергнута работа А. Г. Шляпникова «Семнадцатый год»²⁹⁴. Появление четырехтомной истории революции 1917 г. в прошлом одного из участников ее, каковым являлся Шляпников, его подход к оценке ряда важнейших моментов революции вызвали полемику в советской историографии²⁹⁵.

Не рассматривая полемику в целом, остановимся лишь на позиции журнала по этому вопросу. Развернутый анализ концепционных установок Шляпникова на материале первых двух томов его работы с ленинских позиций был дан в статье Д. Я. Кина²⁹⁶. Отметив как методологический недостаток субъективизм Шляпникова в освещении революционных событий 1917 г., рецензент сосредоточил внимание на рассмотрении таких важных проблем, как движущие силы революции, ее характер, деятельность партии большевиков. По мнению Д. Кина, Шляпникову как исследователю был присущ недиалектический подход при анализе исторических событий, что и предопределило его неверные трактовки указанных проблем²⁹⁷. Решающее влияние на Шляпникова оказали троцкистские установки и прежде всего в крестьянском вопросе: полное игнорирование крестьянства, преувеличение роли армии в

---

²⁹⁴ Шляпников А. Г. Семнадцатый год. М.; Л., 1923—1928. Кн. 1—4.

²⁹⁵ Список рец. см.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Указ. сов. лит-ры. 1917—1964. М., 1967.

²⁹⁶ Кин Д. Семнадцатый год в изображении т. А. Шляпникова.— Историк-марксист, 1927, № 3.

²⁹⁷ Там же, с. 41.

революции²⁹⁸. Шляпников фактически отрицал социалистический характер Октябрьской революции, сводя, по словам Кина, ее характеристику к вопросу «об урезанных и неурезанных лозунгах буржуазной революции», и тем самым не понял суть революции 1917 г. и процесса перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую²⁹⁹.

Серьезные ошибки содержались в изображении деятельности партии большевиков весной 1917 г. По Шляпникову, партия стояла на грани «раскола» ввиду «разногласий» внутри нее и наличия якобы трех течений: левого, центристского, правого. Такую позицию автора Кин объяснял влиянием троцкистской концепции и появление рецензируемой книги одновременно с «Уроками Октября» Троцкого считал неслучайным³⁰⁰. Определяя в целом концепцию Шляпникова как пеленинскую, небольшевистскую, Кин писал: «Две книги Шляпникова как костыли для хромящей на обе ноги «концепции» Троцкого, получившей заслуженную оценку в партии»³⁰¹. Полемический тон статьи, резкость отдельных суждений не снизили ее научного и партийного звучания. Критические замечания Кина в целом совпадают с оценкой, данной работе Шляпникова в современной литературе³⁰².

Борьба с фальсификациями, искажениями, ошибочными суждениями являлась характерной чертой работ, посвященных различным аспектам истории Великой Октябрьской социалистической революции и опубликованных в журнале «Историк-марксист».

Задачи идеологической борьбы второй половины 20-х годов действительно требовали развертывания дальнейших исследований проблем истории Октября и прежде всего таких, как историческая закономерность победы социалистической революции в России, ее социально-экономические предпосылки, движущие силы на всех ее этапах, ленинское учение о перерастании буржуазно-демократи-

---

²⁹⁸ Там же, с. 44—46.

²⁹⁹ Там же, с. 49.

³⁰⁰ Там же, с. 53—54.

³⁰¹ Там же, с. 55.

³⁰² Голиков Г. Н. Великая Октябрьская социалистическая революция в советской исторической литературе.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV, гл. VI, § 1; Рубан Н. В. Октябрьская революция и крах меньшевизма, и др.

ческой революции в социалистическую, роль Коммунистической партии в подготовке и проведении революции, международное влияние и значение русской революции и др. В той или иной степени указанные проблемы получили свое освещение на страницах журнала. При этом главной своей задачей редколлегия ставила активное участие в процессе утверждения в советской историографии ленинской концепции Октября.

Успешное овладение ленинской концепцией Великой Октябрьской социалистической революции во многом зависело от правильного понимания историками одной из краеугольных проблем: закономерности социалистической революции в России. Решение ее прямо влияло на решение вопроса о характере революции, движущих силах, и это хорошо понимали советские историки. Связь и взаимозависимость указанных проблем хорошо прослеживал на примере «Семнадцатого года» Шляпникова Д. Киш. Говоря о непонимании Шляпниковым сути Октябрьской революции, он, опираясь на ленинские положения, делал вывод, что причина этого в непонимании автором основного содержания экономики России предвоенного периода и империалистического характера мировой войны 1914—1918 гг., явившихся кануном социалистической революции³⁰³.

Резко отрицательную оценку променьшевистской направленности книги М. Балабанова «Царская Россия XX в.» (М., 1927) дала Б. Б. Граве в опубликованном в журнале «Историк-марксист» отзыве. Она объясняла научную несостоятельность работы полным игнорированием ленинских положений по таким важным вопросам, как наличие предпосылок социалистической революции в России, признание в ней ведущей роли пролетариата³⁰⁴.

Проблема закономерности социалистической революции в России имела, и это осознавали историки-марксисты, не только научное, но и политически актуальное значение для решения вопроса о строительстве социализма в стране. Как показало содержание критических статей М. Покровского, С. Томсинского, Д. Киша и др., троцкистско-меньшевистские и эсеровские теоретики, отрицая социалистический характер Октябрьской революции, ее за-

---

³⁰³ Историк-марксист, 1927, № 3, с. 43.

³⁰⁴ Там же, № 5, с. 256.

кономерность, вслед за буржуазией твердили о социально-экономической «незрелости» и «отсталости» России, об «отсутствии» в ней предпосылок социалистической революции, о «неподготовленности» российского пролетариата к выполнению ее задач, о «самобытном» пути развития. При этом каждое из враждебных направлений имело свои особенности, на которые указывали перечисленные авторы ³⁰⁵.

Буржуазные идеологи открыто отрицали закономерность социалистической революции в России и проповедовали незыблемость буржуазного общества. С буржуазной концепцией смыкались мелкобуржуазные исторические установки меньшевиков и эсеров. Те и другие, по существу, отрицали закономерность Октябрьской революции и ее социалистический характер, но меньшевики тем, что абсолютизировали объективные и игнорировали субъективные предпосылки революции, эсеры тем, что абсолютизировали субъективные предпосылки пролетарской революции, но игнорировали экономическую готовность к ней. Меньшевистская и эсеровская фальсификации проблемы закономерности социалистической революции полностью соответствовали взглядам Каутского и отражали социал-реформистское извращение учения К. Маркса о пролетарской революции. Позиция Каутского в этом вопросе означала отречение от революции, отодвигание ее в далекое будущее, обрекала социалистическую революцию в России на полную зависимость от «развитого» Запада ³⁰⁶. В своей аргументации Каутский использовал

---

³⁰⁵ Современные советологи признают, что троцкистско-меньшевистский тезис об изначальной «отсталости» России и русского рабочего движения, о его «незрелости», «неспособности» к политической борьбе русских рабочих и др. включен как ведущий в современные буржуазные концепции трех русских революций. См. подробнее: *Салов В. И.* Историзм и современная буржуазная историография, и др.

³⁰⁶ Большое значение для понимания взглядов Каутского на Октябрьскую революцию имело предпринятое в журнале критическое освещение исторической концепции Каутского см.: *Сергеев Е.* Западная социология в период «высокого» и «организованного» капитализма.— *Историк-марксист*, 1929, № 12; *Месин Ф.* В плену биологизма.— Там же, 1928, № 9, 10. Работы Каутского в области методологии истории были расценены советскими историками как ревизия основ марксизма, как свидетельство банкротства Каутского, его полной капитуляции в вопросах теории перед реформизмом и буржуазной наукой.

положения эсеро-меньшевистских фальсификаций. С другой стороны, его концепция находила сторонников внутри большевистской партии, среди троцкистско-зиновьевских оппозиционеров, отрицавших возможность строительства социализма в России.

В той острой идеологической борьбе, которая развернулась во второй половине 20-х годов по кардинальным вопросам Октябрьской революции, главным оружием историков должна была стать ленинская критика методологических основ антимарксистских концепций и, в частности, ленинская критика по вопросам социально-экономической сути российской действительности, исторической роли пролетариата и др. Ключом к научному решению проблемы социально-экономических предпосылок социалистической революции в России на конкретно-историческом материале являлось ленинское учение об империализме как кануне социалистической революции. Процесс утверждения в советской историографии ленинской теории империализма был длительным и сложным и завершился в основных чертах в первой половине 30-х годов.

Освоение ленинского учения об империализме шло путем споров, дискуссий, которые длились на протяжении ряда лет. Невозможно проследить все этапы дискуссий³⁰⁷, постараемся выявить роль журнала «Историк-марксист», его участие в этих спорах. Вопрос об империализме, по образному выражению М. Н. Покровского, являлся «крыльцом, открывающим вход в дом», в историю Великой Октябрьской социалистической революции³⁰⁸. Редколлегия и авторы статей журнала «Историк-марксист» неоднократно подчеркивали, что изучение проблем империализма велось в неразрывной связи с теорией социалистической революции, под углом зрения социально-экономических предпосылок Октября. Советские историки стремились к усвоению ленинского понимания объективных условий социалистической революции и наряду с материальными предпосылками включали в понятие объективных условий

---

³⁰⁷ См.: *Тарновский К. И.* Советская историография российского империализма. М., 1964; *Бовыкин В. И.* Зарождение фипапсового капитала в России. М., 1967, и др.

³⁰⁸ Цит. по: *Сидоров А. Л.* Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967, с. 20.

соотношение и расстановку классовых сил, наличие рабочего класса, степень его сплоченности с союзниками, сочетание борьбы за социализм с борьбой за демократию и др.

Основной удар историки-марксисты направляли против троцкистско-меньшевистских измышлений истории революции, отрицания ее закономерности. Таким образом, перед советскими историками стояла задача в противовес троцкистско-меньшевистскому тезису о «незрелости» социально-экономической России проследить на историческом материале процесс вызревания и углубления конфликта производительных сил и производственных отношений как глубинной причины революции. Другими словами, обоснование закономерности Октябрьской социалистической революции, ее предпосылок зависело от исследования вопроса об уровне развития капитализма в стране в конце XIX — начале XX в. Главное внимание при этом советские историки сосредоточили на рассмотрении вопроса об образовании финансового капитала, возникновение которого, исходя из ленинского учения об империализме, явилось важной вехой в истории созревания материальных предпосылок социализма.

Успешная разработка столь сложной проблемы требовала широкой источниковой базы, а главное, прочных теоретических знаний, владения основами ленинской теории социалистической революции, однако в массе своей советские историки 20-х годов в своих исследованиях отталкивались от гильфердингской концепции финансового капитала, содержавшей ряд серьезных методологических пороков и отступлений от марксизма, в свое время выявленных В. И. Лениным³⁰⁹. Взятые у Гильфердинга определение финансового капитала как капитала, находящегося в распоряжении банков и применяемого промышленниками, а также неверная трактовка им вопроса о взаимоотношении банков и промышленности в процессе образования финансового капитала привели ряд историков, и прежде всего Н. Н. Вапага и С. Л. Ропина, к ошибочному пониманию существа и особенностей финансового капитала в России, к признанию ведущей, исключитель-

---

³⁰⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 90; т. 27, с. 309; т. 28, с. 308—309.

ной роли иностранного капитала в переходе российского капитализма в стадию империализма³¹⁰.

Концепция Ванага-Ропина, получившая название концепции «денационализации» российского капитализма и дополненная ошибочными выводами Крицмана об отсутствии собственно российского империализма, его «дочернем» характере, и столь же порочными выводами Гольмана о полуколониальном положении России в системе западноевропейских держав, представляла серьезную преграду на пути утверждения в советской историографии ленинского учения об империализме. Отсюда острота критики положений концепции «денационализации» российского капитализма со стороны советских историков, усиление ее по мере обострения идеологической борьбы во второй половине 20-х — начале 30-х годов.

В развернувшейся в советской исторической науке этого периода дискуссии о финансовом капитале в России, о путях формирования и его характере журнал «Историк-марксист» занял в общем правильную позицию. Наиболее четко она была изложена в опубликованной в нем рецензии П. О. Горина на первый том «Очерков по истории Октябрьской революции» (М., 1927). Рецензируемая часть двухтомного коллективного труда слушателей ИКП под редакцией М. Н. Покровского была целиком посвящена предпосылкам Октябрьской революции и включала статьи по экономике России, рабочему движению, истории партийных организаций в период первой мировой войны и в период, предшествующий войне³¹¹.

Оценив указанную работу в общем положительно, Горин указал как на методологический недостаток в освещении социально-экономических предпосылок Октябрьской революции на отсутствие статей по аграрному вопросу, крестьянскому движению, истории буржуазии, истории внешней политики и др.³¹².

---

³¹⁰ Ванаг Н. Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. Опыт историко-экономического исследования системы финансового капитала в России. М., 1925; Ропин С. Л. Иностраный капитал и русские банки: К вопросу о финансовом капитале в России. М., 1926.

³¹¹ Очерки по истории Октябрьской революции. М., 1927, т. I; Сидоров А. Влияние империалистической войны на экономику России; Сидоров К. Рабочее движение и империалистическая война; Баевский Д. Партия в годы империалистической войны.

³¹² Историк-марксист, 1928, № 8, с. 153.

Эти замечания рецензента свидетельствовали о правильности позиции редколлегии журнала (членом которой был Горин) в вопросе о закономерностях революции в России, о стремлении полнее рассмотреть ленинскую концепцию. Критика Горина была направлена в первую очередь против меньшевистских фальсификаций Рожкова, Финн-Енотаевского и других в вопросе о социально-экономических предпосылках Октябрьской революции. Под этим углом зрения он подошел к анализу статей «Очерков».

По мнению Горина, в работе содержались веские доказательства наличия в России материальных предпосылок социалистической революции, роста политической активности рабочего класса, усиления влияния большевиков. Важной представлялась позиция советских историков в вопросе о мировой войне 1914—1918 гг., ее империалистическом характере, значении ее. Авторы «Очерков» и рецензент с ленинских позиций отмечали влияние войны на ускорение темпов развития государственно-монополистического капитализма, на обострение социальных противоречий³¹³. Ценным в рецензируемой работе явилось заострение внимания на вопросе об отношении большевиков к войне. Д. Баевский показал огромную борьбу, которую вели большевики во главе с В. И. Лениным с русским и международным социал-шовинизмом.

Таким образом, советские историки с фактами в руках стремились опровергнуть измышления и клевету буржуазных идеологов, что война якобы явилась «причиной» революции в России³¹⁴.

Большое политическое значение в связи с идейной борьбой Горин придавал освещению в «Очерках» деятельности партии большевиков в период войны, борьбе, которую она вела с русским и международным оппортунизмом за гегемонию пролетариата в предстоящей революции.

Рецензент разделял вывод Баевского, что борьба партии большевиков с меньшевизмом и троцкизмом означала борьбу двух классовых точек зрения — пролетарской и буржуазно-либеральной — и была связана с вопросом о характере революции в России, ее движущих силах.

---

³¹³ Там же, с. 155—156.

³¹⁴ С подобными утверждениями выступают и современные буржуазные историки. Подробнее см.: *Якушевский И. Т.* Революция и современность.

С точки зрения процесса утверждения в советской историографии ленинской концепции империализма большой интерес представлял анализ П. О. Гориним статьи А. Л. Сидорова о влиянии империалистической войны на экономику России. Ценность работы Сидорова, по мнению рецензента, заключалась как раз в том, что она содержала данные, опровергавшие «меньшевистские легенды» об отсутствии закономерностей социалистической революции в России. Именно признание существования монополистического капитализма накануне войны (Сидоров придерживался ошибочной точки зрения на время создания монополистического капитализма, считая таковым предвоенный период) и революции явилось водоразделом между историками-марксистами и немарксистами. Это положение было подчеркнуто Гориним, как и то, что теория об отсутствии монополистического капитализма в России теряла своих сторонников; и спор среди советских историков сосредоточился вокруг вопроса о роли иностранного капитала в России. Таким образом, Горин положительно оценил и критическую направленность статьи Сидорова против схемы Ванага—Ронина—Крицмана, упрекая его, однако, в отсутствии решительных выводов «о господствующей роли русского капитала»³¹⁵.

Сам рецензент видел грубую ошибку Ванага — Ронина — Крицмана в противопоставлении русского и иностранного капитала и полном игнорировании конкуренции среди иностранного капитала. По мнению Горина, Россия накануне войны обладала высококонцентрированной промышленностью, вступала в фазу империализма (как видим, Горин тоже разделял ошибочную точку зрения на время перехода к империализму). Иностранные капиталы занимали весьма существенное, но не господствующее положение в экономике России. Русский империализм перед войной являлся самостоятельным.

В редколлегии журнала не было единого мнения по проблемам империализма в России. Такой авторитет для советских историков, как М. Н. Покровский, не воспринял еще в это время ленинской концепции империализма, и его критика меньшевистских установок велась с позиций, ничего общего не имевших с ленинской теорией социалистической революции. Во второй половине 20-х годов он

---

³¹⁵ Историк-марксист, 1928, № 8, с. 154.

стоял на точке зрения Н. Ванага и С. Ронина. И хотя деятельность журнала «Историк-марксист» была направлена на критику враждебных и ошибочных концепций империализма и утверждение в советской историографии ленинских взглядов, его позиция не была до конца последовательной. Эта непоследовательность нашла свое отражение в рецензии П. Горина. Выступив со справедливой критикой ошибочных положений Ванага—Ронина—Крицмана, он ни словом не обмолвился, что на этих позициях стоял Покровский, который в предисловии к указанным «Очеркам» подчеркнул свое несогласие с позицией А. Сидорова. Антименьшевистская направленность работ Покровского была очевидной, и на это указывал Горин, но не отметил, что критика Покровским ведется не с ленинских позиций, а с позиций теории «торгового капитализма». Это значительно снижало действенность его критики. Серьезным просчетом Горина явилось полное отсутствие критики в адрес троцкистов, хотя и «Очерки», и рецензия появились в разгар идейной борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией.

Непоследовательность журнала нашла свое отражение и в оценке монографии М. Гольмана «Русский империализм» (М., 1927). Автор целиком разделял концепцию Ванага — Ронина и прежде всего тезис об исключительной роли иностранного капитала в переходе российского капитализма в стадию империализма. Более того, как было отмечено выше, ему принадлежали выводы о «дочернем» происхождении русского империализма и полуколониальном положении России, что являлось подтверждением троцкистско-зиновьевской позиции о невозможности строительства социализма в стране. Редколлегия придавала большое значение рецензированию работы Гольмана и выбору рецензента. Об этом свидетельствовало содержание письма редколлегии к И. Ф. Гиндину от 22 сентября 1927 г.³¹⁶

Гиндин относился к той группе советских историков, которые в изучении проблем империализма стремились опереться на ленинскую концепцию социалистической революции, вести исследования на широкой источниковой основе.

---

³¹⁶ Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 62, л. 10.

Опубликованная в журнале критическая статья Гиндина³¹⁷ носила историографический характер, содержала анализ общего состояния изучения проблемы. Автор указывал на ряд сложностей, которые, по его мнению, стояли перед исследователями российского империализма и которые он видел в том, чтобы суметь показать русский финансовый капитал как объект и субъект истории одновременно, проследить характер деятельности в России финансового капитала каждой из всех главнейших европейских стран, показать взаимоотношения русского финансового капитала с каждым из них³¹⁸. Гиндин, опираясь на ленинские определения империализма, четко сформулировал позицию советских историков, направленную против каутскианского понимания империализма как только внешней политики финансового капитала. Также решительно отмежевался он от главного тезиса Гольмана о полной зависимости русского империализма от западного, о его «дочернем» происхождении. Однако рецензент явно недооценил антимарксистскую направленность работы Гольмана, не учел, что автор являлся по своим политическим взглядам активным троцкистом, и это, несомненно, отразилось на его научной позиции. Общий вывод Гиндина, что работа «неисторична» и «во многом компилятивна»³¹⁹, был явно недостаточным, не соответствовал накалу идейной борьбы, в которой журнал «Историк-марксист» принимал участие. В основном критика была направлена против концепции Ванага.

В еще более развернутом виде эта критика была представлена Гиндиным в его работе «Банки и промышленность России до 1917 г.» (М., 1927). Монография стала предметом рассмотрения на страницах журнала, получила в целом положительный отзыв в статье А. Л. Сидорова. Отмечая как достоинство работы Гиндина решение вопроса об удельном весе иностранного капитала в России, влиянии его на промышленность и банки, Сидоров с похвалой отозвался о попытках исследователя вскрыть оппортунистический характер гильфердинговской теории империализма. Гиндин и Сидоров считали основным не-

---

³¹⁷ Гиндин И. Новая книга об империализме в России.— Историк-марксист, 1927, № 5.

³¹⁸ Там же, с. 191.

³¹⁹ Там же, с. 192, 193.

достатком теории Гильфердинга то, что тот рассматривал империализм как политику финансового капитала и не считал империализм последней стадией капитализма³²⁰.

Отдавая должное критическому настрою работы Гиндина, ее направленности не только против социал-оппортунистической гильфердинговской теории, но и против меньшевистских установок Финн-Енотаевского, рецензент отмечал слабость теоретической мотивировки этой критики, недостаточное усвоение ленинской теории империализма³²¹.

Таким образом, стремление как можно полнее овладеть ленинским учением об империализме явилось характерной чертой советской историографии второй половины 20-х годов. Этот процесс проходил в идейных сражениях с антиленинскими концепциями, попытками их влияния на советскую историческую науку.

Важным этапом в утверждении в советской историографии ленинской концепции российского империализма явились дискуссии конца 20-х — начала 30-х годов по вопросу о происхождении и характере российского финансового капитала. Они проходили в обстановке решительной борьбы Коммунистической партии с троцкизмом и правым уклоном, что и определило их острый политический характер.

Согласно существующей в современной литературе периодизации новый этап обсуждения проблем российского империализма начался на Всесоюзной конференции историков-марксистов и завершился в конце 1929 г. серией дискуссионных статей в журнале «Историк-марксист». Характерной чертой дискуссии явился методологический подход к обсуждаемым проблемам, тщательное изучение не только статистико-экономических материалов, но и всей совокупности экономических и социальных условий, в которых складывался российский империализм.

Углубленное изучение ленинского учения об империализме способствовало установлению неразрывной связи исследуемых проблем с теорией социалистической революции, что в условиях начавшегося развернутого наступ-

---

³²⁰ Историк-марксист, 1927, № 6, с. 283. Положительная оценка работы Гиндина, данная Сидоровым, совпадает с мнением современных исследователей.

³²¹ Там же, с. 284.

ления социализма по всему фронту было актуальным, носило практический характер. Эти особенности нового этапа дискуссии были отмечены журналом «Историк-марксист» в отчете об обсуждении проблем российского империализма на конференции советских историков³²². Что весьма ценно, опубликованный в журнале отчет о заседаниях конференции сопровождался кратким комментарием редколлегии. Основной смысл дискуссии редколлегия видела в преодолении антиленинских концепций империализма и решении вопросов о путях формирования, характере финансового капитала в России, времени его возникновения. В центре критики находилась троцкистско-меньшевистская установка о «незрелости» российского империализма и колониальной зависимости России от ведущих стран Западной Европы³²³. Под углом зрения борьбы с этой порочной установкой шла критика концепции Ванана—Ронина—Крицмана.

Подавляющее большинство участников обсуждения на Всесоюзной конференции выступило против этой концепции. Покровский пытался взять взгляды Ванана под защиту, пытаясь доказать, что они не противоречат ленинской концепции³²⁴. Но именно сопоставляя взгляды Ванана с ленинским пониманием исторического развития России периода империализма, большинство историков пришло к выводу о научной несостоятельности их.

Редколлегия журнала «Историк-марксист» явилась инициатором перенесения дискуссии на его страницы³²⁵, сопроводив публикацию дискуссионных статей сообщением

---

³²² Всесоюзная конференция историков-марксистов.— Историк-марксист, 1929, № 11, с. 233—235.

³²³ Отрицая всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции и ее закономерность, советологи по-прежнему опираются на троцкистский тезис о «неразвитости» России и о полуколониальной зависимости от иностранного капитала. Подробнее см.: *Петров А. П.* Критика фальсификации аграрно-крестьянского вопроса в трех русских революциях. М., 1977.

³²⁴ Там же, с. 234.

³²⁵ *Ванан Н.* К методологии изучения финансового капитала в России; *Гиндин И.* Спорные вопросы истории финансового капитала в России; *Грановский Е.* Спорные вопросы проблемы финансового капитала в России.— Историк-марксист, 1929, № 12. Эти же вопросы частично затрагивались в статье Е. Грановского «Когда русский капитализм вступил в фазу монополистического развития» (там же, 1927, № 4).

«От редакции». Указав на актуальность и злободневность изучения проблемы финансового капитала в России, редколлегия подчеркнула, что исходным моментом, методологической основой исследования должно быть ленинское учение об империализме, его положение о конкретно-историческом пути развития империализма в России³²⁶. Сами участники дискуссии связывали рассмотрение проблем русского империализма с ленинской концепцией социалистической революции³²⁷.

В центре внимания дискуссии были вопросы методологии изучения проблемы иностранных капиталов. Статья Ванага была еще одной попыткой обоснования своей концепции, при этом наиболее подробно он останавливался на вопросах о хронологических рамках господства финансового капитала в России, его «национальном» или «ненациональном» характере³²⁸. Убедительная критика ошибочных положений Ванага и его последователей содержалась в статьях Гиндина и Грановского. При этом Гиндин решительно высказался против упрощенческого понимания соотношения русских и иностранных элементов в системе финансового капитала в России, ибо это и привело в конечном счете Ванага, по мнению Гиндина, «к теоретически неверной схеме», заставило его «укладывать фактическую историю российского империализма в прокрустово ложе»³²⁹.

Грановский обратился к выяснению методологического и методического подхода Ванага к исследованию проблемы и доказал отсутствие в работах Ванага «аналитического рассмотрения характера связей между системой финансового капитала в России и другими империалистическими системами»³³⁰. Антиисторическая, по выражению Грановского, схема Ванага привела его к ошибочному пониманию проблемы взаимоотношения российского империализма с самодержавием³³¹. Стремясь выявить корни ошибочных положений Ванага, оба оппонента обратились к критике буржуазных и мелкобуржуазных, троцкистско-меньшевистских трактовок проблемы. Они отмечали не-

---

³²⁶ От редакции.— Там же, с. 3.

³²⁷ Там же, с. 110.

³²⁸ Там же, с. 5.

³²⁹ Там же, с. 47, 58.

³³⁰ Там же, с. 94.

³³¹ Там же, с. 107, 110—112.

понимание природы финансово-капиталистических отношений буржуазными исследователями³³², опровергали троцкистский тезис об экономической и политической «зависимости» России от западноевропейских государств³³³ и меньшевистскую точку зрения «полного перерождения» социальной природы самодержавия и «отсутствия» противоречий между экономическим господством русской буржуазии и ее фактическим бесправием в политической жизни страны³³⁴.

Обсуждение проблем российского империализма на Всесоюзной конференции и на страницах журнала «Историк-марксист» явилось кульминационным моментом дискуссий, которые велись на страницах периодических изданий и монографических работ в течение 20-х годов. Оно показало возросший теоретический уровень исследований советских историков, успешное преодоление враждебных концепций на базе прочного усвоения ленинского учения об империализме. В то же время дискуссия показала, что недialeктический подход к ленинской концепции, использование отдельных положений без учета конкретно-исторической обстановки приводили к ошибочным выводам, препятствовали дальнейшей творческой разработке проблем отечественной истории³³⁵. Своего рода итогом многолетних обсуждений явилось письмо Н. Н. Ванага в редакцию журнала «Историк-марксист» весной 1932 г., в котором он признал ошибочность своей концепции финансового капитализма в России и делал вывод, что объективно его ошибки приводили к «протаскиванию» троцкистских идей о колониальной зависимости, а следовательно, об отсутствии условий для победы социалистической революции в России³³⁶.

Оценивая вклад журнала в разработку проблемы закономерности социалистической революции в России, необходимо сказать, что преимущественное внимание ред-

³³² Там же, с. 56.

³³³ Там же, с. 80—81.

³³⁴ Там же, с. 112—113.

³³⁵ Эти методологические недостатки Н. Ванага как исследователя привели его к серьезным ошибкам при попытке обосновать свою концепцию о характере российского империализма, исходя из положения о двух путях развития капитализма в России.— См. стенограмму заседаний секции истории империализма ОИМ от 10 и 18 февраля и 2 марта 1931 г. (Историк-марксист, 1931, № 22).

³³⁶ Историк-марксист, 1932, № 4—5, с. 355—359.

коллегия уделила вопросу о материальных предпосылках социалистической революции. При этом общий подход к проблеме социально-экономических предпосылок был правильным.

Публикации журнала носили главным образом историографический характер, к оценке текущей литературы авторы стремились подойти с ленинских позиций, выступали с критикой враждебных концепций. Действенность критики, однако, снижалась тем, что многие коренные положения ленинской теории социалистической революции трактовались советскими историками упрощенно.

Не сразу советские исследователи пришли к пониманию ленинского положения о решении социалистической революцией в России буржуазно-демократических задач как побочных, выполняемых «походя», «мимоходом». Это привело к проникновению в советскую историографию Октября антимарксистской «теории двух революций». Наиболее полное отражение теория «двуликого Януса» получила в работе С. А. Пионтковского «Октябрьская революция в России: ее предпосылки и ход» (1923)³³⁷. Эту точку зрения разделял Л. Н. Крицман³³⁸.

Редколлегия журнала решительно выступила против мнения о соединении в Октябрьской революции двух революций: социалистической и буржуазно-демократической революции крестьянства, опубликовав статью В. Рахметова с критикой теории «двух революций». Основным недостатком сторонников этой теории автор считал непонимание взаимоотношения демократического и социалистического этапов революции, отрыв крестьянского движения от пролетарского, отрицание социалистического характера революции в деревне³³⁹. Подобные ошибки, несомненно, были вызваны влиянием троцкистского отрицания революционной роли крестьянства. Сказалось недостаточное усвоение советскими историками 20-х годов ленинского учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, партийных докумен-

---

³³⁷ Подробнее см.: *Городецкий Е. Н.* К характеристике историографии Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1934). — История СССР, 1960, № 6, и др.

³³⁸ Подробнее см.: *Очерки истории исторической науки в СССР*, т. IV, гл. VI, § 3 (авторы — И. Б. Берхип, В. С. Лельчук).

³³⁹ *Рахметов В.* Об одном неудачном учебнике по истории России. — Историк-марксист, 1928, № 7.

тов, некритическое отношение к источникам, исходившим из враждебного лагеря ³⁴⁰.

Проблема перерастания, по мнению историков 20-х годов, была «гвоздем» изучения революции в России, ибо сама Великая Октябрьская социалистическая революция явилась практическим осуществлением перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, конкретным воплощением в жизнь ленинского учения. Оно давало возможность советским историкам с марксистских позиций разоблачать буржуазные фальсификации Октября, противопоставить троцкистской теории «перманентной революции» подлинно научную. Изучение проблемы перерастания шло в советской историографии как в плане теоретическом, так и путем обогащения конкретно-историческим материалом. В журнале «Историк-марксист» преобладал второй аспект, что не исключало участия журнала в дискуссиях по теоретическим вопросам. Характерной чертой материалов по указанной проблеме была критика антимарксистских установок.

Задача усвоения советскими историками ленинского учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую потребовала от редколлегии журнала большей целенаправленности в определении круга освещаемых вопросов. Постигая основные положения ленинского учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, советские историки обратились к аграрной истории Октября. При этом, формируя тематику, редколлегия журнала стремилась прежде всего к освещению таких важных вопросов, как движущие силы социалистической революции, гегемония пролетариата в революции, союз рабочего класса и крестьянства, стратегические лозунги партии большевиков, борьба партии за создание политической армии, этапы социалистической революции в деревне и др.

Разработка узловых проблем аграрной истории Октября имела громадное не только научное, но и практическое значение, особенно в связи с необходимостью решительной борьбы с капитулянтскими настроениями троцкистско-зиновьевского блока и правыми, а также с коренной перестройкой деревни ³⁴¹. Обобщение опыта решения аг-

³⁴⁰ Очерки по историографии советского общества. М., 1965.

³⁴¹ Подробнее см.: Ваганов Ф. М. Правый уклон в ВКП(б) и его разгром. 1928—1930 гг. М., 1977.

рарного вопроса в социалистической революции имело большое международное значение.

В журнале был опубликован ряд статей с разоблачением антинародной политики мелкобуржуазных партий, их соглашательства в период революции. В обширном, хорошо фундированном исследовании А. В. Шестакова прослеживалась история Всероссийского крестьянского союза, его создание, программа, деятельность в революции 1905—1907 гг., политическая эволюция в период революционных событий 1917 г.³⁴² Обращение к прошлому Крестьянского союза было вызвано рядом обстоятельств, среди которых решающее значение имели попытки зарубежных проэсеровских политических деятелей восстановить союз и использовать его в борьбе с Советской властью, рассчитывая при этом привлечь кулацкие слои крестьянства внутри страны, сделать его «знаменем» «будущей социалистической революции»³⁴³. В связи с этим активизировалась литературная деятельность бывшего председателя Крестьянского союза Мазуренко, который в статьях и публичных выступлениях на заседании Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в апреле 1927 г. пытался дать тенденциозную оценку деятельности союза. А. Шестаков подчеркивал, что особенно искажалась деятельность союза и его руководства в период Октябрьской революции.

Опираясь на ленинскую характеристику Всероссийского крестьянского союза как «зародыша» «особой крестьянской партии»³⁴⁴, Шестаков решительно отверг попытки Мазуренко доказать, что союз был не политической партией, а «профессионально-политической беспартийной организацией», тем самым историк-марксист продолжил ленинскую критику эсеровской проповеди «бес-

---

³⁴² Шестаков А. Всероссийский крестьянский союз. Исторический очерк.— Историк-марксист, 1927, № 5. Современные исследователи оценивают работу положительно; см.: *Кирюхина Е. И.* Всероссийский крестьянский союз в 1905 г.— Исторические записки. Т. 50; *Колесниченко Д. А.* Трудовая группа в период первой русской революции в освещении советской историографии.— История и историки. Историогр. ежегодник. 1971. М., 1973; *Осипова Т. В.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974.

³⁴³ Историк-марксист, 1927, № 5, с. 120.

³⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 46, т. 21, с. 251, 271, 272.

партийности» крестьянского движения³⁴⁵. Исследование Шестакова показало, что история союза — пример использования эсерами в политических целях крестьянского движения, подчинения его контрреволюционным целям либеральной буржуазии. Анализируя обширный фактический материал, историк пришел к выводу о соглашательской политике проэсеровского руководства Союза в 1917 г., его безоговорочной поддержке Временного правительства, враждебности к Советам крестьянских депутатов и социалистической революции в России. В своей деятельности Крестьянский союз опирался, по выражению Шестакова, на «собственнические круги деревни», т. е. кулачество³⁴⁶. Исследователь справедливо указывал, что фальсификация истории союза шла в русле эсеровской фальсификации о якобы «враждебном» отношении Советской власти к крестьянству (имелась в виду кулацкая верхушка), необходимости «защиты» от нее, о «бесполезности» для крестьянства Октябрьской революции³⁴⁷.

Шестаков упрекал Мазуренко в отсутствии исторического подхода к тактике большевиков по отношению к Крестьянскому союзу. Если в революции 1905—1907 гг. перед партией большевиков стояла задача создания единого фронта пролетариата со всем крестьянством, сплочения всех революционных сил в единый революционный лагерь, то на этапе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в 1917 г. большевики шли, опираясь на союз пролетариата с беднейшим крестьянством³⁴⁸. Правильно отметив, что прекращение деятельности союза в Октябрьские дни было вызвано «отходом массы крестьян» от него, Шестаков не связал этот факт, однако, с той огромной агитационной и пропагандистской работой, которую вела партия большевиков по разоблачению антикрестьянской политики мелкобуржуазных партий.

В целом исследование Шестакова было направлено против эсеровской трактовки Октябрьской революции, которая включала отрицание закономерности и социалистического характера Октября, подмену диктатуры проле-

---

³⁴⁵ Историк-марксист, 1927, № 5, с. 99, 122.

³⁴⁶ Там же, с. 100.

³⁴⁷ Там же, с. 122—123.

³⁴⁸ Там же, с. 95.

тариата «партийной диктатурой большевиков» (якобы уничтожившей «демократию» и «свободу» и установившей режим «террора» и «насилия»), непонимание сущности союза рабочего класса и крестьянства.

Более обстоятельное изучение тактики партии большевиков по отношению к мелкобуржуазным партиям в революции отразилось в статье А. Шестакова «Блок с левыми эсерами» (1927, № 6). Автор подошел к истории блока под углом зрения вопроса о союзниках пролетариата в социалистической революции.

Статья эта неоднократно анализировалась в советской историографии³⁴⁹. Однако хотелось бы отметить отдельные моменты. Шестаков пытался установить некоторые закономерности в изучении вопроса о союзниках пролетариата, приходил к выводу, что правильное решение вопроса стало возможным благодаря ленинскому учению о союзе рабочего класса и крестьянства³⁵⁰. Статья содержала сравнительно полную историю блока большевиков с левыми эсерами. Оценивая левых эсеров как демократическое течение партии социалистов-революционеров, автор обращал внимание на признание ими Советской власти, социалистического характера Октябрьской революции и др., что делало возможным этот союз³⁵¹. Он видел значение блока в возможности пролетариата организационно связаться с крестьянством, при этом несколько преувеличивал влияние на крестьянство левых эсеров³⁵².

Исследователь приходил к выводу, что по мере углубления социалистической революции изменялась социальная база левых эсеров, и они эволюционировали в кулац-

---

³⁴⁹ Гусев К. В., Ерицын Х. А. От соглашения к контрреволюции. М., 1968; Соболева П. И. Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М., 1968; Голуб П. А. О блоке большевиков с левыми эсерами в период подготовки и победы Октября.— Вопросы истории КПСС, 1972, № 9, и др.

³⁵⁰ Подробнее см.: Ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством. М., 1969.

³⁵¹ Историк-марксист, 1927, № 6, с. 21, 27, 46.

³⁵² Подробнее см.: Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. М., 1963; *Он же*. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; Кучма В. В. В. И. Ленин о теоретических основах соглашения большевиков с левыми эсерами.— В кн.: Бессмертны ленинские идеи. Волгоград, 1970; Спирип Л. М. О ленинском подходе к компромиссам в политике.— Вопросы истории КПСС, 1974, № 11, п др.

кую партию. Такое сползание, по мнению Шестакова, было обусловлено общими теоретическими установками эсеров, их соглашательством и непоследовательностью³⁵³. К своей оценке характера блока большевиков с левыми эсерами автор подходил, несомненно, исходя из последующих событий: процесса 1922 г. над правыми эсерами, борьбы Коммунистической партии с мелкобуржуазной идеологией. Положительным результатом блока Шестаков считал слияние Советов крестьянских депутатов с Советами рабочих и солдатских депутатов, изоляцию правых эсеров, но при этом подчеркивал временный характер соглашения с левыми эсерами, до завершения буржуазно-демократической революции³⁵⁴. Сказалось непонимание в полной мере ленинского принципа сотрудничества с другими партиями, принижение значения блока в деле сплочения и привлечения «колеблющихся и неустойчивых попутчиков» (В. И. Ленин).

Завершая анализ статьи, нельзя не отметить данную Шестаковым, хотя и беглую, оценку соглашательской политики Троцкого, Каменева и Зиновьева в период революции 1917 г. Приведенные автором факты свидетельствовали против Троцкого и его попыток изобразить себя «вождем» Октябрьской революции.

Обращение журнала к освещению истории политических союзов, в частности к раскрытию сущности тактики «левого блока» в революции, имело большое научное и политическое значение для опровержения обвинений большевиков со стороны буржуазных фальсификаторов в «узурпаторских действиях», в сектантстве³⁵⁵.

Последовательное разоблачение на страницах журнала контрреволюционной сущности мелкобуржуазной идеологии и политических платформ шло по узловым вопросам аграрной истории. Важнейшим моментом, определявшим подход большевиков к мелкобуржуазным партиям, была аграрная программа³⁵⁶. Советские историки 20-х годов

³⁵³ Историк-марксист, 1927, № 6, с. 22.

³⁵⁴ Там же, с. 28.

³⁵⁵ Подобные утверждения по-прежнему содержатся в современной буржуазной советологии. Подробнее см.: *Игрицкий Ю. И.* Мифы буржуазной историографии и реальность истории: Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции.

³⁵⁶ Подробнее см.: *Гинев В. Н.* Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977, и др.

обратились к изучению ленинских работ в этой области. Это позволило Е. А. Мороховцу создать обстоятельную работу с разбором аграрной программы большевиков и программ мелкобуржуазных партий. Выход работы был отмечен рецензией А. Шестакова, в которой подчеркивалась важность и своевременность исследования, давалась в целом положительная оценка³⁵⁷. Большим достоинством работы Мороховца рецензент считал то, что автор связывал анализ аграрных программ с теоретическими установками и политической платформой той или иной партии. Особенно удачным Шестаков находил раздел, посвященный эсеровской аграрной политике, на материале которого делал вывод, что тактика правого крыла эсеров благодаря смычке с контрреволюционной буржуазией «уничтожила» их программу. Более глубоко, по его мнению, однако, должны были быть вскрыты действия левых эсеров, их попытки примирить созданные правыми противоречия между тактикой и программой³⁵⁸.

Рецензия интересна тем, что в ней наряду с анализом содержания монографии Мороховца был поставлен ряд методологических вопросов изучения Октября, его аграрной истории. В центре внимания советских историков Октябрьской революции (и это хорошо показано в рецензии) две кардинальные проблемы: социально-экономические предпосылки социалистической революции в России и перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую³⁵⁹. Решение первой проблемы было связано с усвоением ленинского учения об империализме. Необходимо было в большем объеме заняться изучением развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве, крестьянским движением в России накануне и в период мировой войны, наряду с объективными предпосылками обратить внимание на изучение субъективных предпосылок социалистической революции. (Последнее заме-

---

³⁵⁷ Шестаков А. Рец. на кн.: Е. А. Мороховец. Аграрные программы российских политических партий в 1917 г.— Историк-марксист, 1929, № 12. Положительная оценка Шестакова совпадает с оценкой современных исследователей. См.: Осипова Т. В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.

³⁵⁸ Историк-марксист, 1929, № 12, с. 293.

³⁵⁹ Там же.

чание целиком относилось и к журналу, в котором эти вопросы получили недостаточное освещение).

Многоплановый характер был присущ и второй методологической проблеме. Ленинская теория перерастания должна была быть, по убеждению Шестакова, основополагающей, в частности при исследовании аграрной программы партий.

Рассматривая вопрос о движущих силах Октябрьской революции и правильно указывая, что «ближайшим союзником пролетариата была беднота», автор и рецензент ставили чрезвычайно важный вопрос о позиции середняка, его колебаниях, о борьбе, которую вела партия за влияние на крестьянские массы. В этой борьбе буржуазные и мелкобуржуазные партии прибегали к различным методам воздействия на крестьян: запугиванию, обману, фальсификации. В пропагандистских целях широко использовали аграрные программы. Шестаков специально останавливался на фактах внесения в аграрную программу кадетов пунктов эсеровской программы.

Принципиально важным был вопрос о характере крестьянского движения 1917 г. Проблема социальной направленности крестьянского движения 1917 г., борьба за землю, формы этой борьбы, районы распространения и другие ставились в журнале неоднократно. С удовлетворением было встречено издание Центрархивом документальных источников по крестьянскому движению. В рецензии Шестакова отмечалось, что опубликованные сводки Главного управления по делам милиции Временного правительства являются единственными сводными материалами для исследователей по крестьянскому движению 1917 г. и дают возможность изучить общий характер движения, интенсивность по отдельным районам, основные формы и направления движения, политический сдвиг после июля 1917 г.³⁶⁰ Наибольшие возражения вызвали отдельные положения вводной статьи Я. А. Яковлева. Шестаков упрекал исследователя в недифференцированном подходе к крестьянскому движению, преувеличении доверия крестьян к Временному правительству в первые месяцы после Февральской революции, в недооценке проблемы соот-

---

³⁶⁰ Шестаков А. Рец. на кн.: Крестьянское движение в 1917 г.— Историк-марксист, 1927, № 5.

пошения двух социальных войн в деревне, слабом показе агитационной деятельности партии большевиков среди крестьянства.

Позиция журнала по ряду принципиальных вопросов аграрной истории Октября обозначилась также в связи с обсуждением в советской историографии двухтомника «Аграрная революция» (М., 1928). Опубликованная в «Историке-марксисте» рецензия О. Лидака дает представление, над какими проблемами работали советские историки-аграрники и как они решались.

Анализируя статью об аграрном движении в 1917 г., автором которой был Я. А. Яковлев³⁶¹, рецензент присоединился к высказанным ранее (и отмеченным выше) замечаниям А. Шестакова. Лидак по существу упрекал Яковлева в преувеличении стихийности крестьянского движения перед Октябрем, в неверной трактовке вопроса о соотношении стихийности и сознательности в ходе аграрной революции³⁶². Рецензент сопоставлял статью Яковлева со статьей И. Верминичева о крестьянском движении между Февралем и Октябрем, которая содержала ценные данные для характеристики форм борьбы крестьянства, социальной направленности, периодизации движения, его географии, а главное — вывод о выходе крестьянского движения за рамки буржуазно-демократической революции и необходимости союза крестьянства с пролетариатом для успешного завершения аграрных преобразований³⁶³.

Указывая на правильность постановки Верминичевым вопроса о борьбе за дальнейшее развитие социалистической революции в деревне перед Октябрем, рецензент, однако, вслед за автором ошибочно характеризовал взаимодействие двух потоков в социалистической революции как

---

³⁶¹ Статья Я. Яковлева «Крестьянская война в 1917 г.» с большими редакционными поправками повторяла его предисловие к сборнику «Крестьянское движение в 1917 г.» (М., 1928).

³⁶² Лидак О. Рец. на кн.: Аграрная революция. Т. II. — Историк-марксист, 1928, № 7, с. 300. Современные исследователи оценивают работу Яковлева положительно, отмечая при этом те же недостатки, что Шестаков и Лидак. См.: Осипова Т. В. Классовая борьба в деревне...; Сиволопова Г. Ф. Исследования Я. А. Яковлева по истории Октябрьской революции. — История и историки: Историограф. ежегодник. 1974, М., 1976, и др.

³⁶³ Историк-марксист, 1928, № 7, с. 300—301.

«совпадение во времени»³⁶⁴, что приводило к невольному разобщению этих потоков³⁶⁵.

При всех своих недостатках рецензия Лидака давала представление о комплексе вопросов, над которыми работали специалисты по аграрной истории. Автор правильно подметил усиление внимания советских историков к таким важным темам, как влияние рабочего класса и партии большевиков на развитие революционной борьбы крестьянства, на процесс его революционизирования³⁶⁶. Достоинством статьи Шестакова о крестьянских организациях, по мнению Лидака, явилась содержащаяся в ней критика антиреволюционной, антикрестьянской политики правых эсеров, их попыток использования в своих интересах крестьянских организаций: Советов, земельных и продовольственных комитетов, союзов и др. Много содержалось интересного материала в статье об организации сельскохозяйственных рабочих. При этом, как заметил Лидак, исследователь пришел к выводу, что Советы батрацких депутатов были еще незначительны. Естественно, отдельные работы не могли восполнить пробел, существовавший в 20-е годы в изучении столь важной проблемы, как история создания и деятельности Советов батрацких депутатов в период Октября³⁶⁷.

Опубликованные в журнале материалы по аграрной истории Октября: статьи и рецензии, затрагивали большое количество вопросов, в том числе о характере крестьянского движения, его периодизации, о крестьянских организациях, земельной политике Временного правительства, деятельности партии большевиков среди крестьянства, об антинародной политике мелкобуржуазных партий³⁶⁸. По-

---

³⁶⁴ Там же, с. 301.

³⁶⁵ Рецензии Лидака были присущи и другие недостатки: он не отметил, в частности, отсутствие в статье Верминичева постановки вопроса о союзе рабочего класса и беднейшего крестьянства в социалистической революции.

³⁶⁶ Историк-марксист, 1928, № 7, с. 300.

³⁶⁷ Подробнее см.: Шумилов М. Н. Октябрьская социалистическая революция и исторические судьбы батрачества. М., 1967.

³⁶⁸ В большинстве статьи и рецензии содержали критику буржуазных идеологов, которые абсолютизировали стихийность крестьянских выступлений в России, подчеркивали отсутствие классового сознания в крестьянском движении, замалчивали его массовый характер, отрицали возможность возникновения союза рабочих и крестьян в революции, фальсифицировали взаимоотношения партии большевиков и крестьянства, роль партии в Великой Октябрь-

становка и решение их определялись задачами обобщения исторического опыта борьбы Коммунистической партии за крестьянские массы в 1917 г. Однако в подходе к раскрытию столь важной темы в журнале обнаружилось пробелы, недочеты.

Последовательно разоблачая контрреволюционную политику партии эсеров в период подготовки и проведения Октябрьской революции, редколлегия мало внимания обращала на разоблачение меньшевистских фальсификаций по вопросу о политике партии большевиков в крестьянском вопросе, тем самым не учитывала в должной мере ту опасность, которую представляли их писания, прикрытые революционной фразеологией. Меньшевистские измышления по конкретным вопросам политики большевиков по отношению к крестьянству брались на вооружение международными оппортунистами типа Каутского и Вандервельде, о которых в свое время В. И. Ленин писал: «...на словах революционеры и марксисты, на деле — ренегаты, направляющие все усилия на то, чтобы *отговориться* от революции»³⁶⁹.

К числу проблем, намеченных в журнале, но недостаточно раскрытых, относилась методологически важная проблема двух социальных войн в деревне, их соотношения, постепенного преобладания второй. Историки при анализе конкретного материала нечетко ставили вопрос об их соотношении, делали вывод, что первая социальная война на пути к Октябрю прошла два периода: мирный и немирный, и др.³⁷⁰ Слабо освещалась в журнале деятельность Советов батрацких депутатов дооктябрьского периода, борьба с кулачеством под руководством партии большевиков, революционизирующее влияние на крестьянские массы солдат и др. В значительной мере это было обусловлено общим состоянием исторической науки второй половины 20-х годов.

ской социалистической революции. Подобные взгляды на аграрную историю Октября характерны для современных советологов. Подробнее см.: *Петров А. П.* Критика фальсификации аграрно-крестьянского вопроса в трех русских революциях.

³⁶⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 332—333.

³⁷⁰ Подробнее см.: *Кравчук А.* Массовое крестьянское движение в России накануне Октября (март — октябрь 1917 г.): По материалам великорусских губерний Европейской России. М., 1971.

Воссоздать картину борьбы Коммунистической партии за крестьянские массы в 1917 г., понять политическую линию борьбы за союз рабочего класса и беднейшего крестьянства можно было, лишь усвоив ленинскую теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Длительный и сложный путь усвоения советскими историками ленинской теории перерастания завершился в конце 20-х — начале 30-х годов дискуссиями, которые прошли по страницам журналов «Большевик», «Пролетарская революция», «Историк-марксист», на специальных заседаниях в Институте В. И. Ленина, получили отражение в ряде монографий и др.³⁷¹ Не ставя перед собой задачи анализа всех материалов дискуссии³⁷², остановимся на докладе К. А. Попова «Об исторических условиях перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую», прочитанном на секции истории ВКП(б) I Всесоюзной конференции историков-марксистов. Изложение доклада и прений с небольшим редакционным комментарием было опубликовано в журнале³⁷³.

Участники дискуссии единодушно отмечали чрезвычайно актуальный, практический характер вопроса о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую в связи с подъемом мощного революционного и национально-освободительного движения на Востоке. Рассмотрение проблемы перерастания велось с позиций ленинской теории социалистической революции.

Доклад К. А. Попова включал комплекс вопросов: о содержании понятия «перерастание», о социально-экономических предпосылках перерастания (внешнего и внутреннего порядка), об особенностях буржуазно-демократической революции, перерастающей в социалистическую, и буржуазно-демократической революции обычного типа, о степени возможности перерастания и темпе, о различных вариантах перерастания и др.

---

³⁷¹ Материалы дискуссий см.: «Большевик», 1928, № 23—24; 1929, № 1; «Пролетарская революция», 1928, № 5, 1929, № 2—3, 5, 10; *Майорский Н. и Эльвов Н.* Ленинизм и оценка характера Октябрьской революции. М., 1928; *Попов К. А.* Проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. М., 1930, и др.

³⁷² Подробнее см.: *Партия и Великий Октябрь: Историко-гр. очерк.*

³⁷³ *Историк-марксист*, 1929, № 12.

Значительные дополнения были внесены выступившими в прениях Н. Майорским, И. Минцем, В. Юдовским, Г. Бешкиным, В. Дитякиным, М. Рубачем и др. Они коснулись вопросов о стратегических лозунгах партии по крестьянскому вопросу, о нейтрализации среднего крестьянства, о расстановке классовых сил в период перерастания, об абсолютной и относительной гарантиях революции от контрреволюции и др.³⁷⁴ Они отметили стремление Попова обосновать роль крестьянства в буржуазно-демократической революции как союзника пролетариата, опираясь при этом на ленинские положения об особенностях буржуазно-демократической революции в России, ее крестьянском характере, руководящей роли пролетариата и его партии по отношению к крестьянству. В то же время резкие возражения вызвало мнение докладчика о наличии у В. И. Ленина двух различных постановок вопроса о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую в 1905 г. и в 1917 г. Указывалось на недостаточное внимание Попова к освещению внутренних, экономических предпосылок социалистической революции и др.³⁷⁵ Перечисленные вопросы были центральными в дискуссии. Выступления участников конференции были направлены против антимарксистских измышлений троцкистско-зиновьевских оппозиционеров и международных оппортунистов.

Опираясь на программу Коминтерна в вопросе о типах пролетарской революции, путях к пролетарской диктатуре в отдельных странах, советские историки критиковали троцкистский тезис о социально-экономической «незрелости» России, ее полуколониальном положении, направляли острые критики против троцкистской теории «перманентной революции» с ее неверием в победу социалистической революции в России, полной зависимостью ее от социалистической революции на Западе³⁷⁶. Резкий отпор получило зиновьевское противопоставление буржуазно-де-

---

³⁷⁴ Там же, с. 303, 305, 306.

³⁷⁵ Там же, с. 305—307.

³⁷⁶ Широко используя троцкистскую «теорию перманентной революции», современные советологи пытаются отождествить ее с ленинской теорией революции, с ленинским учением о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и тем самым подменить ленинизм троцкизмом. Подробнее см.: *Якушевский И. Т. Революция и современность.*

мократической революции социалистической. Советские историки выступили против оппортунистов внутри страны и за рубежом и их попыток умалить значение В. И. Ленина как теоретика и автора концепции перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Важно отметить широкое участие в дискуссии философов, историков партии, специалистов по истории революции 1905—1907 гг. и истории Октября. Дискуссия способствовала обогащению тематики журнала «Историк-марксист»: проблема перерастания на его страницах рассматривалась как в исследованиях по истории первой русской революции, так и по истории революции 1917 г.

Дискуссия конца 20-х — начала 30-х годов показала, что ленинская теория перерастания наносила сокрушительный удар по установкам меньшевиков, троцкистов и лидеров II Интернационала, возводивших непроходимую стену между этими двумя революциями и по существу отрицавших революцию. В ходе дискуссии были вскрыты серьезные недостатки, которые объяснялись недооценкой субъективного фактора в революции, непониманием соотношения стихийного и сознательного в социалистической революции. Исследуя практическое воплощение ленинской теории перерастания, советские историки не уделяли достаточного внимания показу борьбы рабочего класса за победу социалистической революции, которая в значительной мере и обеспечивала успех перерастания, всесторонне не раскрывали существо политики партии большевиков по отношению к крестьянству во время действия второго стратегического лозунга партии.

После дискуссии журнал «Историк-марксист» обратился к освещению проблем, до сих пор остававшихся в тени. Важное политическое значение в период борьбы Коммунистической партии с правыми имели опубликованные в журнале работы о роли и месте сельской буржуазии в Октябрьской социалистической революции, о политике партии по идейному и организационному освобождению трудовых масс крестьянства из-под влияния кулачества и др. Советские историки исходили при этом из ленинского анализа расстановки классовых сил, из стратегических лозунгов партии по крестьянскому вопросу, строжайшего учета социальных группировок крестьянства, разграничения крестьянина-труженика с крестьяни-

ном-эксплоататором³⁷⁷. Тем самым историки-марксисты способствовали разоблачению правооппортунистической бухаринской теории «врастания» капиталистических элементов в социализм, «затухания» классовой борьбы, «мирного», «эволюционного» движения к социализму³⁷⁸.

Мелкобуржуазная по своему характеру политическая платформа сторонников правого уклона проявилась в трактовке истории Октября; отдельные положения ее проникли в советскую историографию. Правооппортунистическая фальсификация Октября смыкалась с троцкистской³⁷⁹, совпадала, как убедительно было показано в опубликованной в журнале статье Д. Я. Кина «О пролетарской революции, буржуазных реставраторах и мелкобуржуазном ликвидаторстве», в решении коренных вопросов революции. Отрицался ее социалистический характер, игнорировалось ленинское положение о двух социальных войнах в деревне и постепенном преобладании второй и, напротив, переоценивалось значение мелкобуржуазной струи в революции, признавалась «реакционной», «экономически нецелесообразной» экспроприация сельской буржуазии и др.³⁸⁰

Анализируя высказывания лидеров правого уклона, Кин сделал вывод, что они фактически выступали против диктатуры пролетариата, союза рабочего класса с беднейшим крестьянством, подменяя его лозунгом союза рабочего класса со всем крестьянством, в том числе с сельской буржуазией, а отсюда Октябрьскую революцию оценивали как фактическое осуществление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства³⁸¹, видели в российской революции не проявление общей закономерности исторического развития, а исключение из этой закономерности, обусловленное своеобразием исторической обстановки³⁸². В статье Д. Кина, написанной вслед за по-

³⁷⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 277; т. 41, с. 174—174.

³⁷⁸ КПСС в резолюциях... 7-е изд., ч. II, с. 552, 582.

³⁷⁹ Подробнее см.: Ерыкалов Е. Ф. Разоблачение троцкистской фальсификации истории Октябрьской революции в советской историко-партийной литературе 20-х годов; Партия и Великий Октябрь: Историогр., очерк.

³⁸⁰ Историк-марксист 1932, № 21, с. 27—32.

³⁸¹ Там же, с. 30—31.

³⁸² Подобные оценки характерны и для современных буржуазных советологов. См.: Петров А. П. Критика фальсификации аграрно-крестьянского вопроса в трех русских революциях.

литическим разгромом троцкистско-зиновьевского блока и правого уклона, в момент процесса над меньшевиками, сохранились не всегда аргументированные оценки работ некоторых советских историков. Однако основным своим содержанием она была направлена против враждебных концепций Октября и свидетельствовала об активной позиции советских историков в идейной борьбе тех лет.

Историки-марксисты приступили к углубленному исследованию роли партии большевиков в Великой Октябрьской социалистической революции³⁸³. Статья А. В. Шестакова «Борьба пролетариата и его партии за союзника — крестьянство — в революции 1917 г.» была написана с учетом результатов прошедших на рубеже 20—30-х годов дискуссий по теоретическим вопросам ленинского учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую³⁸⁴. Методологической основой ее явились произведения В. И. Ленина, и в первую очередь написанные в марте 1917 г. «Письма из далека»³⁸⁵.

А. В. Шестаков отмечал, что в работе В. И. Ленина дан анализ специфических особенностей Февральской революции, расстановки классовых сил, указаны задачи революционного пролетариата в борьбе за победу на этапе перерастания, определена программа действий партии большевиков. Главным в этот период являлся вопрос о союзниках пролетариата. В. И. Ленин видел его в беднейшем крестьянстве³⁸⁶. Идеи, высказанные Лениным в «Письмах из далека», получили дальнейшее развитие в Апрельских тезисах — «О задачах пролетариата в данной революции»³⁸⁷. Шестаков широко использовал основные положения тезисов при раскрытии темы. В центре внимания автора — исследование путей создания союза пролетариата с беднейшим крестьянством, та большая организаторская и идеологическая работа, которую вела Комму-

---

³⁸³ *Ронин С.* Борьба большевиков за организацию комбедов.— Историк-марксист, 1932, № 4-5; *Максимов В.* Кулацкая контрреволюция и ижевское восстание.— Там же; *Рубач М.* К истории крестьянских восстаний накануне Октября: (Материалы по Украине).— Там же, 1934, № 3, и др.

³⁸⁴ Историк-марксист, 1932, № 4-5.

³⁸⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31.

³⁸⁶ Историк-марксист, 1932, № 4-5, с. 72.

³⁸⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31.

нистическая партия для выполнения намеченной задачи. Шестаков сравнительно детально рассмотрел вопрос об организации Советов крестьянских депутатов весной 1917 г. Отправным моментом в изучении их явился ленинский подход к Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов как к органам революционной борьбы, революционной власти.

На огромном фактическом материале автор показал, какие трудности пришлось преодолеть большевикам на пути организации общедемократического движения крестьян, развертывания аграрной революции, выделения в ней пролетарского направления, слияния его с социалистическим движением рабочего класса. Не случайно В. И. Ленин подчеркивал, что аграрный вопрос стал вопросом острой политической борьбы.

Сильной стороной работы Шестакова явилась критика позиций эсеровских партий по крестьянскому вопросу, их стремлений любыми средствами овладеть крестьянским движением, использовать его в политической борьбе за власть. Эсеры, решительно выступая против большевистского курса на социалистическую революцию, использовали Советы крестьянских депутатов для предвыборной агитации и проведения своих партийных кандидатов в Учредительное собрание³⁸⁸.

Большое значение в разоблачении антикрестьянской политики эсеров, прежде всего правых, имело исследование Шестаковым всероссийских съездов крестьянских депутатов. При этом автор правильно оценивал роль и значение съездов и разоблачал попытки эсеровских публицистов и историков фальсифицировать характер развернувшейся на съездах борьбы, роль большевиков и их требований по вопросам земли, войны, власти. В своей критике Шестаков прибегал к ленинской аргументации, использовал работы Ленина, в частности подробно останавливался на обращении В. И. Ленина с открытым письмом к делегатам I Всероссийского съезда крестьянских депутатов в мае 1917 г., в котором тот призывал к немедленному захвату земли организованным путем, к созданию и укреплению союза беднейшего крестьянства с пролетариатом для борьбы за социализм, прекращению войны, установ-

---

³⁸⁸ Историк-марксист, 1932, № 4-5, с. 73—75.

лению власти Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов ³⁸⁹.

Тщательно использовал Шестаков имевшиеся в его распоряжении материалы, чтобы проследить участие В. И. Ленина в работе I Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Большевики во главе со своим вождем решительно выступили против эсеровской линии на изоляцию крестьянского движения от влияния пролетариата, за создание Советов крестьянских депутатов. В своей борьбе за крестьянские массы, за изоляцию и разоблачение эсеров партия большевиков опиралась на программные положения по аграрному вопросу: конфискация помещичьих и национализация всех земель. Шестаков подчеркнул, что выполнение аграрной программы было поставлено В. И. Лениным в прямую зависимость от победы социалистической революции, от установления диктатуры пролетариата. При этом центр тяжести борьбы в деревне переносился на Советы батрацких депутатов, другими словами, на организацию сельского пролетариата, что как нельзя лучше отвечало интересам дальнейшего развития классовой борьбы против сельской буржуазии. Задача «отобрать у буржуазии крестьянские резервы» стояла перед партией большевиков в период установления диктатуры пролетариата. Поддержка бедняцко-средняцкими массами диктатуры пролетариата была основным условием победы.

Анализируя опыт Коммунистической партии по развертыванию и дальнейшему углублению социалистической революции в деревне, Шестаков сосредоточил свое исследование на политике партии по отношению к среднему крестьянству. До сих пор этот сюжет не получал своего освещения в журнале, интерес к нему советских историков повысился лишь с конца 20-х годов и был обусловлен необходимостью широкого и глубокого изучения истории борьбы партии большевиков за победу Великого Октября ³⁹⁰.

К решению вопроса о середняке Шестаков подходил с учетом сущности ленинского отношения к середняку в период проведения второго стратегического лозунга партии. Изучив материалы послеоктябрьских съездов Советов кре-

---

³⁸⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 174—178.

³⁹⁰ Подробнее см.: Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. 2-е изд., доп. М., 1976. Т. I—II.

стьянских депутатов, исследователь пришел к выводу, что в условиях активной борьбы за выдвинутые пролетариатом задачи социалистической революции и попутное разрешение задач буржуазно-демократической революции правильная политика Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным привела к созданию предпосылок прочного союза пролетариата с середняком. Завоевание его на сторону Советской власти проходило в ожесточенной борьбе с влиянием мелкобуржуазных партий и осложнялось двойственностью социального положения середняцкой массы, что и являлось основой ее колебаний. Шестаков шаг за шагом прослеживал перипетии борьбы большевиков за изоляцию правых эсеров, ликвидацию их влияния на бедняцко-средняцкие массы крестьянства. Разоблачение антинародной политики правозэсеровской партии велось большевиками по принципиальным вопросам революции: о власти, о земле, о мире.

В своей борьбе с контрреволюцией большевики использовали малейшую возможность привлечь на сторону революции колеблющиеся массы среднего крестьянства. Для воздействия на середняцкую массу деревни как на возможного союзника рабочего класса большевики вступили в блок с левыми эсерами. Этот блок автор считал не только целесообразным, но и закономерным³⁹¹. Причем партия большевиков, подчеркивал Шестаков, не поступилась ни одной из своих принципиальных установок вопреки оппортунистической деятельности Каменева и Зиновьева, настаивавших на создании правительства из представителей всех социалистических партий, ослабив тем самым ведущую роль пролетариата в социалистической революции.

Исследователь пришел к выводу, что неопределенность позиции левых эсеров в важнейших вопросах революции, колебания и соглашательство с правыми эсерами привели их в лагерь контрреволюции, оттолкнули от них крестьянство³⁹². Напротив, ленинская установка о классовом союзе пролетариата с трудящимися массами крестьян, неуклонно проводимая партией большевиков, обеспечивала победу диктатуры пролетариата на следующих этапах революции в деревне.

---

³⁹¹ Историк-марксист, 1932, № 4-5, с. 90.

³⁹² Там же, с. 91, 94—95.

Статья Шестакова свидетельствовала об успешном овладении советскими историками в начале 30-х годов многими важными положениями ленинского учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую³⁹³. Результаты дискуссии благотворным образом отразились на журнале: расширилась тематика исследований, повысился научный уровень публикуемых по истории Октября работ.

Углубленное изучение ленинского наследия, освоение ленинской теории социалистической революции позволило советским историкам в 30-е годы с достаточной ясностью показать те процессы, которые происходили в деревне в первый год диктатуры пролетариата. До сих пор эта проблема мало привлекала внимание историков, исследовалась на незначительном количестве документального материала, не вскрывалась активная роль партии большевиков в организации бедноты на борьбу с сельской буржуазией, не была раскрыта сущность социалистических преобразований в деревне, помощь рабочего класса и пролетарского государства крестьянству. Многие из перечисленных недостатков были присущи и авторам опубликованных в 20-е годы в журнале работ.

Едва ли не единственной была попытка М. Кубанина осветить вопрос о переделе средств производства в предкомбедовский период аграрной революции³⁹⁴. Эта статья явилась логическим продолжением ранее написанной им статьи «Первый передел земли в 1918 г.», которая была помещена во втором томе «Аграрной революции» и проанализирована в обстоятельной рецензии О. Лидака³⁹⁵. Кубанин правильно использовал ленинское положение о двух этапах социалистической революции в деревне, указал на остроту классово-борьбы в деревне с кулачеством при разделе помещичьей земли и инвентаря и необходи-

---

³⁹³ С позиций ленинской теории перерастания М. Рубач рассматривал развитие социалистической революции на Украине. Исследуя большой фактический материал, автор пришел к выводу, что отдельные особенности этой борьбы не противоречили общему процессу развития социалистической революции в России. См.: Рубач М. К истории крестьянских восстаний накануне Октября 1917 г.: (Материалы по Украине).

³⁹⁴ Кубанин М. К истории Октября в деревне.— Историк-марксист, 1928, № 7. Статья была написана по предложению редколлегии журнала. См.: Архив АН СССР, ф. 638, оп. 2, д. 70, л. 2.

³⁹⁵ Историк-марксист, 1928, № 7, с. 300—301.

мость в связи с этой борьбой создания чисто бедняцкой организации — комбедов³⁹⁶. Таким образом, автор сделал вывод, что на первом этапе социалистической революции в деревне были разрешены задачи буржуазно-демократической революции, было сметено помещичье землевладение, нанесен сильный ущерб кулацкому землевладению, но производственная мощь кулачества подорвана не была. Статье был присущ недостаток, общий для советской историографии 20-х годов: не показывалась роль партии большевиков в борьбе за развитие социалистической революции на первом этапе³⁹⁷. Напротив, рассматривая первый этап социалистической революции в деревне и давая его внутреннюю периодизацию, Кубанин подчеркнул, что «никакого организованного воздействия извне крестьянство в первый и второй периоды комбедовского этапа не получило»³⁹⁸.

Работа Кубанина была написана на узкой источниковой базе, однако содержала яркую картину классовой борьбы в деревне, раскрывала антиреволюционную, эксплуататорскую сущность сельской буржуазии и объективно была направлена против правооппортунистической теории «мирного вращаения кулака в социализм».

Необходимость всестороннего исследования процессов развертывания социалистической революции в деревне, обобщения исторического опыта Коммунистической партии в 30-е годы была обусловлена глубочайшим революционным переворотом в сельском хозяйстве страны, вызванным сплошной коллективизацией и на ее основе ликвидацией кулачества как класса. Социалистические преобразования деревни в первые годы Советской власти в ее социально-экономических и политических аспектах, история борьбы рабочего класса под руководством партии

---

³⁹⁶ Там же, с. 23—25, 27.

³⁹⁷ Этот же недостаток был присущ в целом интересной, написанной на большом фактическом материале статье В. Максимова «Кулацкая контрреволюция и ижевское восстание» (Историк-марксист, 1932, № 4-5). Достоинством статьи явилась ее критическая направленность в освещении роли соглашательских партий — меньшевиков и эсеров, в том числе левых.

³⁹⁸ Историк-марксист, 1928, № 7, с. 20. На отсутствие показа роли большевиков и Советской власти в борьбе за развитие социалистической революции в деревне на первом этапе указывал в рецензии на статью Кубанина о первом переделе земли О. Лндак. См. рец.: Историк-марксист, 1928, № 7, с. 300.

большевиков за социалистическую деревню, организация комбедов, их роль в борьбе большевиков за укрепление союза с беднейшим крестьянством, в подавлении кулачества и др.— все эти темы заняли одно из ведущих мест в журнале.

Опубликованные в этот период в журнале исследования по аграрной истории Октября были направлены против попыток возрождения меньшевистских и эсеровских, неонароднических воззрений по крестьянскому вопросу, против фальшивого тезиса об углубленном «распаде» и «деградации» сельского хозяйства в ходе аграрной революции, о «преимуществе» мелкокапиталистического крестьянского хозяйства, целесообразности содействия лишь отдельным формам кооперации.

В условиях коллективизации и обострения борьбы в деревне с кулачеством мелкобуржуазные идеологи усилили свои нападки на Коммунистическую партию, извращая суть аграрных преобразований в стране, взаимоотношений пролетариата с крестьянством и др. Под обстрелом оказалась и такая форма организации беднейшего крестьянства, как комбеды, создание которых в ходе социалистической революции в деревне якобы не отвечало интересам бедняцко-средняцких масс крестьянства. Советские историки убедительно доказали, что теоретические воззрения неоменьшевиков и неонародников не оригинальны в своей основе и заимствованы из арсенала меньшевистских и эсеровских партий, потерпевших в ходе Октябрьской революции политическое поражение.

Антиреволюционный характер политики и идеологии меньшевиков и эсеров, как правых, так и левых, по крестьянскому вопросу в период социалистической революции в деревне убедительно был вскрыт в статье С. Ронина «Борьба большевиков за организацию комбедов». Его работа написана на основе глубокого изучения ленинских трудов, тщательного анализа фактического материала. Выявляя обстоятельства, приведшие к созданию комбедов, подчеркивая огромную роль партии большевиков в их создании, последовательную борьбу за правильный социальный состав и привлечение к участию в них середняка, характеризуя антисоветскую позицию кулачества и его попытки использовать комбеды, Ронин рассматривал весь этот комплекс вопросов под углом зрения осуществления второго стратегического лозунга партии по

крестьянскому вопросу в связи с ленинской теорией перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую³⁹⁹. Автор пришел к выводу, что с созданием комбедов процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую полностью завершился⁴⁰⁰.

Придавая большое значение проблеме перерастания, редколлегия акцентировала внимание прежде всего на освещении процесса создания и укрепления союза пролетариата с беднейшим крестьянством, внесения классового, пролетарского сознания в крестьянское движение, на роли Коммунистической партии в организации крестьянской бедноты. К раскрытию указанных вопросов советские историки подходили с позиций ленинского учения о гегемонии пролетариата в революции. И этим восполнялся пробел в освещении самого рабочего движения в журнале «Историк-марксист» в 20-е годы. Редколлегия не сумела по ряду причин реализовать свои замыслы широкого освещения проблемы роли рабочего класса в социалистической революции⁴⁰¹. Среди немногочисленных материалов преобладали рецензии и критические статьи.

Большой интерес представляла критическая статья М. Югова на сборник Центрархива «Рабочее движение в 1917 г.» (1926). Она была написана по заданию редколлегии⁴⁰². Характеризуя сборник документов как ценное издание⁴⁰³, Югов главным недостатком его считал то, что документы не были поданы в плане борьбы партии большевиков с меньшевиками по рабочему вопросу. Тем самым не вскрывалась тщетность меньшевистских попыток ввести борьбу огромных пролетарских масс на этапе от Февраля к Октябрю в искусственные рамки меньшевистских представлений о законах и нормах «правильного» течения этой борьбы. Другими словами, не критиковалось нежелание меньшевиков считаться с фактами,

---

³⁹⁹ Историк-марксист, 1932, № 4-5, с. 103—107.

⁴⁰⁰ Там же, с. 99—102. Статья положительно оценена в современной советской историографии.

⁴⁰¹ Архив АН СССР, ф. 371, оп. 1, д. 7, л. 82.

⁴⁰² Историк-марксист, 1927, № 5. В течение многих лет сборник был почти единственной публикацией по теме. См.: Гапоненко Л. С. Рабочий класс России. М., 1970.

⁴⁰³ Историк-марксист, 1927, № 5, с. 172.

видеть переплетение экономических и политических требований в рабочем движении, изменений характера и форм борьбы рабочего класса после корниловщины, сплочения его вокруг партии большевиков⁴⁰⁴. В целом позиция Югова по вопросу о рабочем движении 1917 г., его периодизации, характере, формах, руководящей роли большевиков и других была аналогичной позиции Я. А. Яковлева — автора предисловия к сборнику. Так же, как и он, Югов придавал большое значение установлению рабочего контроля над производством осенью 1917 г. и видел в нем активную форму борьбы пролетариата, которая подводила даже отсталые слои к пониманию необходимости перехода власти в руки Советов. Оба исследователя подчеркивали экономическое содержание борьбы за рабочий контроль.

Более подробно свою позицию в вопросе о рабочем контроле М. Югов изложил в опубликованной в журнале рецензии на работу А. М. Панкратовой «Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 г.» (М., 1927). Указав на всесторонний характер исследования Панкратовой истории рабочего контроля, Югов отметил вклад ее в решение таких важных вопросов, как роль фабзавкомов и профсоюзов в экономической и политической борьбе на этапе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, борьба политических течений внутри профсоюзов, взаимоотношения между фабзавкомом и профсоюзами и др.⁴⁰⁵

По мнению Югова, в книге Панкратовой были спорные моменты, недостаточно четко был решен вопрос о взаимоотношениях между профсоюзами и фабзавкомом, что в условиях России 1917 г. было тесно связано с вопросом о захвате власти пролетариатом.

О политических задачах, стоявших перед рабочим контролем, говорилось в статье Б. Фрейдлина «Декрет о рабо-

---

⁴⁰⁴ Меншевицкий тезис о «незрелости» российского рабочего класса, его «пассивности» в революции используется современной буржуазной историографией. Извращение советологами роли российского рабочего класса как гегемона в Октябрьской революции связано прежде всего с ложной интерпретацией вопросов о его социальном облике, соотношении стихийности и сознательности в его революционной борьбе, взаимосвязи действий рабочего класса и партии большевиков. Подробнее см.: Великий Октябрь, рабочий класс и современная буржуазная историография. М., 1977.

⁴⁰⁵ Историк-марксист, 1927, № 5, с. 290.

чем контроле»⁴⁰⁶. Не отрицая экономического содержания борьбы за рабочий контроль, автор видел политическую задачу этой борьбы на этапе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в содействии формирования политической армии революции, в подведении масс трудящихся к осознанию необходимости штурма и свержения капитализма, установления диктатуры пролетариата. В дальнейшем, с установлением Советской власти, рабочий контроль, как отмечал Фрейдлин, стал одним из решающих методов проведения программы социалистического строительства⁴⁰⁷.

Многопроблемный характер носила статья Н. Добротвора о массовом рабочем движении на этапе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую⁴⁰⁸. Она была опубликована в журнале в начале 30-х годов и интересна тем, что очерчивала круг наиболее пследеуемых проблем и отражала успехи советских историков в освоении ленинской теории социалистической революции.

Исходя из ленинской концепции основных этапов Октябрьской революции, автор попытался дать характеристику рабочего движения, указать особенности его на каждом из этапов, выявить ведущие тенденции, прослеживал процесс возникновения и возрождения профессиональных организаций (профсоюзов). Добротвор отмечал распыленность, раздробленность, неорганизованность профсоюзов, что позволило захватить руководство в большинстве из них соглашательским партиям меньшевиков и эсеров.

Исследуя вопрос о взаимоотношениях профсоюзов и фабзавкомов, Добротвор сумел избежать односторонности в подходе, противопоставления «меньшевицких профсоюзов» и «большевицких фабзавкомов», что имело ме-

---

⁴⁰⁶ Там же, 1933, № 5. Статья Фрейдлина подробно проанализирована в монографии: *Игнатенко Т. А.* Советская историография рабочего контроля и национализации промышленности в СССР. 1917—1967. М., 1971.

⁴⁰⁷ Историк-марксист, 1933, № 5, с. 81. Одной из немногих попыток проследить роль рабочего контроля в социалистическом преобразовании промышленности в национальных районах России (Баку) явилась статья С. Сефа «Из истории борьбы за национализацию нефтяной промышленности» (см. там же, 1930, № 18-19).

⁴⁰⁸ *Добротвор И.* Массовое рабочее движение от Февраля к Октябрю.— Историк-марксист, 1932, № 4-5.

сто в литературе 20-х годов. Автор убедительно доказал, что профсоюзы, фабзавкомы и Советы рабочих депутатов явились ареной ожесточенной борьбы партии большевиков против соглашательских тенденций в рабочем движении, борьбы с оппортунизмом, за освобождение масс из-под меньшевистско-эсеровского влияния ⁴⁰⁹.

Статья была направлена и против имевших место в советской историографии преувеличений стихийности рабочего движения на этапе от Февраля к Октябрю. Добротвор справедливо полагал, что выпячивание стихийного момента в рабочем движении объективно приводило к троцкистско-меньшевистской оценке Октябрьской революции как взрыва масс, стихийно взбунтовавшихся против войны и Временного правительства, к отрицанию социалистического характера революции в России. Исследователь подчеркивал роль руководства партии большевиков революционными массами пролетариата, видя в этом одно из условий перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, а попытки затушевывания руководящей роли партии в революции рассматривал как переход на позиции троцкистской теории «перманентной революции». Статья была проникнута пафосом разоблачения соглашательской политики меньшевиков и эсеров в революционных событиях 1917 г., а также штрейкбрехерской позиции Зиновьева, Каменева.

Доведя свое изложение до момента подготовки вооруженного восстания, Добротвор делал вывод, что к Октябрю 1917 г. гегемон революции — российский пролетариат — достиг высокой политической сознательности, организованности, стойкости, был сплочен, монолитен, объединен под общим руководством партии большевиков. Широкий хронологический охват, обилие затронутых проблем не позволили автору в рамках статьи одинаково полно осветить все стороны темы, ряд важных моментов был лишь обозначен, но не раскрыт.

Подводя некоторые итоги освещения в журнале проблемы рабочего класса и его роли в Великой Октябрьской социалистической революции, можно говорить лишь о начале широкого ее изучения ⁴¹⁰. Малочисленность материа-

---

⁴⁰⁹ Там же, с. 42—43, 45.

⁴¹⁰ Основная масса работ по истории рабочего класса публиковалась в журналах «Пролетарская революция», «История пролетариата в СССР», изданиях Истпрофа и др.

лов по теме особенно бросается в глаза при сравнении с тем, какое место в журнале отводилось истории крестьянства в революции. Об обстоятельствах, обусловивших такое внимание к изучению аграрной истории, было сказано раньше. В опубликованных в журнале статьях и рецензиях подчеркивалось значение проблемы для усвоения ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, учения о гегемонии пролетариата. Рабочий класс являлся главной ударной силой революции. Его верным союзником на этапе социалистической революции было беднейшее крестьянство. Решая проблему крестьянства на этапе перерастания, авторы уделяли большое внимание вопросу о взаимоотношениях крестьянства с рабочим классом, о ведущей роли пролетариата, об активной деятельности партии большевиков по укреплению этого союза.

Важной составной частью политической армии революции были революционные отряды солдат и матросов. Поворот к изучению этой темы в советской историографии наметился к концу 20-х — началу 30-х годов, однако в журнале она не получила своего развития⁴¹¹, так же как и другая важная тема — национально-освободительного движения на окраинах России⁴¹².

Можно говорить лишь о немногих попытках освещения главных, этапных событий истории Великой Октябрьской социалистической революции: апрельской демонстрации 1917 г., июльского кризиса, Государственного совещания, Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и Москве, Учредительного собрания и др.⁴¹³ Значение этих работ в их критической направленности, в выявлении соглашательской роли партии меньшевиков и эсеров в революции. Особое внимание исследователи уделяли разоблачению эсеро-меньшевистских фальсификаций по вопросам большевистского руководства массами, широко используя при этом ленинские принципы критики.

---

⁴¹¹ *Невский В.* Рец. на кн.: А. Ф. Ильин-Женевский. От Февраля к захвату власти.— Историк-марксист, 1927, № 6; *Кизрин.* Рец. на кн.: Е. Рабинович. Борьба за армию в 1917 г.— Там же, 1930, № 17.

⁴¹² *Галузо П.* Рец. на кн.: Л. Резников. Октябрь в Туркестане. 1927.— Там же, 1928, № 7; *Галузо П.* Колониальная политика царского правительства в Средней Азии.— Там же, 1928, № 9; *Цвибак М.* Классовая борьба в Туркестане.— Там же, 1929, № 11.

⁴¹³ *Кривошеина Е.* Политика Петроградского Совета и апрельская демонстрация 1917 г.— Там же, 1935, № 10; *Лидак О.* Июль-

Наряду с разоблачением эсеровских и меньшевистских измышлений авторы указанных работ выступали против троцкистских трактовок Октября, в частности в отношении апрельской и июльской демонстраций трудящихся масс. Исходя из ленинских положений, советские историки рассматривали указанные события как политические кризисы и видели в них особенности процесса перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую⁴¹⁴. Они опровергали попытки меньшевиков и эсеров, а вслед за ними и троцкистов обвинить партию большевиков якобы в разжигании в апреле 1917 г. гражданской войны в стране⁴¹⁵, представить июльскую демонстрацию как «запланированную» большевиками большую разведку настроения масс и соотношения борющихся сил⁴¹⁶. Все это противоречило, как показали советские историки, объективной действительности, курсу партии большевиков на мирное развитие революции.

Деятельность Коммунистической партии в ходе подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции заняла одно из ведущих мест в тематических планах журнала в 30-е годы. Большое внимание этому уделил О. А. Пятницкий в своем исследовании об октябрьских 1917 г. событиях в Москве. Его работа объективно была направлена против эсеровских и троцкистско-меньшевистских обвинений партии большевиков в «бланкизме» и «авантюризме»⁴¹⁷.

Наряду с указанной выше тематикой по истории Великого Октября в журнале были сделаны отдельные попытки осветить и другие сюжеты: о классах, Советах, влиянии Октября на международное рабочее и коммуни-

---

ские события 1917 года.— Там же, 1927, № 4; Югов М. Рец. на кн.: Государственное совещание.— Там же, 1930, № 17; Пятницкий О. Из истории Октябрьского восстания в Москве.— Там же, 1935, № 5-6; Минц И., Эйдеман Р. Расстановка боевых сил контрреволюции накануне Октября.— Там же, 1934, № 1; Рубинштейн Н. К истории Учредительного собрания в России.— Там же, 1928, № 10, и др.

⁴¹⁴ Историк-марксист, 1927, № 4, с. 31, 1935, № 10, с. 78.

⁴¹⁵ Там же, 1935, № 10, с. 79.

⁴¹⁶ Там же, 1927, № 4, с. 32.

⁴¹⁷ Вопреки фактам современные буржуазные советологи по-прежнему стоят на этих же позициях, используя аргументацию эсеровских и троцкистско-меньшевистских идеологов и отрицая всемирно-исторический опыт Октября.— См.: Исторический опыт Великого Октября и критика буржуазной историографии, и др.

стическое движение, печатались статьи с критикой зарубежных фальсификаторов и др.⁴¹⁸

Исследования, опубликованные в журнале в первой половине 30-х годов, показали, что советские историки усвоили основные положения ленинской концепции Октября: о социально-экономических предпосылках революции в России, ее социалистическом характере, рабочем классе — гегемоне революции, союзниках пролетариата, перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и другие, и с этих позиций приступили к изучению всего комплекса проблем истории Октября. Направления дальнейших историографических исследований были определены в Постановлении ЦК ВКП(б) «Об издании многотомной „Истории гражданской войны“»⁴¹⁹.

Для успешного развития советской историографии российских революций важным было изучение проблемы преемственности отдельных периодов и этапов революционного движения в России. Столь широкий подход открывал возможности наряду с выявлением конкретно-исторической стороны процесса вести исследование в теоретико-методологическом плане, решая проблему перехода социалистической мысли в России от утопии к науке, генезиса социальных корней марксизма в ней. Освещение этих актуальных проблем в журнале «Историк-марксист» велось на широком во времени историческом фоне: наряду с историей революционного движения в России XIX — начала XX в. в нем нашли отражение результаты исследований советских историков революционного движения XVII—XIX вв. в Западной Европе.

---

⁴¹⁸ *Шестаков А.* Рец. на кн.: О. Чаадаева. Помещики и их организации в 1917 году.— *Историк-марксист*, 1928, № 9; *Югов М.* Рец. на кн.: Всероссийское совещание Советов.— Там же, 1928, № 8; *Костомаров Г.* Московский совет на первом этапе пролетарской революции.— Там же, 1935, № 11; *Фрелих П.* Октябрь и революция в Германии.— Там же, 1927, № 5; *Ротштейн Ф.* Англия и Октябрьская революция.— Там же, 1927, № 5; *Горин П.* Рец. на кн.: Очерки по истории Октябрьской революции.— Там же, 1928, № 8; *Шестаков А.* Рец. на кн.: И. Н. Любимов. Революция 1917 г. Хроника событий. 1930.— Там же, 1930, № 16; *Пастухов М.* Рец. на кн.: О. Н. Лыдак. 1917 год.— Там же, 1933, № 3, и др.

⁴¹⁹ Известия, 1931, 31 июля; Правда, 1931, 31 июля.

УЧАСТИЕ ЖУРНАЛА «ИСТОРИК-МАРКСИСТ» В РЕШЕНИИ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

(вторая половина 30-х — начало 40-х годов)

СОЗДАНИЕ УЧЕБНИКОВ И ОБОБЩАЮЩИХ РАБОТ — ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Во второй половине 30-х годов завершилось строительство основ социализма в стране. Как указывалось в резолюциях XVIII съезда ВКП(б), победа социализма была законодательно закреплена в принятой в 1936 г. новой Конституции СССР¹.

Успехи социалистического строительства, укрепление морально-политического единства советского общества обусловили окончательное утверждение марксистско-ленинской концепции исторического процесса и идейный разгром буржуазной и мелкобуржуазной науки. Ленинские принципы идейного и организационного развития советской исторической науки, принципы партийного руководства получили свое воплощение в практических результатах. Завершился процесс консолидации советских историков на основе марксистско-ленинской методологии. Значительно увеличилось число молодых историков — выпускников советских исторических вузов, возросло их профессиональное мастерство, что, естественно, сказалось на уровне научной работы, привело к совершенствованию методики исследований. Фактором, способствовавшим развитию исследовательской работы, повышению научного уровня, расширению тематики и проблематики, явилось дальнейшее обогащение источниковой базы.

Положительные результаты были достигнуты в разработке актуальных проблем советской историографии:

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее: КПСС в резолюциях и решениях...). 8-е изд., испр. и доп., М., 1971, т. 5, с. 335.

в изучении мирового революционного процесса, в том числе истории трех российских революций, международного рабочего, социалистического и коммунистического движения, национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран и др.

Решающее значение в определении перспектив развития советской исторической науки имели факторы общественно-политической жизни страны второй половины 30-х — начала 40-х годов, и прежде всего XVIII съезд ВКП(б), на котором были рассмотрены некоторые вопросы марксистско-ленинской теории. Важное значение имел вывод о возможности построения коммунизма в СССР². Отрицательное влияние на развитие отдельных сторон советского общества оказал культ личности Сталина, который, однако, не изменил природы общественно-политического строя советского государства^{2а}.

Успешно осуществляя ленинскую программу создания социалистического общества в стране, Советское государство вело постоянную и последовательную борьбу за мир, против империалистической агрессии.

Большое методологическое и практическое значение для развития советской исторической науки имели постановления партии и правительства по идеологическим вопросам, в том числе по истории и историческому образованию в стране в 1934—1936 гг., о постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», об издании сочинений В. И. Ленина (4-го издания), о литературной критике и библиографии и др.

Сформулированные в постановлениях партии и правительства 1934—1936 гг. задачи исторической науки в условиях социалистического общества потребовали ее организационно-тематической перестройки в плане развертывания изучения исторического процесса в целом³.

Начало было положено постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР»⁴. Отметив неудовлетворительное состояние преподавания истории в стране, Центральный Комитет указывал как на главный не-

² КПСС в резолюциях и решениях..., т. 6, с. 334.

^{2а} Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» — «КПСС в резолюциях...» М., 1971, т. 7, с. 199—218.

³ См. гл. I монографии.

⁴ СЗР СССР, 1934, № 26, ст. 206.

достаток на подмену изложения конкретного хода истории абстрактными социологическими схемами, что затрудняло понимание закономерностей исторического процесса. В постановлении содержались указания о подготовке учебников по истории (были определены авторские коллективы и сроки написания) и о восстановлении исторических факультетов в Московском и Ленинградском университетах⁵. Это постановление было дополнено и конкретизировано постановлениями и распоряжениями о введении в школах курса всеобщей истории и истории СССР, о переподготовке учителей, о расширении сети аспирантуры по истории, об издании специального научно-методического журнала «История в средней школе», об утверждении авторских групп учебников и др.⁶ Среди авторов учебников были видные советские историки Б. Д. Греков, Е. А. Косминский, И. И. Минц, А. В. Мишулин, М. В. Нечкина, Н. М. Никольский и др.

Принятое 26 января 1936 г. постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об учебниках по истории» включало план дальнейшей перестройки всей исторической науки в организационном и тематическом плане⁷. Это постановление, а также опубликованные одновременно замечания А. А. Жданова, С. М. Кирова, И. В. Сталина на конспекты учебников по новой истории и истории СССР⁸ способ-

---

⁵ Истфаки МГУ и ЛГУ были открыты 1 сентября 1934 г., вслед за ними были открыты истфаки университетов Белорусского, Азербайджанского, Одесского, Башкирского и др. См.: 50 лет Советской исторической науки. 1917—1967: Хроника научной жизни. М., 1971, с. 191—194.

⁶ Справочник партийного работника. М., 1935, вып. 9, с. 137; Бюллетень Наркомпроса РСФСР, 1934, № 20, с. 6; № 22-24, с. 7, 8; № 28, с. 6—7; История в средней школе, 1934, № 1, и др.

⁷ СЗР СССР, 1936, № 6, ст. 45. Указанное постановление было значительно дополнено и конкретизировано принятым 28 июня 1936 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школы» (КПСС в резолюциях..., М., 1971, т. 5, с. 270—281, которое содержало указания о создании стабильных учебников для вузов, программ, о подготовке кадров, совершенствовании форм учебного процесса и др. Серьезное внимание было обращено на всемерное развертывание научно-исследовательской работы в вузах.

⁸ Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по Истории СССР.— Известия, 1936, 27 янв.; Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания о конспекте учебника по новой истории.— Там же (написаны соответственно 8 и 9 августа 1934 г.). См. также сообщение «В Совнарком Союзу ССР и ЦК

ствовали переходу советской исторической науки к решению новых задач. Историки хорошо осознавали особенности перестройки исторической науки, когда на первый план были выдвинуты вопросы исторического образования в стране ввиду неудовлетворительного его состояния.

Учитывая роль, которую партия и правительство отводили истории в коммунистическом воспитании масс, ученые видели свою задачу в создании работ, воспитывавших патриотизм, любовь к Родине, ненависть к фашизму, и считали ее выполнение политически важным делом⁹.

Постановления и директивные материалы нацеливали историков на создание систематического курса всемирной истории, теоретико-методологической основой которого должна была стать марксистско-ленинская концепция исторического развития. Они содержали критическую оценку учебников по отечественной истории и новой истории, подготовленных согласно постановлению 15 мая 1934 г. Наряду с этим материалы включали отрицательную характеристику творчества М. Н. Покровского¹⁰.

Главным в развитии советской исторической науки второй половины 30-х — начала 40-х годов явилось создание учебников и обобщающих трудов по отечественной и всемирной истории. В этом деле преследовались три такие важные задачи, как создание подлинно научной истории общественного развития, марксистская критика буржуазной историографии, пропаганда марксистско-ленинской концепции исторического процесса.

Накопленный советскими учеными в процессе написания учебников и многотомников ценный опыт, к сожалению, в советской историографии достаточно не проанализирован. Изучение содержания журнала «Историк-марксист» за 1936—1941 гг. позволило сделать вывод об активной его роли в решении политически и научно актуальной задачи.

Журнал предстает перед нами в четырех ипостасях: как публикатор официальных материалов по историче-

---

ВКП(б)» о положении в исторической науке и преподавании истории.— Там же.

⁹ Историк-марксист, 1937, № 3, с. 85.

¹⁰ Оценка роли М. Н. Покровского была пересмотрена в партийной печати и содержала всестороннюю его характеристику. См.: Соколов О. Д. Об исторических взглядах М. Н. Покровского.— Коммунист, 1962, № 4.

скому образованию, как информатор о ходе работы над объектами, как организатор обсуждений проспектов, схем, подготовленных учебников и трудов, наконец, как научная база, лаборатория, где велась исследовательская работа, предшествовавшая и способствовавшая написанию учебников и многотомников. Конечно, надо иметь в виду, что журнал не содержал полной истории создания их, но его информация касалась важнейших вех многолетнего и напряженного труда, внезапно прерванного Великой Отечественной войной. Работа по созданию учебников и обобщающих исторических трудов велась параллельно, что, несомненно, усложняло задачу и требовало от журнала большой четкости, целенаправленности и оперативности.

В журнале регулярно печатались постановления партии и правительства по вопросам исторического образования, директивные материалы¹¹. Каждое такое постановление становилось предметом пристального рассмотрения в редакционных статьях «Историка-марксиста», учитывалось при составлении текущих и перспективных планов. Этому же был подчинен отбор тем, освещаемых в журнале. Вопрос об участии журнала в общем деле подготовки учебников, программ, методических пособий неоднократно обсуждался на совещаниях в редакции¹².

Публикуя отдельные главы и разделы учебников, редколлегия тем самым создавала широкие возможности для творческих обсуждений содержания их, знакомила историческую общественность с ходом работы¹³. Те же цели преследовала редколлегия, публикуя развернутые информации об отчетах авторских коллективов Ученому совету

---

¹¹ В журнале были опубликованы: постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. (1934, № 2), от 26 января 1936 г. (1936, № 1), постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР (1937, № 3), замечания И. Сталина, С. Кирова, А. Жданова на конспекты учебников по новой истории и истории СССР (1936, № 1); письмо И. В. Сталина составителям учебника по истории ВКП(б) (1937, № 2), и др.

¹² Общим выводом такого рода совещаний может служить замечание Н. М. Лукина: «Необходима серьезная помощь журнала авторам и редакторам учебников». См.: Историк-марксист, 1938, № 3, с. 149.

¹³ Так, в 1939 г. была опубликована глава из т. III учебника по истории СССР для вузов «Советская страна в период перехода к новой экономической политике» (автор — Э. Генкина). — Там же, 1939, № 5-6.

Института истории АН СССР, Отделению общественных наук АН СССР и др.¹⁴

В намеченной редколлегией программе перестройки работы журнала для оказания помощи в создании учебников и реорганизации исторического образования в стране большое значение придавалось освещению методологических и методических аспектов решаемой задачи. В ряде статей журнала раскрывались и пропагандировались партийно-правительственные указания о необходимости и обязательности систематического курса истории всех периодов, насыщенности его конкретно-историческим материалом, хронологическими датами, искоренения схематизма, социологизма, антиисторизма, модернизации и вульгаризации в объяснении исторического процесса¹⁵. Вслед за директивными документами редколлегия фиксировала внимание на проблемах периодизации, которые предстояло решить при написании учебников¹⁶. При создании учебника по истории СССР подчеркивалась важность связей отечественной истории с мировой историей, составной частью которой эта история является, необходимость широкого изучения истории народов СССР.

В ряду проблем, которые предстояло решить советской историографии, назывались такие, как характер внешней и национальной политики самодержавия, роль национальных движений, взаимосвязь русской общественно-политической мысли с западноевропейской, историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, борьба партии с троцкизмом и другими оппортунистическими течениями и др.¹⁷ При подготовке учебника по новой истории требовалось учесть вывод о противоположности между революцией буржуазной и социалистической и др.

Много места в журнале «Историк-марксист» отводилось обсуждению написанных учебников школьных¹⁸ и

---

¹⁴ Там же, 1938, № 5, 1939, № 2, и др.

¹⁵ Дроздов П. Решения партии и правительства об учебниках по истории и задачи советских историков.— Там же, 1936, № 1; Боевая программа дальнейшего подъема исторической науки.— Там же, 1937, № 3; Шестаков А. Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР». — Там же; Почему игнорируются директивы партии и правительства? — Там же, 1939, № 1, и др.

¹⁶ Там же, 1938, № 4; 1939, № 4; 1940, № 9.

¹⁷ Там же, 1938, № 1, 6; 1939, № 5-6; 1940, № 2, 4-6, 7, 8.

¹⁸ Холмогорцев П. Рец. на кн.: История Древнего мира. Учеб-

вузовских¹⁹. Большинство из них было организовано редколлекцией.

Рассматривая школьные учебники, советские историки обращали внимание на доступность излагаемого материала, живость изложения, наглядность, чтобы история, по образному выражению автора одной из рецензий журнала П. Холмогорцева, заговорила языком событий, фактов, «заселилась» людьми живыми, действующими, борющимися²⁰. Критерием ценности учебников, по мнению рецензентов, являлись его соответствие уровню советской историографии, наличие диалектического подхода в изложении исторического процесса, хронологическая последовательность, отражение закономерности исторических явлений, связь с современностью и др.²¹ Главное назначение учебника — заложить основы для понимания марксистско-ленинского учения об обществе и основных закономерностях его развития²².

Высокие требования предъявлялись к вузовским учебникам. Анализ опубликованных в журнале «Историк-марксист» рецензий и материалов обсуждений дал возможность обобщить эти требования, среди которых на первом месте были идеологическая выдержанность, марксистско-ленинское понимание исторического процесса, сочетание строго проверенного фактического материала с характеристикой сущности научных проблем (состояние источников, дающих материал для их разрешения, способов их решения и др.). Изложение должно было быть доступным, ярким, живым, образным, заинтересовать и увлечь читателя.

ник для 5—6 класса средней школы.— Там же, 1940, № 11; Мосина З. Рец. на кн.: История средних веков. Для 6—7 класса.— Там же, 1941, № 1; Бирюкович В. Рец. на кн.: Ефимов А. Новая история. 1789—1870: Для 8 класса.— Там же, 1941, № 4; Рубинштейн Н., Сидоров А. Рец. на кн.: История СССР: Ч. I—III. Для 8—10 класса.— Там же, 1941, № 3.

¹⁹ Авдиев В. Рец. на кн.: История Древнего мира. Т. I. Древний Восток.— Там же, 1938, № 1; Зельин К. Рец. на кн.: Сергеев В. История древней Греции.— Там же, 1940, № 2; Волгин В. Рец. на кн.: Новая история. Ч. I.— Там же, 1940, № 7; Сидоров А., Кудрявцев И. Крупное событие на историческом фронте.— Там же, 1940, № 4—5,

²⁰ Там же, 1940, № 11, с. 126.

²¹ Там же, с. 126—127; 1941, № 4, с. 112.

²² Там же, 1941, № 1, с. 126.

Обсуждения вузовских учебников систематически проводились в Институте истории АН СССР, МГУ и ЛГУ, в пединституте им. В. И. Ленина, на созванных редколлегией журнала «Историк-марксист» специальных совещаниях исторической общественности, на сессиях Отделения истории и философии АН СССР и других и носили широкий характер. По существу, развернулись дискуссии по актуальным и спорным проблемам всемирной истории и истории СССР. Начало этому было положено редколлегией журнала «Историк-марксист», организовавшей обсуждение в декабре 1937 г. 1-го тома «Истории Древнего мира» («История Древнего Востока») ²³. Содержание учебника и выступления участников совещания показали, что в ходе многолетних дискуссий о социальном строе на Востоке в советской историографии стала утверждаться концепция академика В. В. Струве о рабовладельческом характере древних обществ ²⁴. Дискуссия показала успешное овладение марксистско-ленинской концепцией исторического процесса, ее творческое применение при решении принципиальных вопросов.

Согласно марксистско-ленинскому учению об античном обществе как рабовладельческом обществе, по мнению автора опубликованной в журнале рецензии К. Зельина, была дана история Древней Греции в учебнике В. С. Сергеева ²⁵. Рецензент высказал несогласие с решением ряда проблем, в частности о критской культуре и социально-политическом строе на Крите, об эллинизме и др. ²⁶

Отзыв Зельина интересен тем, что содержал постановку вопросов методологического и методического характера. Достоинно внимания требование рецензента о необходимости в учебнике критического подхода к существующим концепциям и точкам зрения (разумеется, такой подход требовал самой серьезной аргументации со ссылкой на источники), другими словами, речь шла об историографической подаче материала ²⁷. Всячески приветствовалось рецен-

---

²³ Отчет об обсуждении книги о «Древнем Востоке» («История Древнего мира»).— Там же, 1938, № 1 (авторы: В. В. Струве, С. И. Ковалев).

²⁴ *Авдиев В.* Рец. на кн.: История Древнего мира: (Древний Восток).— Там же, 1938, № 1, с. 121—123.

²⁵ Там же, 1940, № 2, с. 154.

²⁶ Там же, с. 155.

²⁷ Там же, с. 156—157.

зентом творческое решение отдельных проблем, критическое отношение к источникам и др.²⁸

В обсуждении учебника по истории средних веков затрагивались главным образом проблемы методологии. Достоинством его, по мнению рецензентов, явилось то, что в учебнике впервые была последовательно проведена подлинно научная периодизация всеобщей истории, основанная на марксистско-ленинском учении о социально-экономических формациях²⁹. В числе серьезных недостатков отмечалось отсутствие материала по истории средневекового Востока, сосредоточение внимания на истории наиболее крупных европейских народов и др. (и в этом рецензенты видели влияние традиций буржуазной исторической науки). Требование критического отношения к теориям буржуазных историков по проблемам средневековья было четко сформулировано в рецензии.

Положительно были оценены усилия авторов учебника по разоблачению расовых «теорий» фашистских историков, при этом отмечалась исследовательская глубина и острота критики антимарксистских концепций о «германских» истоках западноевропейского феодализма³⁰. Авторы учебника справедливо противопоставили враждебным концепциям феодализма марксистское понимание феодализма, признание прогрессивности феодального способа производства по сравнению с рабовладельческим.

Творческое обсуждение ряда принципиальных вопросов феодальной формации было продолжено при рассмотрении второго тома учебника по истории средних веков на созванном редколлегией журнала «Историк-марксист» совещании в 1939 г.³¹ Внимание советских историков было сосредоточено прежде всего на проблемах развития капиталистических отношений в недрах феодализма, формирования буржуазии и пролетариата, образования абсолютных монархий, массовых революционных движений и ранних буржуазных революций. Не прошли участники совещания и мимо недостатков учебника, которые, по их мнению, носили частный характер.

---

²⁸ Там же, с. 158.

²⁹ Там же, 1939, № 1, с. 158—159. Авторы рецензии: Я. Зутис, З. Мосина, В. Семенов, М. Смирин.

³⁰ Там же, 1939, № 1, с. 160—161.

³¹ Там же, 1939, № 5—6, с. 272—275.

Участвовавшие в обсуждении неоднократно отмечали новаторский подход авторов учебников к решению многих проблем, исследовательский характер работы по созданию учебников. В то же время тщательно выявлялись слабости и недочеты, анализировались причины их появления. Образцом такого вдумчивого подхода, без сомнения, могла бы служить рецензия В. П. Волгина на первую часть учебника «Новая история» (1789—1870), опубликованная в журнале. Рецензия была сопровождена примечанием редколлегии о полном согласии с ее основными положениями³². Указав, что учебник явился «первым опытом» изложения истории «периода побед и утверждения капитализма в передовых странах» с марксистско-ленинской точки зрения, рецензент отметил ряд серьезных недостатков структурного и фактического характера, а также по существу рассматриваемых в книге проблем³³.

По мнению автора рецензии, которое было поддержано многими участниками обсуждения учебника в МГУ, в работе крайне скупо освещались вопросы культуры, бегло и неполно было показано развитие социально-политических идей, содержались неверные характеристики ряда политических партий, недостаточно внимания уделялось истории малых стран и др.³⁴ Многие из перечисленных недостатков были свойственны и второй части учебника «Новой истории» (1870—1918), на что указывал один из редакторов книги, В. М. Хвостов, выступивший на организованном в МГУ обсуждении³⁵. Его справедливые замечания были дополнены участниками обсуждения и касались характеристики II Интернационала, империалистической политики Антанты и др. В целом учебник получил положительную оценку за насыщенность конкретно-историческим материалом, методологическую и методическую правильность его подачи.

Таким образом, на страницах журнала «Историк-марксист» в той или иной форме получили свою оценку все учебники по всемирной истории, предназначенные для высшей школы. Исключение составил вышедший в 1940 г.

---

³² Там же, 1940, № 7, с. 106. Примеч. редакции.

³³ Там же, с. 106—110.

³⁴ Там же, с. 106—107; см. также: Отчет об обсуждении 1-й части «Новой истории» на заседании кафедры новой истории истфака МГУ.— Там же, с. 111—116.

³⁵ Там же, 1940, № 8, с. 118, 123.

первый том учебника новой истории колониальных и зависимых стран. Однако в процессе написания учебника в журнале в дискуссионном порядке была опубликована статья Г. С. Кара-Мурзы «Китай в 1918—1924 гг.»³⁶, предназначенная для второго тома указанного учебника. Редколлегия направила полученные в ходе обсуждения отзывы, не имея возможности ввиду обширности замечаний опубликовать их в журнале, в Сектор новой истории колониальных и зависимых стран Института истории АН СССР для использования в работе³⁷.

Столь же исследовательский характер, как об этом говорилось выше, носила работа над учебниками для высшей школы по истории СССР. К сожалению, замысел полностью реализовать не удалось: помешала война. Отдельные главы III тома, посвященного истории России начала XX в. и советского периода, публиковались в периодических изданиях, в том числе в журнале «Историк-марксист». По инициативе редколлегии было организовано обсуждение вышедшего в 1939 г. первого тома учебника «Истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.»³⁸, что вылилось по существу в обсуждение методологического аспекта исследовательской работы в области отечественной истории. Большое внимание было уделено вопросам периодизации истории СССР, ее критериям, освещению истории народов СССР, этногенезу и др.³⁹ Подчеркивалась необходимость более четкого прослеживания связи отечественной истории с мировой историей.

Оживленный обмен мнениями состоялся по вопросам историографии. Участники обсуждений, а также А. Сидоров и И. Кудрявцев — авторы опубликованной в «Историке-марксисте» рецензии — приветствовали включение в учебник историографических разделов и высказывали пожелания об их расширении, отмечали отсутствие историографии народов СССР⁴⁰. Наибольшие нарекания вызвали

---

³⁶ Там же, 1939, № 5-6.

³⁷ Там же, 1940, № 8, с. 158.

³⁸ Там же, 1940, № 4-5, с. 107—112. См. также отчет об обсуждении в ЛОИИ АН СССР. — Там же, с. 112—113.

³⁹ Там же, с. 108—110. См. также рец. А. Сидорова, И. Кудрявцева. — Там же.

⁴⁰ Там же, 1940, № 4-5, с. 200, 108, 109, 111.

историографические характеристики буржуазной науки. Было указано на такой методологический недостаток, как отсутствие связи исторической концепции с общим мировоззрением того или иного историка, что порой приводило авторов к серьезным просчетам и упрощенчеству. Именно такого рода недостатками была отмечена характеристика концепции М. Н. Покровского. Соглашаясь с оценкой взглядов Покровского как «антимарксистских», рецензенты решительно возражали против отнесения его к числу буржуазных историков⁴¹.

Советские историки расценивали выход первого тома учебника как «крупное событие на историческом фронте»⁴². Как серьезный вклад в историческую науку был охарактеризован второй том «Истории СССР», посвященный XIX в. Его обсуждение состоялось на сессии Отделения истории и философии АН СССР в марте 1940 г. С развернутым докладом о содержании учебника выступил член-корреспондент АН СССР И. И. Минц. Основные положения его доклада и прения нашли свое отражение на страницах журнала⁴³. По-прежнему участники обсуждения уделяли большое внимание вопросам периодизации истории СССР, освещению истории народов, связи отечественной истории со всемирно-историческим процессом и др. Много споров вызвала данная в учебнике характеристика войны 1812 г., оценка народничества, освещение вопроса о разложении крепостничества и др.

Авторы и участники обсуждения видели в учебнике исходный материал для развертывания дальнейших исследований малоизученных проблем, организации широких дискуссий. По мнению их, вышедшие вузовские учебники имели большое научное значение, отражали состояние советской исторической мысли, являлись стимулом ее дальнейшего развития. Именно с этих позиций советские ученые оценивали проделанную работу и весь комплекс учебников для высшей школы, который был создан к началу 40-х годов. В процессе создания учебников советские историки решали проблему разработки общей концепции всемирной истории.

---

⁴¹ Там же, с. 105—106.

⁴² Историк-марксист, 1940, № 4-5, с. 100.

⁴³ Там же, 1940, № 6, с. 138—142.

Подготовка учебников, учебных пособий, программ явилась своего рода репетицией для создания многотомников по всемирной истории и истории СССР. Подобная задача могла быть выполнена лишь совместными усилиями специалистов институтов истории, истории материальной культуры, востоковедения и других гуманитарных учреждений Академии наук. Основные авторские силы были сосредоточены в Институте истории. Многотомные обобщающие труды занимали центральное место в его планах⁴⁴. Активным помощником в этом стал журнал «Историк-марксист».

Опубликованные в журнале материалы позволяют увидеть первые шаги, предпринятые в этом направлении. В соответствии с замыслом корректировались исследовательские планы секторов института, обращалось внимание на разработку проблем, связывающих историю СССР с мировой историей⁴⁵. С 1937 г. многотомники заняли в планах Института истории и ряда институтов Академии наук ведущее место. Важным этапом в процессе создания многотомников явилась работа над проспектами, в которую включились сотрудники Сектора истории СССР, секторов истории средних веков и новой истории⁴⁶.

Значительной вехой в подготовительной работе явился доклад Н. М. Лукина об основных проблемах построения всемирной истории, с которым он выступил в апреле 1937 г. на собрании Отделения общественных наук АН СССР. Анализ опубликованного в журнале «Историк-марксист» текста доклада дал возможность сделать вывод о его большом методологическом значении: в нем были поставлены и отчасти решены такие принципиальные вопросы, как уточнение понятия «всемирная история», «периодизация», характеристика отдельных периодов и др.⁴⁷

В основу марксистской периодизации исторического процесса было положено деление истории на периоды — древний, средний и новый. Критерий периодизации, по мнению Лукина, сочетал в себе хронологический и синхронистический принципы с принципами смен социально-

---

⁴⁴ Там же, 1936, № 6, с. 250; 1937, № 5-6, с. 265.

⁴⁵ Там же, 1937, № 5-6; РО Института истории СССР АН СССР, ф. Ю-р, 090, оп. 1, д. 1, л. 1; д. 2, л. 1.

⁴⁶ Историк-марксист, 1937, № 5-6, с. 265.

⁴⁷ Там же, 1937, № 3, с. 8—10, 11, 15.

экономических формаций. Как отмечал докладчик, такой подход при создании обобщающего труда по всемирной истории давал возможность показать «не только смену социально-экономических формаций, но и их сосуществование на том или ином этапе всемирного исторического развития и выявить взаимную зависимость и взаимодействие различных человеческих обществ»⁴⁸. Всем своим содержанием будущая работа должна быть направлена против буржуазной науки с ее европоцентризмом. Новая марксистская обобщающая работа по замыслу несла заряд критики лженаучных теорий фашизма. Не случайно критика буржуазных концепций всемирной истории заняла такое большое место в докладе Лукина, которому удалось вскрыть классовый характер этих концепций: отрицание идеи прогресса, революционного взрыва, неизбежности социалистической революции. Все это свидетельствовало, по мнению Лукина, о методологической беспомощности и растерянности, господствующей в кругах современной буржуазной историографии, о глубочайшем кризисе исторической науки в капиталистических странах. Особо автор останавливался на критике реакционной германской историографии, подготовившей почву для фашизма с его псевдонаучными, человеконенавистническими, пропитанными расизмом «теориями», противоречащими всем данным подлинной науки.

Обстоятельно в работе Н. М. Лукина был рассмотрен вопрос о месте истории СССР в системе «всемирной истории». Принципиальные пути к разрешению этого вопроса были с исчерпывающей ясностью определены марксистско-ленинской теорией⁴⁹. Характеризуя будущее издание в целом, автор отметил и такую его черту, как стройность и целостность, единство установок и единство марксистско-ленинского метода.

Практически предполагалось завершить работу в течение второй и третьей пятилеток, создав 25—30 томов. Своевременность такого обобщения была очевидна, залогом успеха являлись достигнутые за годы Советской власти успехи марксистской историографии, утверждение в ней марксистско-ленинской концепции исторического процесса. К середине 30-х годов была создана обширная ис-

---

⁴⁸ Там же, с. 11.

⁴⁹ Там же, с. 19, 22—23.

точниковая база. Большими тиражами издавались произведения классиков марксизма-ленинизма. Направляющую роль играли постановления партии и правительства по общественным наукам и вопросам идеологии.

В ходе работы по созданию проспектов многотомников советские ученые уточнили периодизацию всемирной истории⁵⁰. В общих чертах она, как сказано, была изложена уже в докладе Н. М. Лукина. Период новой истории начинался с Великой французской буржуазной революции конца XVIII в.⁵¹ Новейший период мировой истории открывала Великая Октябрьская социалистическая революция. В общую схему была включена история колониальных и зависимых стран. Достойное место в обобщающем труде отводилось истории народов СССР.

Коллектив историков — создателей всемирной истории — работал в тесном контакте со специалистами по отечественной истории. В начале 1938 г. в журнале «Историк-марксист» одновременно с проспектом многотомника всемирной истории был опубликован проспект четырехтомника по истории СССР⁵². Это дало возможность открыть широкое обсуждение проспектов исторической общественностью.

Материалы журнала знакомят нас со следующим этапом в работе над многотомниками: подбор авторов и редколлегии. Несколько замедленный темп развертывания работы был вызван запятой большого числа специалистов подготовкой учебников, что и было отмечено в решении Президиума АН СССР⁵³. Однако весной 1938 г. стало возможным подвести первые итоги по многотомнику истории СССР. К этому времени число предполагаемых томов было решено увеличить с пяти до семи.

---

⁵⁰ Проект схемы многотомника всемирной истории. История средних веков, история нового времени. Ч. 1 и 2-я.— Историк-марксист, 1938, № 2. Историю средних веков предполагалось дать в девяти томах (см. также: Проект схемы многотомника всемирной истории. История Древнего мира.— Там же, № 3). Намечалось шесть томов.

⁵¹ Там же, 1938, № 2, с. 160.

⁵² Схема пятитомника по истории СССР.— Там же, 1938, № 1. Фактически была опубликована схема четырех томов. Предполагаемая публикация схемы пятого тома, о которой сообщалось в примечаниях редакции, не состоялась.

⁵³ Там же, 1939, № 2, с. 198.

Специальное совещание представителей ряда московских и ленинградских научных учреждений и филиалов АН СССР заслушало сообщения об организации и ходе работ по написанию отдельных томов истории СССР, с которыми выступили М. И. Артамонов, С. В. Бахрушин, Е. А. Мороховец. Наряду с организационными вопросами большое место в работе совещания (их созыв в дальнейшем сделался регулярным) заняли обсуждения спорных проблем⁵⁴. В ряде случаев на подобных совещаниях обсуждались отдельные главы многотомников⁵⁵.

С созданием в 1938 г. Отделения истории и философии АН СССР увеличилась возможность привлечения к работе над многотомниками специалистов, в том числе из республиканских академий. Подготовка томов обобщающих трудов явилась предметом ряда заседаний созданного отделения, материалы которых регулярно печатались в журнале «Историк-марксист»⁵⁶. Подготовка многотомника по истории СССР проходила в тесной связи с работой коллектива, создававшего «Всемирную историю»⁵⁷. К этому их

---

⁵⁴ В частности, при подготовке первых трех томов, освещавших ранние периоды истории СССР, возникли трудности в подаче материалов по истории Средней Азии и Кавказа.— Там же, 1938, № 3, с. 165—166.

⁵⁵ В журнале получила, например, подробное освещение работа созданного Главной редакцией «Всемирной истории» специального совещания по обсуждению одной из глав тома III «Истории Древнего Мира», посвященного крито-микенскому обществу и культуре (см. там же, 1940, № 2, с. 173). Несколько ранее журнал опубликовал по спорному вопросу историографическую статью Н. Машкина, в которой автор указывал на необходимость диалектического подхода к рассмотрению общественного развития Древней Греции, ее общественного строя. См. там же, 1939, № 4.

⁵⁶ Там же, 1939, № 3; 1940, № 4—5, 8 и др. В проспект издания были внесены коррективы: решено было сделать издание 12-томным и закончить к 1942 г. К началу 40-х годов было написано семь томов, завершался восьмой. Тома IX—XII должны были содержать историю СССР советского периода. Отдельные тома были макетированы и обсужданы исторической общественностью, в том числе на сессиях Отделения. Опубликованные в журнале материалы сессии дали наглядное представление о том круге научных проблем, которые возникли при написании томов.

⁵⁷ Результаты работы над «Всемирной историей» неоднократно докладывались на заседаниях Ученого совета Института истории и сессиях Отделения. Объем предполагаемого издания вырос до 32 томов (см. там же, 1940, № 4-5, с. 150). В журнале были опубликованы отдельные главы: *Эггерт З.* Крушение Германской империи в 1918 г.— Там же, 1939, № 4; *Рубинштейн Е.* Распад Габсбурга-

обязывала необходимость единства взглядов по всем проблемам исторического процесса.

Как показали материалы журнала «Историк-марксист», в ходе создания обобщающих работ был выявлен ряд проблем комплексного характера, решение которых предполагало совместные усилия специалистов по отечественной и зарубежной истории. К их числу принадлежала проблема этногенеза, в разработке которой требовалось участие археологов, историков, этнографов, лингвистов и др. Этой проблеме было уделено внимание в журнале «Историк-марксист».

Редколлегия приняла участие в созданном в сентябре 1938 г. Институтом истории АН СССР совещании по вопросам этногенеза⁵⁸. По существу была намечена программа исследований по этногенезу в стране: создана специальная комиссия при Отделении истории и философии, проведен ряд совещаний, в том числе по истории народов Севера⁵⁹, и др. Однако ведущее место в исследованиях было отведено этногенезу славянских народностей. Эта тема с конца 30-х годов заняла прочные позиции как в планах Института истории, так и в журнале «Историк-марксист»⁶⁰.

Редколлегия придавала большое значение организационным формам изучения славян, развития славяноведения. Журнал приветствовал создание Сектора славяноведения Института истории, кафедры по истории западных и южных славян в МГУ⁶¹. Большой интерес представляют опубликованные в журнале материалы сессий Отделения истории и философии АН СССР, посвященные славянской тематике. Многие доклады видных советских ученых, которые были заслушаны на заседаниях, были утеряны, и отчеты журнала «Историк-марксист» являются в ряде случаев единственным источником. Широкий характер приобрело обсуждение проблем истории славян на мартов-

ской монархии в 1918 г.— Там же, 1940, № 7; *Захарова М.* Из истории послевоенной Румынии.— Там же, 1940, № 11, и др.

⁵⁸ Историк-марксист, 1938, № 6, с. 201. Совещание носило широкий характер, в его работе участвовали сотрудники институтов этнографии, истории материальной культуры и др.

⁵⁹ Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры, 1941, вып. IX, с. 3—6.

⁶⁰ РО Института истории СССР АН СССР, ф. Ю-р, 090, оп. 1, л. 2, л. 14.

⁶¹ Историк-марксист, 1940, № 6, с. 142.

ской 1940 г. сессии Отделения. Опубликованный в журнале отчет сравнительно полно передавал содержание докладов М. И. Артамонова «Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси», академика Н. С. Державина «Происхождение великорусского, украинского и белорусского народов»⁶².

И докладчики, и выступившие в прениях Ю. В. Готье, В. И. Пичета, С. В. Бахрушин, С. П. Толстов и др. связывали исследование проблем истории славян с работой над многотомниками по истории СССР. Наиболее спорным и трудным был вопрос о времени происхождения славян, о причинах, обусловивших возникновение славянства. Вторую группу вопросов, которые предстояло решать советским ученым, составляли вопросы образования восточных славян. Большое внимание было уделено критическому рассмотрению роли варягов в образовании Русского государства⁶³. Специально обсуждался термин «Русь».

Историографический характер носил доклад академика Н. С. Державина, который он сам рассматривал как опыт подведения итогов того, что сделано в науке по проблеме происхождения русского, украинского и белорусского народов. Развивая дальше проблему, Державин сделал вывод, что есть все основания говорить о наличии в среде древнерусских племен IX в. трех культурно-исторических центров: юго-западного, северо-западного, юго-восточного. Основным моментом, определившим окончательную дифференциацию славян на три группы племен, образовавших в процессе своего развития три народа: украинский, белорусский и великорусский, было феодальное раздробление Киевской Руси. Прения показали наличие спорного в трактовке ряда принципиальных вопросов ранней истории славянства, необходимость дальнейшего их всестороннего изучения.

Наряду с проблемой этногенеза славян активно обсуждались и другие проблемы славяноведения. Редколлегия журнала «Историк-марксист» наметила на 1941 г. выпуск специального номера, посвященного проблемам славяноведения⁶⁴. Трудности, которые редакция испытывала с

---

⁶² Историк-марксист, 1940, № 6, с. 136—138.

⁶³ Подробнее см.: Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973.

⁶⁴ Архив АН СССР, ф. 457, оп. 1 [1941], д. 11, л. 27.

получением материала для публикации (сказывалось небольшое количество специалистов по этой отрасли истории, сравнительно небольшой круг разрабатываемых сюжетов и др.), побудило ее рассредоточить статьи по нескольким номерам. Часть материалов не была опубликована. Те немногие, что были напечатаны, посвящены истории зарубежных славян⁶⁵.

Большой интерес представляла хорошо фундированная статья Н. С. Державина о развитии капитализма в Болгарии. Вместе с рассмотрением вопросов о формах производства, развитии городов, разложении натурального хозяйства, расширении торговли, консолидации национальной буржуазии и других моментах, сопутствовавших процессу капитализации Болгарии, автор коснулся и историографического аспекта проблемы. Две других статьи хронологически относились к периоду первой мировой войны и содержали исследования по вопросам отношения политических партий к войне, экономики, положения народных масс и др. В частности, в статье болгарских историков Хр. Кабакчиева и Г. Караколова прослеживалось влияние Великой Октябрьской социалистической революции на народные массы. Авторы отмечали решающее влияние революции на процесс революционизирования их, на развитие партии тесняков и принятие большевистских лозунгов⁶⁶.

В журнале была начата публикация статей по истории славяноведения как в зарубежной, так и в отечественной науке⁶⁷. Анализируя работы русских историков дореволюционного периода и зарубежных по проблемам славяноведения, авторы стремились прежде всего подчеркнуть принципиальные отличия в подходе к изучению истории славян в советской науке. Характерным моментом статей явился критический подход к «наследству» в области сла-

---

⁶⁵ Державин Н. К истории капитализма в Болгарии.— Историк-марксист, 1941, № 1; Кабакчиев Хр., Караколов Г. Болгария в первой мировой войне.— Там же; Густинич Д. Национальные движения словенцев накануне и в период войны 1914—1918 гг.— Там же, 1941, № 5.

⁶⁶ Там же, 1941, № 1, с. 70.

⁶⁷ Неедла З. К истории славяноведения до XVIII в.— Там же, 1941, № 2; Пичета В. К истории славяноведения в СССР.— Там же, 1941, № 3. Статья публикацией не закончена, предполагалось довести до современности.

вяповедения, к тем его сторонам, которые были пропикнуты идеей панславизма.

Особое внимание советские историки конца 30-х годов и редколлегия журнала уделяли проблемам истории Западной Украины и Белоруссии. Толчком к этому послужили политические события: освобождение в 1939 г. этих районов и вхождение в состав Украинской и Белорусской республик. Как сообщалось в журнале, в ряде учебных учреждений страны прошли специальные сессии, посвященные освобождению указанных областей⁶⁸. Большой насыщенностью фактическим материалом отличалась обобщающая статья В. И. Пичеты «Основные моменты в исторических судьбах народов Западной Украины и Западной Белоруссии»⁶⁹. Источниками ее послужили летописи, актовые материалы, исследования отечественных и зарубежных авторов. В центре внимания автора борьба украинского и белорусского народов за национальную независимость. Тема борьбы славянских народностей прочно заняла свое место в журнале «Историк-марксист». Редакция предполагала подготовить специальный номер журнала, посвященный «балтийскому вопросу»⁷⁰, т. е. теме непрерывающегося веками соперничества живущих по побережью Балтийского моря соседних народов, их борьбы за господство как в приморских областях, так и на самом море, значению борьбы русского народа за выход к Балтийскому морю.

С конца 30-х годов широкий размах стали приобретать исследования по истории Византии. Журнал «Историк-марксист» явился одним из активных участников состоявшегося в ноябре 1938 г. в Институте истории АН СССР совещания историков, работавших в области византиноведения⁷¹. Это было широкое собрание специалистов, на

---

⁶⁸ Историк-марксист, 1941, № 2, с. 140. Прочитаны доклады: «Далекое прошлое Западной Украины и Западной Белоруссии» (Б. Д. Греков), «Народные движения Галицко-Волынской Руси XII—XIII вв.» (В. В. Мавродин), «Украинские и белорусские летописи» (М. Д. Приселков) и др.

⁶⁹ Историк-марксист, 1939, № 5-6.

⁷⁰ Архив АН СССР, ф. 457, оп. 1 [1941], д. 11, л. 27. Выпустить целиком номер не удалось: его материалы оказались рассредоточены. См. статьи: Готье Ю. «Балтийский вопрос» в XIII—XVI веках.— Историк-марксист, 1941, № 6; Зутис Я. Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв.— Там же, 1940, № 3; Он же. «Балтийский вопрос» в политике великих держав.— Там же, 1941, № 2.

⁷¹ Историк-марксист, 1939, № 2, с. 199.

котором обсуждался вопрос о состоянии в СССР научно-исследовательской работы в этой области, намечены ближайшие задачи, в частности участие в написании глав «Всемирной истории». Совещание указало на необходимость издания журнала по истории средних веков с разделом по истории Византии. Практически основная публикация материалов пала на «Вестник древней истории». Тем не менее в журнале «Историк-марксист» в историографическом аспекте рассматривались проблемы византизма, а также истории Древнего мира⁷². Решение ряда тем византийской истории, по мнению редколлегии журнала, подводило к исследованию многих вопросов феодального общества, способствовало связи истории средних веков Востока с историей средневекового Запада, а также с историей народов СССР, вело к углубленному проникновению в историю нашей страны.

Большая всепоглощающая работа по созданию обобщающих трудов и учебников не получила в силу объективных обстоятельств своего завершения, но стала импульсом к разворачиванию широкой и разнообразной тематики научных исследований. Являясь научно-координационным центром этой грандиозной работы, журнал постепенно, но последовательно приступил к постановке ряда методологически важных проблем отечественной и зарубежной истории.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА

Во второй половине 30-х годов журнал «Историк-марксист» все более расширял тематику и проблематику своих публикаций. Хронологически статьи и рецензии охватывали период от истории первобытного общества до современности. Впервые в нем регулярно стали печататься работы по истории Древнего мира, средних веков, археологии и этнографии. Количество их невелико, так как основная часть публиковалась в специальных изданиях. Особенностью опубликованного в журнале «Историк-марк-

---

⁷² В частности, была опубликована развернутая рецензия на первый том «Византийского сборника». — Там же, 1940, № 9, с. 157—158.

сист» материала был историографический подход. Большое внимание уделялось критическому рассмотрению работ буржуазных историков, выявлению методологических основ их концепций, методике исторического исследования, интерпретации фактического материала и др.

Журнал за небольшой отрезок времени своей деятельности (1936—1941 гг.) отразил процесс перестройки советской исторической науки, ее поворот к фронтальному исследованию марксистско-ленинской концепции всемирно-исторического развития. Расширение хронологических границ материала, тематическое их разнообразие были вызваны необходимостью воссоздания всего исторического процесса в целом. Однако это привело к известной пестроте журнального материала, что, в свою очередь, определило подход автора настоящей работы к освещению содержания журнала по узловым проблемам, под углом зрения методологических проблем отечественной и зарубежной истории.

Одним из ведущих направлений журнала в изучении всемирно-исторического процесса явилось конкретное исследование общественных формаций. Успехи советских историков в этом направлении были обусловлены их восприятием марксистско-ленинского учения о социально-экономических формациях, которое ускорило благодаря ряду теоретических дискуссий в предшествующий период ⁷³.

---

⁷³ Материалы дискуссии см.: Отчет о дискуссии в ОИМ.— Историк-марксист, 1930, № 16; *Малышев А.* О феодализме и крепостничестве.— Там же, 1930, № 15, 16; *Ефимов А.* Концепции общественно-экономических формаций у Маркса и Энгельса.— Там же, 1930, № 16; *Зеленский М.* О двух «новых» теориях происхождения и сущности крепостного хозяйства России.— Там же, 1930, № 20; *Газганов Э.* Против ревизии марксистско-ленинского учения о феодализме и крепостничестве.— Там же, 1931, № 22; Спорные вопросы методологии истории. Дискуссия об общественных формациях. Харьков, 1930; Против механистических тенденций в исторической науке. М.; Л., 1930; *Пригожин А.* Проблема общественных формаций.— Под знаменем марксизма, 1930, № 7—8 и др., а также: Очерки истории исторической науки. М., 1966. Т. IV; Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966. Журнал явился активным участником многих обсуждений, в центре внимания которых находились проблемы закономерности исторического развития, смены общественно-экономических формаций, критика глобальных концепций буржуазных социологов, отрицавших поступательное развитие общества и провозглашавших замкнутое развитие

Редколлегия журнала привлекла к публикации материалы о социально-экономических и политических процессах в рабовладельческих государствах, о кризисе рабовладельческого общества и появлении на сцене варварских обществ, об общине у восточных славян и древних германцев и др. Ряд работ был посвящен рассмотрению характерных черт феодальной формации как на материале отечественной, так и зарубежной истории, генезису капитализма и др. Большое внимание уделялось анализу социально-экономических процессов современного капиталистического общества, высшей его стадии — империализму.

Из перечисленных проблем наибольшее внимание советских историков было приковано к проблеме феодализма. Журнал «Историк-марксист» активно включился в обсуждение ряда спорных вопросов. Большое значение для понимания генезиса феодального способа производства имело изучение общественно-экономического строя Киевской Руси⁷⁴. В журнале были отмечены рецензентами все три издания обстоятельной работы Б. Д. Грекова о Киевском государстве⁷⁵. Ее содержание и опубликованные в связи с ней рецензии и историографические обзоры, а также рецензии на работы других авторов по этой же проблеме⁷⁶, публикации памятников Древней

по циклам «культур», «теорию факторов» и др. Многие из этих «теорий» по-прежнему в ходу у современных социологов. См.: Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1976.

⁷⁴ Начало дискуссии по проблеме общественного строя Древней Руси было положено докладом Б. Д. Грекова «Рабство в Киевской Руси», обсуждение которого состоялось в апреле 1933 г. в Государственной академии материальной культуры. Эта дискуссия явилась частью общей дискуссии, развернувшейся в советской исторической науке по проблемам теории исторического процесса. См.: Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 3-4, с. 79—80.

⁷⁵ *Базилевич К.* Рец. на кн.: Б. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1936.— Историк-марксист, 1936, № 2; *Бахрушин С.* Некоторые вопросы истории Киевской Руси.— Там же, 1937, № 3; *Тихомиров М.* Рец. на кн.: Б. Греков. Киевская Русь. 3-е изд. М.; Л., 1939.— Там же, 1940, № 2.

⁷⁶ *Тихомиров М.* Рец. на кн.: С. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939.— Там же, 1940, № 7; см. также рец. на переиздания работ: *Горье Ю.* Рец. на кн.: А. Пресняков. Лекции по русской истории. М.; Л., 1938.— Там же, 1938, № 4; *Лебедев В.* Рец. на кн.: Ключевский В. Курс русской истории. М., Л., 1937.— Там же.

Руси⁷⁷, исследовательские статьи⁷⁸ послужили исходным моментом для развертывания на страницах журнала таких принципиально важных вопросов, как общественный строй восточных славян, наличие или отсутствие рабовладельческой формации в Древней Руси, о времени возникновения феодализма, периодизации Киевской Руси, о классовой борьбе в ней и др. Работы С. Бахрушина, К. Базилевича, Ю. Готье, Б. Грекова, В. Лебедева, С. Юшкова и других историков были направлены против идеалистической дворянско-буржуазной историографии с ее представлениями о социально-политической и культурной отсталости восточных славян по сравнению с народами Западной Европы того времени, они наносили удар по «норманской теории»⁷⁹.

Советские историки отмечали заслугу М. Н. Покровского, который первым выступил с критикой дворянско-буржуазной историографии⁸⁰. В то же время его взгляды на Древнерусское государство были подвергнуты обстоятельному разбору и критическому анализу: отмечали его непоследовательность в оценке уровня развития славянских племен, преувеличение роли торговли в процессе образования Киевского государства и др.⁸¹

В ходе разработки отдельных сторон проблемы и широких обсуждений советские ученые пришли к выводу о высоком уровне развития восточных славян, о разложении у них к середине IX в. родовых отношений и создании классового общества. Большинство историков под-

---

⁷⁷ Юшков С. Рец. на кн.: Древнерусские летописи. М.; Л., 1936.— Там же, 1937, № 3; Рубинштейн Н. Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.: Сб. документов. М.; Л., 1936.— Там же, 1938, № 1; Юшков С. Об академическом издании «Правды Русской».— Там же, 1941, № 2, и др.

⁷⁸ Юшков С. Эволюция дани в феодальную ренту в Киевском государстве в X—XI вв.— Там же, 1936, № 6; Бахрушин С. К вопросу о крещении Киевской Руси.— Там же, 1937, № 2; Греков Б. Киевская Русь и проблема генезиса русского феодализма у М. Н. Покровского.— Там же, 1937, № 5-6; Он же. Автор «Слова о полку Игореве» и его время.— Там же, 1938, № 4; Приселков М. «Слово о полку Игореве» как исторический источник.— Там же, 1938, № 6; Тихомиров М. «Русская правда».— Там же, 1938, № 5, и др.

⁷⁹ Многие аргументы дворянско-буржуазной историографии по-прежнему используются зарубежными современными авторами работ, посвященных истории Древнерусского государства.— См.: Критика новейшей буржуазной историографии.

⁸⁰ Историк-марксист, 1936, № 2, с. 138.

⁸¹ Там же; 138, № 1937, № 5—6, с. 41—76.

держало точку зрения Б. Грекова о непосредственном переходе восточных славян от первобытнообщинного строя к феодальному, минуя рабовладельческий. Важной вехой в дискуссии о характере общественного строя Древнерусского государства, которая проходила в советской историографии в течение ряда лет, устно и в печати, явилось обсуждение доклада Б. Д. Грекова в Институте истории АН СССР в 1939 г.⁸² Текст доклада в виде сообщения был опубликован в журнале «Историк-марксист», там же дано краткое содержание выступлений участников дискуссии⁸³.

Спор шел главным образом между сторонниками признания существования рабовладельческой формации у восточных славян и сторонниками феодальной формации. Дискуссия показала необходимость углубленного изучения проблемы неравномерности исторического развития как в теоретическом плане, так и в плане конкретно-историческом на материале отечественной истории. Большое внимание было уделено вопросам разработки источниковой базы исследований, уточнению периодизации истории Киевской Руси, рассмотрению общественных отношений в ней, характеристике сельского населения и др. Тщательным образом были разобраны аргументы сторонников существования рабовладельческой формации: о большом количестве рабов и их производственном значении в Киевском государстве, о наличии городов-государств в Древней Руси, о существовании вече, о «революции рабов» и др.⁸⁴ В результате обсуждений П. П. Смирнов, А. В. Шестаков несколько пересмотрели свою точку зрения и говорили уже о рабовладельческом укладе, существовавшем в Киевской Руси в VIII—X вв., подчеркивая при этом своеобразную форму его существования⁸⁵. По-прежнему большие споры вызывала периодизация истории Киевского государства, выделение двух этапов в развитии феодальных отношений в Киевской

---

⁸² Подробнее см.: *Черепнин Л. В.* Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв.— В кн.: Новосельский А., Пашуто В., Черепнин Л. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 134—137.

⁸³ *Греков Б.* Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим? Дискуссия по докладу академика Б. Д. Грекова 4—11 июня 1939 г.— *Историк-марксист*, 1939, № 4.

⁸⁴ *Историк-марксист*, 1939, № 4, с. 191, 193—194.

⁸⁵ Там же, с. 194.

Руси: дофеодалного (IX—X вв.) и феодального (X—XIII вв.).

Дискуссия второй половины 30-х годов не могла решить многих вопросов, поставленных развитием исторической науки. Их решение стало возможным лишь впоследствии благодаря дальнейшим исследованиям⁸⁶.

В процессе подготовки обобщающих работ по истории СССР и всемирной истории, а также учебников выявились разногласия в трактовке понятия абсолютизма. Естественно, проблема привлекла пристальное внимание при обсуждении вышедших учебников. Журнал «Историк-марксист» фиксировал внимание на критическом разборе учебника по истории средних веков⁸⁷, в ходе которого серьезные возражения вызвала данная в книге формулировка абсолютизма. Подверглась сомнению точка зрения авторов, что «абсолютная монархия выполняет функцию защиты дворянства от усиливающегося напора буржуазии»⁸⁸. Такое определение уводило в сторону от основного и решающего антагонизма феодального общества — антагонизма между феодалами-крепостниками и эксплуатируемым ими крестьянством.

Столь же горячий интерес вызвали проблемы абсолютизма при обсуждении тома учебника по истории СССР. Участники созданного редколлегией журнала совещания отметили неудачное решение вопроса о возникновении централизованного абсолютистского государства, которое было отнесено ко времени Ивана III⁸⁹. Стало очевидным, что проблема абсолютизма должна быть предметом специального обсуждения исторической общественностью.

Для организации дискуссии в Институте истории АН СССР в 1940 г. была создана специальная комиссия, но с самого начала в ее работу включились сотрудники других учреждений Москвы и Ленинграда⁹⁰. Активное участие в дискуссии принял журнал «Историк-марксист»⁹¹. Опубликованные в нем материалы свидетельст-

⁸⁶ В результате дискуссии о переподизации феодальной эпохи в 1949—1951 гг. Киевская Русь IX—XI вв. стала рассматриваться как раннефеодалное общество.

⁸⁷ Историк-марксист, 1939, № 5-6, с. 272—275.

⁸⁸ Там же, с. 273.

⁸⁹ Там же, 1940, № 4-5, с. 111.

⁹⁰ Архив АН СССР, ф. 457, оп. 1 (1941), д. 9, л. 8—9.

⁹¹ Обсуждение проблемы абсолютизма.— Историк-марксист, 1940, № 6; Мосина З. К обсуждению проблемы абсолютизма.— Там

вовали о широком участии в дискуссии специалистов как по отечественной, так и по зарубежной истории.

В ходе дискуссии предметом обсуждения стали вопросы содержания понятия абсолютизма, времени возникновения, роли трудящихся масс и др. С докладом на тему «Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме» выступил С. Д. Сказкин. Наиболее полно он осветил вопросы о времени и условиях появления абсолютной монархии и об отношении ее к отдельным общественным классам, в особенности к буржуазии. Важнейшей предпосылкой появления западноевропейского абсолютизма, по мнению докладчика, явился разгром феодальной аристократии и городов. Абсолютная монархия способствовала консолидации класса буржуазии, которая, в свою очередь, сплачивала все революционные силы для борьбы с феодализмом. В докладе в общих чертах прослеживались этапы в развитии абсолютной монархии.

Выступивший в качестве содокладчика Б. Ф. Поршнев присоединился к тезису Сказкина, что абсолютная монархия есть одна из форм феодального, т. е. дворянского, государства, и уделил основное внимание вопросу о народных движениях и положении буржуазии при абсолютной монархии. При этом Поршнев выдвинул свое объяснение двойственному положению буржуазии, указал на наличие борьбы двух тенденций в буржуазном классе⁹².

Абсолютистскую монархию как политическую организацию дворянского класса трактовала в своем докладе З. Мосина⁹³. Она останавливалась на вопросе о взаимоотношениях абсолютизма с дворянством. Утверждение абсолютизма автор связывала с процессом разложения дворянства под влиянием растущих капиталистических отношений и необходимостью укрепления королевской власти в противовес феодальной аристократии.

Особенностью дискуссии явилось то, что в ней приняли участие специалисты по отечественной истории. Такой комплексный подход к решению столь важной методологической проблемы нужно рассматривать как явление положительное.

же; см. также: Поршнев Б. Чем было «третье сословие» во Франции XVII в.— Там же, 1940, № 2.

⁹² Там же, 1940, № 6, с. 64.

⁹³ Там же, с. 65.

С докладом о русском самодержавии выступил А. Л. Сидоров⁹⁴. В своей формулировке самодержавия он опирался на высказывания В. И. Ленина и И. В. Сталина. А. Л. Сидоров определял самодержавие как форму феодальной монархии, экономическая основа которой лежала в крепостничестве. Вслед за В. И. Лениным докладчик видел предпосылки образования абсолютной монархии в возникновении всероссийского рынка, зарождении буржуазных отношений внутри феодально-крепостнического общества. Появление самодержавия Сидоров относил к концу XVII в. и намечал этапы развития абсолютизма в России: феодальная монархия с боярской Думой (XVII в.), полный расцвет самодержавия (XVIII в.), эволюция самодержавия от дворянско-помещичьей монархии к монархии буржуазной (с реформ Александра II). На последнем этапе развития монархии докладчик выделял две хронологические вехи: крестьянскую реформу 1861 г., когда русское самодержавие сделало первый шаг в сторону буржуазной монархии, и революцию 1905—1907 гг., когда аграрной политикой Столыпина был сделан второй шаг к буржуазной монархии. Отличие русского самодержавия на этих двух этапах его развития от западноевропейского абсолютизма Сидоров видел в том, что русская буржуазия никакой борьбы с абсолютизмом не вела. В результате революции 1905 г. во время деятельности III Государственной думы, по мнению докладчика, создались известные предпосылки для блока между крепостниками-помещиками и верхушкой торгово-промышленной и банковской буржуазии. Однако, как подчеркивал Сидоров, в этом блоке руководящую роль сохраняли за собой помещики-крепостники.

Центральное место в выступлениях участников дискуссии С. Бахрушина, Е. Косминского, А. Шестакова, В. Лебедева и др. заняли вопросы о предпосылках возникновения абсолютной монархии, теснейшим образом связанные с вопросом о социальных корнях, классовой основе абсолютизма⁹⁵. В ряде выступлений содержалась критика концепции М. Н. Покровского об абсолютной монархии, которая у него была тесно связана с теорией «торгового капитала».

---

⁹⁴ Там же, с. 66—68.

⁹⁵ Историк-марксист, 1940, № 6, с. 66—67.

Советские историки пришли к выводу, что абсолютная монархия есть государство феодально-помещичье, дворянское. В России самодержавие ни по своему характеру, ни по функциям не отличалось от западноевропейского абсолютизма. Образование самодержавной монархии в России было отнесено к XVII в. и связывалось с образованием всероссийского рынка, складыванием буржуазии как класса. Не было достигнуто единства по второму дискутируемому вопросу: о предпосылках гибели абсолютизма, какими классами он ниспровергался. Одни историки были склонны чересчур упрощенно и прямолинейно понимать революционную роль буржуазии в период господства абсолютной монархии, забывая о движении угнетенных масс крестьянства, другие вообще не признавали революционной роли за буржуазией.

Дискуссия не была доведена до конца и явилась одним из этапов разработки в советской историографии проблемы абсолютизма⁹⁶. В ходе ее стало очевидным, что абсолютизм нельзя брать «в общем и целом», необходимо учитывать этапы его развития. Отсюда необходимость дальнейшего углубленного исследования всего комплекса вопросов на основе марксистской методологии, расширения источниковой базы, постановки ряда новых проблем, в частности о формировании и развитии бюрократической машины. Большое значение приобретало изучение идеологии абсолютизма и др.⁹⁷

---

⁹⁶ Обсуждениям в советской историографии проблемы абсолютизма в конце 30-х годов предшествовала борьба советских историков в 20-е годы с троцкистской концепцией русского исторического процесса, исходными положениями которой был тезис о «своеобразии развития России», ее «примитивности», о «внеклассовом» характере русского абсолютизма и др.; все эти положения были призваны подтвердить его теорию «перманентной революции». Критика советских историков была направлена и против меньшевистской концепции Г. В. Плеханова и попыток Слепкова воскресить эту концепцию. М. Н. Покровский справедливо утверждал ленинское положение, что монархия в России была дворянской. Однако деятельность его критики снижалась его собственной ошибочной концепцией «торгового капитала» и его роли в русском историческом процессе. Позднее, под влиянием критики, он отказался от нее. См.: *Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов*. М.; Л., 1933.

⁹⁷ В современной советской историографии дискуссия оценивается положительно. См.: *Вайнштейн О. Л. История советской историографии*. Л., 1968.

При всей своей незавершенности, что было естественным на том уровне развития исторических знаний, дискуссия имела большое значение и была направлена против русской дворянско-буржуазной историографии, ее положения о «специфическом и особенном» в развитии России, а также против зарубежной историографии с ее евразийской концепцией русской истории⁹⁸.

Интерес к проблемам истории общественной мысли был традиционен для журнала «Историк-марксист». Большой научный и политический смысл имело дальнейшее углубленное изучение проблемы перехода социализма от утопии к науке. Эта проблема в журнале решалась на материалах зарубежной и отечественной истории. Теоретико-методологической основой этих работ явилось марксистско-ленинское положение о соотношении в истории общего, особенного и единичного, что означало выявление взаимоотношения законов и особенностей развития русского социалистического утопизма и мировой (западноевропейской) утопически-социалистической мысли. Советские исследователи подходили к изучению утопистов как «предшественников» научного социализма.

Редколлегия придавала большое значение расширению источниковой базы исследований в этом направлении: в журнале систематически публиковались отзывы на работы западноевропейских⁹⁹ и русских социалистов-утопистов¹⁰⁰, на документальные материалы о практических шагах деятелей социалистического образа мыслей¹⁰¹.

Из опубликованных в журнале «Историк-марксист» работ, посвященных изучению западноевропейского уто-

---

⁹⁸ Некоторые положения евразийской концепции русской истории в модернизированном виде вошли в современную буржуазную концепцию о русском историческом процессе, в так называемую концепцию европеизирующейся культуры.— См.: Критика новейшей буржуазной историографии.

⁹⁹ *Измаильская В.* Рец. на кн.: Полное собрание сочинений Ж.-Ж. Руссо.— Историк-марксист, 1937, № 2; *Поршнев Б.* Рец. на кн.: Сен-Симон. Мемуары.— Там же, 1937, № 5-6; *К-ин А.* Рец. на кн.: Фурье. Избр. соч.— Там же, 1938, № 4.

¹⁰⁰ *И. Ф.* Рец. на кн.: Н. А. Добролюбов. Статьи.— Там же, 1936, № 2; *Бушуев С.* Рец. на кн.: А. Н. Радищев. Полн. собр. соч.— Там же, 1939, № 5-6; *Он же.* Рец. на кн.: Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. Т. I.— Там же, 1940, № 4.

¹⁰¹ *Бушуев С.* Рец. на кн.: Дело петрашевцев. Т. I.— Там же, 1938, № 2; *Он же.* Рец. на кн.: Декабристы.— Там же, 1939, № 5-6, и др.

пического социализма, по научному уровню выделялись исследования В. П. Волгина. Обобщающий характер носила статья Волгина «Политический радикализм накануне Французской революции»¹⁰², в которой рассматривались социальные идеи второй половины XVIII в. Большое место в работе было отведено крупнейшему идеологу мелкой буржуазии «века просвещения» Ж.-Ж. Руссо. Его политический трактат «Общественный договор» Волгин считал началом радикального, республиканского течения во французской политической мысли XVIII в. Он подчеркивал тезис о непризнании Руссо собственности естественным правом, отмечал исключительную последовательность его, верность идее общественного договора и народного суверенитета. В то же время автор статьи признавал ограниченность социальной концепции Руссо, не выходящей за грани буржуазного кругозора.

В отличие от буржуазной историографии Волгин придавал большое значение изучению «коммунистических» идей и доктрин XVIII в. Его привлекала личность аббата Мабли, признававшего коммунизм идеальным общественным строем. Волгин подчеркивал то новое, что внес Мабли в складывающуюся политическую идеологию буржуазии. Сближая теоретические основы политической системы Мабли, равно как и его социальные идеи, со школой Руссо, автор фиксировал различия в политических взглядах и подробно их анализировал. Справедливым был вывод Волгина о непоследовательности социалистов-утопистов: теоретически оправдывая возникновение революции и даже предвидя наступление века революции, Руссо протестовал против беспорядков, производимых «отупевшей чернью». Мабли, признавая право народа на восстание, боялся смут, с ним связанных. Логическим продолжением темы явилась статья В. П. Волгина «Развитие социалистических идей и Сталинская Конституция»¹⁰³. Автор ставил в ней ряд важных вопросов: о времени возникновения утопического социализма, о самом понятии «утопический социализм», рассматривал

---

¹⁰² Там же, 1939, № 3. Позднее статья вошла в монографию Волгина «Социальные и политические идеи во Франции. 1748—1789» (М., 1940). Отзыв на нее см.: Историк-марксист, 1941, № 2 (автор — А. Иоаннисян).

¹⁰³ Историк-марксист, 1940, № 1.

этапы его развития, характерные черты творчества отдельных его представителей (Т. Мора, Бабсфа, Сен-Симона, Фурье, Оуэна и др.). Для автора статьи был свойствен широкий исторический подход, критическая направленность против буржуазной историографии.

В большой литературе о гениальном французском утописте XIX в. Ш. Фурье не затерялась, однако, опубликованная в журнале «Историк-марксист» статья А. Р. Иоаннисяна «Источники проектов ассоциаций Фурье»¹⁰⁴. Впервые в советской историографии был так полно отражен вопрос об идейных предшественниках учения Фурье. В статье получили освещение ассоциативные планы и проекты французского мыслителя, подчеркивалась критическая направленность учения Фурье против капитализма.

В своих исследованиях идей утопического социализма в России советские историки базировались на марксистско-ленинском положении о необходимости изучения истории мысли в качестве опосредствованного отражения движения общественных отношений и общественных противоречий. Это требовало изучения истории революционных организаций и других форм классовой борьбы. К изучению общественного движения в России историки подходили с позиций ленинского учения о трех этапах русского освободительного движения.

Журнал «Историк-марксист» обратился к творчеству и общественной деятельности А. И. Герцена, опубликовав статью Н. С. Державина «Герцен и славянофилы»¹⁰⁵. Написанная с использованием широкого круга источников, статья содержала комплекс вопросов о зарождении и развитии революционно-демократической идеологии 40-х годов XIX в. в России, в ней четко прослеживались две тенденции русской буржуазной революции: либеральная и демократическая. Отправным моментом в исследовании деятельности Герцена и его взглядов 40-х годов для автора статьи явились ленинские характеристики А. И. Герцена как демократа, революционера, социалиста. Выявляя расхождения Герцена со славянофилами как представителями течения возникающей либеральной буржуазии, Державин тем самым опровергал вслед за

---

¹⁰⁴ Там же, 1939, № 1.

¹⁰⁵ Там же.

В. И. Лениным принадлежность Герцена к либеральному лагерю. В то же время автор отмечал непоследовательность в критике Герценом славянофильских идей.

Некоторые положения статьи, связанные с характеристикой славянофильства как течения общественной мысли России, отличались нечеткостью, свидетельствовали о недостаточной изученности этого сложного явления¹⁰⁶. Позднее журнал выступил инициатором обсуждения вопроса о славянофилах и славянофильстве в советской историографии, опубликовав как исходный материал для дискуссии прочитанный в Институте истории доклад С. С. Дмитриева¹⁰⁷.

Автор поставил ряд принципиальных вопросов: о времени возникновения славянофильства как направления, содержание славянофильской теории, взгляды славянофилов на экономические, социально-политические вопросы, в частности на общину, общая оценка течения и др. Ему удалось показать своеобразие этого направления русской общественной мысли, отличие от реакционной теории официальной народности, выяснить характерные черты славянофильства, как положительные, так и отрицательные, выявить истоки славянофильской идеологии. Но при этом автор не сумел избежать преувеличения прогрессивных моментов в славянофильской идеологии.

Обсуждение в Институте истории показало, что советские историки стремились дать всестороннюю оценку славянофильства, показать переплетение реакционных черт с прогрессивными, проследить его эволюцию¹⁰⁸. Од-

---

¹⁰⁶ Н. С. Державин писал о дореформенном славянофильстве как системе только буржуазных взглядов. Он справедливо отмечал слабую изученность в советской историографии этой важной темы. См.: Историк-марксист, 1939, № 2, с. 125.

¹⁰⁷ Историк-марксист, 1941, № 1.

¹⁰⁸ Ганичев И. Обсуждение доклада С. Дмитриева «Славянофилы и славянофильство». — Там же. В советской историографии точка зрения на славянофильство как на помещичье-буржуазную идеологию получила наиболее широкое распространение. См.: Дмитриев С. С. Подход должен быть конкретно-исторический. — Вопросы литературы, 1969, № 12; Дудзинская Е. А. Буржуазные тенденции в теории и практике славянофилов. — Вопросы истории, 1972, № 1; Она же. Идеино-теоретические позиции славянофилов накануне крестьянской реформы. — История СССР, 1972, № 5; Ковальченко И. Д. Изучение истории России периода капитализма (XIX — начало XX в.). — В кн.: Развитие советской исторической науки. 1970—1974. М., 1975; Вандалковская М. Г., Итенберг Б. С., Ор-

нако такой подход был присущ не всем историкам¹⁰⁹. Выяснилось, что некоторые историки полностью отрицали относительную прогрессивность идеологии славянофилов. Стала очевидной слабая изученность важнейших вопросов идеологии славянофилов: отношение к общине, национальный вопрос, взаимоотношения с «западниками», взгляд на социализм и др.¹¹⁰

Говоря о развитии русской общественно-политической мысли 30—40-х годов XIX в. в России, советские историки указывали на борьбу двух течений: революционно-демократического и либерально-буржуазного. Большую роль в этой борьбе играл В. Г. Белинский. Анализ его взглядов, концепции русского исторического процесса был посвящен ряд статей журнала «Историк-марксист». В. Шульгин, автор хорошо фундированной статьи «О знакомстве Белинского с работами Маркса и Энгельса», делал вывод, что Белинский был революционным демократом, утопическим социалистом, признававшим неизбежность капиталистического пути развития России¹¹¹. Шульгин придавал большое значение знакомству Белинского с западноевропейской социалистической мыслью, как утопической, так и с работами основоположников научного социализма — К. Маркса и Ф. Энгельса. Идея о передовой западноевропейской общественно-политической мысли как источнике общесоциологических и исторических воззрений русских революционеров-демократов

лик О. В., Рудницкая Е. А. Историография русского революционно-го движения XIX в.— В кн.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М., 1978. Вып. 2; Литературные взгляды и творчество славянофилов. М., 1978; *Дудзинская Е. А. Н. Г. Чернышевский и спор о русской общине.*— История СССР, 1978, № 5; *Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России.* М., 1978, и др.

¹⁰⁹ В опубликованной в 1939 г. статье Н. Л. Мещерякова «Западники и славянофилы» (см.: Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, 1939, вып. 4) идеология славянофилов рассматривалась как реакционная, помещичья. Подробнее см.: *Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России.*

¹¹⁰ Актуальность и важность изучения идеологии славянофильства очевидна. По-прежнему современные буржуазные социологи хотя бы представить славянофилов прогрессивной общественной группой, видят в них «первых народников» и др. См. подробнее: *Павлов А. Т.* От дворянской революционности к революционному демократизму. М., 1977; *Малинин В. А.* История русского утопического социализма. М., 1977.

¹¹¹ Историк-марксист, 1940, № 7.

В. Белинского, Н. Чернышевского, Н. Добролюбова получила свое выражение в статье С. Бушуева¹¹². Автор считал главным в исторических взглядах революционеров-демократов отстаивание ими интересов народных масс, главным образом крестьянства, борьбу с либерально-дворянскими и либерально-буржуазными историческими теориями. Значительное место автор уделял характеристике Белинского, Чернышевского и Добролюбова как историков, выявлению таких черт, как научность, принципиальность, последовательность, определенность политических взглядов, их партийность.

Важной чертой творчества революционных демократов в определении С. Бушуева было учение о противоречивом характере развития истории, признание идеи прогресса исторического развития, которое идет «скачками», в «благородных порывах», т. е. революционных формах. Четко прозвучала в статье мысль о связи русского исторического процесса с мировым историческим прогрессом, с мировой историей, которая была присуща русским революционерам.

Как и в предшествующий период, творчеству Чернышевского посвящена бóльшая часть работ, освещавших революционно-демократический этап освободительного движения в России XIX в. Статья С. Бушуева была специально посвящена формированию мировоззрения великого революционера, определяла место его в развитии передовой общественно-политической мысли России¹¹³. Среди факторов, влиявших на формирование социальных воззрений Чернышевского, автор статьи называл русскую действительность периода кризиса крепостничества и нарастания широкого крестьянского движения, восприятие Чернышевским материалистической философии Фейербаха, диалектики Гегеля. В своей работе С. Бушуев уделил внимание критике К. Марксом и Ф. Энгельсом утопического социализма Чернышевского.

---

¹¹² Бушуев С. Русская история в освещении революционных демократов (В. Белинского, Н. Чернышевского, Н. Добролюбова).— Там же, 1940, № 8.

¹¹³ Бушуев С. Формирование мировоззрения Н. Г. Чернышевского.— Там же, 1939, № 5-6. См. также: *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбова.— Там же, 1936, № 6; *Ярославский Ем.* О жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского.— Там же, 1939, № 5-6.

Круг революционеров-демократов, чья деятельность получила освещение в журнале, расширился. В связи с 100-летием со дня их рождений были опубликованы статьи о Н. Добролюбове¹¹⁴ и Д. Писареве¹¹⁵.

В статье Б. Горева Добролюбов изображен как последовательный революционный крестьянский демократ, соратник Чернышевского, автор многих работ в области политической, общественной и литературной мысли, дан его портрет как человека образованного, талантливого. Новым в подходе к творчеству Добролюбова была попытка рассмотреть его исторические взгляды.

Имя революционного демократа-просветителя, публициста и критика Писарева связывалось автором статьи с яркой и боевой страницей в истории радикальной и революционно-демократической публицистики России эпохи падения крепостного права, эпохи революционной ситуации. С. Бушуев отмечал прогрессивность научных идей Писарева, материалистичность воззрений, атеизм, в то же время обращал внимание на идеализм Писарева во взглядах на общество, непонимание им закономерности исторического развития.

Для работ советских историков, в которых анализировалась общественно-политическая и научная деятельность революционеров-демократов, была свойственна общая черта: их критическая направленность против взглядов буржуазных историков и идеологов, в частности против «Вех» — этого концентрированного выражения буржуазно-либеральной концепции русского освободительного движения. Все авторы стремились подчеркнуть знакомство революционеров-демократов с передовой общественно-политической мыслью Западной Европы.

Редколлегия сочла нужным обратить внимание историков на изучение вопроса о проникновении марксизма в Россию, опубликовав в дискуссионном порядке статью В. Шульгина¹¹⁶. Ставя вопрос о влиянии марксизма на русскую общественную мысль 40—60-х годов XIX в., редколлегия и автор исходили из ленинского положения о

---

¹¹⁴ Горев Б. Н. А. Добролюбов.— Там же, 1936, № 1.

¹¹⁵ Бушуев С. 100-летие рождения Писарева. Революционный демократ, просветитель.— Там же, 1940, № 10.

¹¹⁶ Шульгин В. К вопросу о проникновении марксизма в Россию в 40—60-х годах XIX в.— Там же, 1939, № 5-6.

поисках передовой мыслью России 40-х годов правильной революционной теории.

Придавая большое значение исследованию вопроса о распространении марксизма в России, редколлегия журнала стремилась публиковать материалы о революционной и теоретической деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса. Раньше уже отмечались многочисленные попытки редколлегии привлечь внимание историков к таким темам, как исторические взгляды классиков марксизма-ленинизма¹¹⁷. В связи со 120-летием со дня рождения Ф. Энгельса в журнале была опубликована статья Ем. Ярославского «Маркс и Энгельс о России», в которой автор приходил к выводу, что классики марксизма впервые дали научное освещение истории России, анализ классов и производственных отношений, дали прогноз русской революции¹¹⁸. Ярославский тщательно проанализировал литературное наследство великих революционеров о России, выделив в нем работы, посвященные истории России, переписку Маркса и Энгельса с русскими революционерами и общественными деятелями, переписку между собой, а также с деятелями международного рабочего движения по поводу русских дел, выступления вождей пролетариата против народников, анархистов, панславистов и др. Специальный раздел статьи был посвящен вопросу о распространении «Капитала» в России. Отмечая как факт большой исторической важности перевод этого монументального труда на русский язык. Ярославский, однако, большое внимание уделил теме проникновения марксизма в более ранний период, начиная с 40-х годов XIX в., и высказал тем самым солидарность со взглядами В. Шульгина.

Статья Ярославского была опубликована в номере, посвященном Ф. Энгельсу (1940, № 10). Журнал открывал-

---

¹¹⁷ В работе (см. гл. I монографии) говорилось о специальных номерах журнала, посвященных 50-летию со дня смерти К. Маркса в 1933 г. В 1935 г. был подготовлен специальный номер, посвященный 40-летию со дня смерти Ф. Энгельса, в котором содержалась подборка документов из архивов страны. Большой интерес представляла статья Г. Фридлянда «Энгельс об истории как науке», в которой прослеживался генезис основных идей исторического материализма, взгляды Энгельса сопоставлялись с выводами современной буржуазной историко-философской мысли. См. там же, 1935, № 5-6.

¹¹⁸ Там же, 1940, № 10.

ся публикацией статьи В. И. Ленина «Фридрих Энгельс», кроме того, содержал подборку высказываний об Энгельсе В. И. Ленина и И. В. Сталина. Исследовательские статьи журнала были посвящены традиционным для советской историографии темам: Маркс и Энгельс как историки, как вожди международного рабочего движения.

Источниковедческий и историографический характер носила статья Н. Андреева «Как работал Энгельс над вопросами средневековой истории». Это была одна из немногих работ в советской историографии, где анализировались источники работ Ф. Энгельса, содержался разбор ряда работ Энгельса по древней истории Ирландии, древних германцев.

Работа подобного рода стала возможной благодаря широкой публикации произведений К. Маркса и Ф. Энгельса: собрания сочинений, отдельных работ, воспоминаний и др.¹¹⁹, которую осуществлял ИМЭЛ при ЦК ВКП(б).

Значение этих публикаций советские историки видели и в разоблачении международного оппортунизма в основных вопросах стратегии и тактики международного рабочего движения. Ряд опубликованных в журнале исследований касался взаимоотношений К. Маркса и Ф. Энгельса с социалистическими партиями Англии, Германии, США, их деятельности в Коммунистическом Интернационале и деятельности Ф. Энгельса во II Интернационале¹²⁰.

---

¹¹⁹ *Рубинштейн Е.* Рец. на кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 14.— Там же, 1937, № 4; *Рымм Ф.* Рец. на кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Революция в Испании. Ст. п. корреспонденции.— Там же, 1937, № 4; *Зоркий М.* Рец. на кн.: К. Маркс. Господин Фогт.— Там же, 1939, № 4; *Удальцов А.* К публикации первой тетради «Хронологических выписок» К. Маркса.— Там же, 1939, № 3; *Сказкин С.* Рец. на кн.: К. Маркс. Хронологические выписки.— Там же, 1939, № 5—6; *Смирин М.* «Хронологические выписки» К. Маркса.— Там же, 1940, № 12; *Лебедев И.* Рец. на кн.: Ф. Энгельс. Заметки о войне.— Там же, 1941, № 2; *Степанова Е.* Рец. на кн.: Воспоминания о Марксе.— Там же, 1941, № 2, и др.

¹²⁰ *Зубок Л.* Энгельс и американское рабочее движение.— Там же, 1936, № 2; *Ленчнер С.* Рец. на кн.: Х. Лурье. Энгельс и основание II Интернационала.— Там же, 1937, № 1; *Кан С.* Из истории борьбы Маркса за пролетарскую партию в Германии.— Там же, 1940, № 9, и др.

В журнале было отмечено 90-летие со времени выхода в свет Манифеста Коммунистической партии¹²¹. Автор статьи видел в Манифесте программный документ с цельным и систематическим изложением основных принципов марксизма, главным стержнем которого является учение о всемирно-исторической роли пролетариата как класса, учение о превращении пролетариата в господствующий класс, т. е. учение о диктатуре пролетариата. Е. Рубинштейн останавливалась на вопросах о теоретическом, политическом значении Манифеста, о претворении его идей в жизнь.

Пионером марксизма в России был Г. В. Плеханов. Он первым решился бросить вызов народничеству и показать банкротство его идей¹²². Историки второй половины 30-х годов обратились к творчеству Плеханова, видя в нем выдающегося теоретика и популяризатора марксизма, защитника революционной теории Маркса от народников, махистов и других врагов¹²³. В журнале была опубликована статья И. Ганичева о борьбе Плеханова за материалистическое понимание истории. Рассматривая комплекс плехановских работ: «К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю», «О материалистическом понимании истории», «К вопросу о роли личности в истории», т. е. работы раннего периода творчества Плеханова, автор сосредоточивает внимание прежде всего на критике народнической социологии, ее субъективно-идеалистического характера¹²⁴. Такой подход он мотивирует тем, что работы были написаны в ходе полемики против идеологов народничества, но автор не указывает, что речь в них шла прежде всего о либеральном народничестве 90-х годов.

Заслугу Плеханова в борьбе с народничеством Ганич видел в том, что он вскрыл полную безнадежность утопических иллюзий народников о самобытности России

---

¹²¹ Рубинштейн Е. Манифест Коммунистической партии.— Там же, 1938, № 1; Коммунистический манифест и царская цензура.— Там же, 1938, № 2.

¹²² Подробнее см.: Водозапов Г. Г. От Чернышевского к Плеханову. Об особенностях развития социалистической мысли в России. М., 1969.

¹²³ Историк-марксист, 1938, № 6, с. 159.

¹²⁴ Ганичев И. Плеханов в борьбе за материалистическое понимание истории.— Там же, 1938, № 6.

(которую Плеханов, кстати, считал заимствованной у французских и немецких мелкобуржуазных публицистов, говоривших о «самобытности» своих стран), о реакционности капитализма, разоблачил теорию «героев и толпы», «критически мыслящей личности» и др.

Критику народничества автор рассматривал на фоне общей исторической концепции Плеханова, понимания им процесса исторического развития общественной мысли как борьбы материализма и идеализма.

Статья содержала критику в адрес Плеханова за отсутствие в его работах классового анализа эволюции народничества. Окончательный идейный разгром народничества, подводил итоги автор, был совершен великим вождем и организатором большевизма, гениальным продолжателем дела Маркса и Энгельса В. И. Лениным ¹²⁵.

Плехановская концепция исторического развития России — тема статьи И. Бровера «О некоторых теоретических корнях разногласий между большевиками и меньшевиками» ¹²⁶. Уже подзаголовок статьи — «Ленин и Плеханов о развитии капитализма в России» — говорил о сравнительном анализе взглядов Г. В. Плеханова и В. И. Ленина по указанному вопросу. Рассматривая взгляды Плеханова на дореформенную историю России и реформу 1861 г., автор статьи справедливо критиковал его за неправильное понимание крепостничества, за отношение к крестьянству не как к классу феодально-крепостнического общества, а как к «податному сословию», за отношение к реформе 1861 г. как простому изменению государством им же ранее установленного «правового порядка».

Основное внимание Бровер уделил сопоставлению взглядов В. И. Ленина и Г. В. Плеханова на пореформенное развитие России. Автор подчеркивал, что и в пореформенной России Плеханов не видел классовой борьбы крестьян против помещиков, борьбы, обусловленной сохранением значительных остатков крепостничества, а отсюда неизбежно приходил к ошибочным взглядам по

---

¹²⁵ Там же, с. 165.

¹²⁶ Там же, 1939, № 2. В статье анализировались ранние произведения Г. В. Плеханова в том числе: «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)», «Проект программы РСДРП», «Еще раз о принципах и тактике русских социалистов», «Наши разногласия», а также переписка с деятелями РСДРП.

вопросу о движущих силах надвигающейся буржуазной революции. Рассматривая плехановское понимание движущих сил революции, признание им крестьянства реакционной силой и ставку на буржуазию как на союзника пролетариата, Бровер пришел к заключению, что Плеханов только кокетничал с идеей гегемонии пролетариата, а на деле стоял против существа ее.

Таким образом, задолго до революции 1905—1907 гг., по мнению исследователя, в воззрениях Плеханова содержались в зародыше основные элементы будущей меньшевистской тактики. Напротив, уже в 90-е годы XIX в. в работах В. И. Ленина содержались основные элементы его учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и основы большевистской тактики в революции и тогда же, по мнению автора, Ленин сформулировал свое учение о гегемонии пролетариата ¹²⁷.

Обе статьи были написаны после выхода «Краткого курса истории ВКП(б)». Это сказалось на оценках народничества как реакционного утопического течения в целом, в том числе революционного народничества 70-х годов.

В русле концепции «Краткого курса» формировалась тематика статей по истории партии ¹²⁸.

В связи с 25-летием Пражской конференции партии большевиков в журнале была опубликована статья Ем. Ярославского, в которой он писал о «совершенно особом месте» конференции в истории большевизма ¹²⁹. Исходя из положения И. В. Сталина, автор видел значение конференции в том, что она объединила большевистские организации по всей стране в единую партию большевиков. В то же время статья подробно воссоздавала историю созыва конференции, ход заседаний, отклики в местных партийных организациях и была написана на большом фактическом материале с использованием ленинских работ, документов партии. Точка зрения на Пражскую конференцию как на конференцию, поло-

---

¹²⁷ Там же, с. 86.

¹²⁸ Подробнее см.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966, т. 2; 1970, т. 5; *Варшавчик М. А., Спирин Л. М.* О научных основах изучения истории КПСС. М., 1978, п др.

¹²⁹ *Ярославский Ем.* Пражская конференция партии большевиков.— Историк-марксист, 1937, № 1, с. 63.

жившую начало созданию партии большевиков, сказала в оценке II съезда партии. В отличие от работ первой половины 30-х годов в статье Ем. Ярославского, посвященной 35-летию съезда и опубликованной в 1938 г. в журнале «Историк-марксист», лишь фиксируется вхождение в историю социализма группы революционных марксистов «с несколько странным названием — большевик»¹³⁰. В статье содержались краткие, но емкие оценки ряда ленинских работ: «Что делать?», «Новые события и старые вопросы», «Шаг вперед, два шага назад», «К истории партийной программы», переписка с членами редакции «Искра» и «искровскими комитетами». Подробно Ярославский останавливался на вопросах, рассматриваемых на II съезде: об уставе партии, по национальному вопросу, о размежевании с оппортунистами, об отношении к эсерам и либералам и др.

Статьи Ярославского свидетельствовали о расширении источниковой базы исследований по истории партии. В журнале, в частности, регулярно печатались отзывы на многочисленные издания в этот период партийных документов¹³¹, работ В. И. Ленина¹³², его соратников по совместной борьбе¹³³. Журнал опубликовал ряд статей

---

¹³⁰ *Ярославский Ем.* Историческое значение II съезда РСДРП.— Там же, 1938, № 2, с. 16.

¹³¹ *Сидоров А.* Протоколы съездов конференций ВКП(б). 3-й съезд РСДРП.— Там же, 1937, № 3; *Дубровский С.* Рец. на кн.: Листовки петербургских большевиков. 1902—1907.— Там же, 1939, № 2; *Малаховский В.* Рец. на кн.: Большевицкая фракция IV Государственной думы.— Там же; *Бухбиндер Н.* Рец. на кн.: Большевицкая печать в тисках царской цензуры.— Там же, 1940, № 1; *Сидоров А.* Рец. на кн.: Петроградский пролетариат и большевицкие организации в годы империалистической войны.— Там же, 1940, № 6; *Баевский Д.* Рец. на кн.: Большевики в годы империалистической войны.— Там же, 1940, № 8; *Амбросенок П.* Рец. на кн.: Листовки Московской организации большевиков.— Там же, 1941, № 6, и др.

¹³² *Чернявский Е.* Рец. на кн.: В. И. Ленин. Сочинения 1917 г.: В 3-х т.— Там же, 1937, № 5—6; *Блюменталь С.* Рец. на кн.: Ленинский сборник. XXXI.— Там же, 1938, № 4; *Д. Б.* [*Баевский Д.*]. Рец. на кн.: В. И. Ленин, И. В. Сталин. К годовщине Октябрьской социалистической революции.— Там же, 1938, № 1; *Блюменталь И.* Ленинский сборник. XXX.— Там же, 1938, № 1; *Он же:* В. И. Ленин. Тетради по империализму.— Там же, 1939, № 4; *Он же.* Ленинский сборник. XXXII.— Там же, 1939, № 2; *Шекин О.* Рец. на кн.: Ленин в Петербурге.— Там же, 1939, № 3, и др.

¹³³ *Разгон И.* Рец. на кн.: Киров. Статьи и речп.— Там же, 1936, № 1; *Б. И.* [*Блюменталь И.*]. Рец. на кн.: С. М. Киров: Избр. статьи

о революционной деятельности Н. Баумана, М. Калинина, М. Фрунзе и др.¹³⁴.

Новым в тематике журнала во второй половине 30-х годов были статьи по истории партии в советский период. Характерной чертой их была большая фундаментальность, привлечение, как отмечалось выше, партийных документов, ленинских работ. Статья Д. Баевского была посвящена рассмотрению задач партии после свержения власти буржуазии, установления диктатуры пролетариата¹³⁵. Автор останавливался на специфических особенностях партийного строительства до VIII съезда ВКП(б), на партийно-политической работе в деревне. В статье широко использованы материалы периодических изданий и прессы.

В 1941 г. было отмечено 20-летие X съезда партии, провозгласившего переход к новой экономической политике. В журнале была опубликована специальная статья Э. Генкиной. Вопрос о значении съезда в жизни партии и страны освещался в статье А. Шелюбского¹³⁶. Определяя новую экономическую политику как путь к социализму, авторы подробно останавливались на раскрытии значения съезда в дальнейшем укреплении союза рабочих и крестьян, сплочении рабочего класса вокруг партии. Большое внимание они уделяли роли В. И. Ленина в борьбе с троцкистской оппозицией по вопросу о профсоюзах, анализу резолюции «О единстве партии».

Одной из центральных проблем журнала по-прежнему оставалась проблема революций: буржуазных и социалистических.

и речи.— Там же, 1938, № 1; *Рябов Н.* Рец. на кн.: Л. Кецовели.— Там же, 1938, № 4; *Мельчин А.* Рец. на кн.: Г. К. Орджоникидзе: Избр. статьи и речи.— Там же, 1939, № 4, и др.

¹³⁴ *Осинов К. Н.* Э. Бауман.— Там же, 1941, № 1; *Гохберг И., Аксенов Ю. М. И. Калинин* в период подполья.— Там же, 1940, № 10; *Анисимов П. И. В. Сталин* в годы сольвычегодской и вологодской ссылок.— Там же, 1940, № 9; *Москалев М.* Авлабарская большевистская типография.— Там же, 1940, № 4-5; *Сиротинский С. М. В. Фрунзе* в сибирской ссылке.— Там же, 1941, № 2.

¹³⁵ *Баевский Д.* Из истории строительства большевистской партии (октябрь 1917 — март 1919 г.).— Там же, 1941, № 2.

¹³⁶ *Генкина Э.* 20-летие X съезда партии.— Там же, 1941, № 3; *Шелюбский А.* Партийное строительство в восстановительный период.— Там же, 1941, № 6.

Анализ тематики статей по истории Великого Октября показал, что центр тяжести исследований переместился на процесс установления Советской власти на местах, в национальных районах¹³⁷. Впервые советские историки приступили к изучению процесса революционизирования армии¹³⁸. Периоду перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую была посвящена статья о Всероссийском съезде Советов, написанная на большом документальном материале, с использованием прессы¹³⁹. В статье был дан широкий анализ ленинских работ.

В журнале была предпринята публикация созданной в Институте истории АН СССР летописи важнейших событий — «Триумфальное шествие Советской власти»¹⁴⁰. По традиции журнал уделял внимание историкографическим обзорам документальных публикаций и монографических исследований советских историков. Неудачной была попытка дать анализ взглядов М. Н. Покровского на Великую Октябрьскую социалистическую революцию: его концепция была сконструирована из отдельных положений вне связи с контекстом, без учета времени высказываний¹⁴¹. Автор статьи пытался доказать, что Покровский отрицал закономерность Великого Октября.

На страницах журнала были опубликованы исследовательские статьи крупных деятелей революции О. Пятницкого и Н. Подвойского¹⁴². В их работах сочетались материалы мемуарного характера с тщательным анализом источников. Работам советских историков была свойствен-

---

¹³⁷ *Городецкий Е.* Легенда о «нейтралитете»: (Из истории Октябрьских дней 1917 г. в Киеве).— Там же, 1937, № 4; *Гасанов Г., Саркисов Н.* Советская власть в Баку.— Там же, 1938, № 5; *Гуковский А.* Победа Советской власти в Армении.— Там же, 1940, № 11, и др.

¹³⁸ *Разгон И.* Октябрьская социалистическая революция на Юго-Западном и Румынском фронтах.— Там же, 1937, № 4.

¹³⁹ *Бурджалов Э.* Первый Всероссийский съезд Советов.— Там же, 1937, № 3.

¹⁴⁰ *Историк-марксист*, 1939, № 3.

¹⁴¹ *Викторов И.* Ошибки М. Н. Покровского в оценке Октябрьской революции.— Там же, 1938, № 5.

¹⁴² *Пятницкий О.* Из истории Октябрьского восстания в Москве.— Там же, 1936, № 5; *Подвойский Н.* От Красной гвардии к Красной Армии.— Там же, 1938, № 1. Автор использовал в своей работе уникальные материалы о деятельности Наркомвоена в период становления нового военного аппарата и др.

па критическая направленность против меньшевистско-троцкистских схем истории Октября. Немногочисленность опубликованных в журнале работ объяснялась тем, что основные силы историков были подключены к написанию многотомной истории гражданской войны. В эти годы шла работа по подготовке второго тома, где получили освещение подготовка и победа вооруженного восстания в Петрограде и Москве, на фронте, II съезд Советов и первые шаги Советского правительства¹⁴³.

Основная масса исследований по истории первой русской революции 1905—1907 гг., опубликованных в журнале, была вызвана 35-летием ее. Обобщающий характер носила статья А. Л. Сидорова «Начало первой буржуазно-демократической революции в России»¹⁴⁴. Она интересна как показатель уровня исследований советских историков в новый период советской исторической науки, свидетельство усвоения ленинской концепции революции 1905—1907 гг.

Подробно остановившись на предпосылках революции, отметив вступление России в фазу империалистического развития, развертывание рабочего и крестьянского движения, его политического характера, показав организующую роль партии большевиков, автор остановился на освещении политического кризиса, политической ситуации, приведшей к революции. Советские историки определяли ее как народную и пролетарскую по средствам борьбы и указывали как на новое явление на массовую политическую стачку, на необходимость вооруженного восстания. Статья содержала критику троцкистско-меньшевистского взгляда на революцию 1905—1907 гг. как буржуазную и буржуазию как решающую ее силу. Советские историки противопоставляли этому ленинское учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, ленинское учение о пролетариате — гегемоне буржуазно-демократической революции, о союзе пролетариата с крестьянством. В статье была дана критическая оценка взглядов М. Н. Покровского на Первую русскую революцию¹⁴⁵.

---

¹⁴³ Основная масса статей публиковалась в журнале «Пролетарская революция».

¹⁴⁴ Историк-марксист, 1940, № 2.

¹⁴⁵ Не аргументируя свои положения, Сидоров сделал вывод, что у М. Н. Покровского совершенно стирается грань между бур-

Новым в тематике журнальных статей по истории революции 1905—1907 гг. было освещение революционных событий в национальных районах и отдельных областях России. Статья П. Г. Дауге «Революция 1905—1907 гг. в Прибалтике» вводила в научный оборот ценные документальные источники на латышском языке. Автор подробно анализировал предпосылки революции, уделяя большое внимание социал-демократическому движению, детально рассказывал о ходе революционных событий, специально останавливался на характеристике партизанской войны в деревне, приводил лепинскую оценку этого явления, данную В. И. Лениным в статье «Партизанская война»¹⁴⁶.

На большом архивном материале, с использованием местной прессы была написана статья А. А. Мильштейна о вооруженном восстании в Сибири в 1905 г.¹⁴⁷ Изложив ход событий, проанализировав их, автор выявил особенности массового революционного движения в Сибири в отличие от движения на других окраинах царской России. В статье были даны яркие характеристики революционной деятельности большевиков С. М. Кирова, В. В. Куйбышева, Ем. Ярославского и др.

Тема международного влияния Первой русской буржуазно-демократической революции на национально-освободительное движение народов Востока была традиционной для журнала. Используя большой архивный материал, воспоминания участников революционных событий, газетные публикации, Е. Бор-Рамепский исследовал вопрос об участии большевиков Закавказья в Иранской революции 1905—1911 гг.¹⁴⁸

Творчески овладевая ленинским анализом международного революционного движения, выясняя коренные отличия социалистической революции от буржуазной, советские историки во второй половине 30-х годов успешно продолжили конкретную разработку тематики и пробле-

---

жуазно-демократической революцией и социалистической, а следовательно, его характеристика революции ничего общего не имеет с ленинизмом.

¹⁴⁶ Историк-марксист, 1940, № 11.

¹⁴⁷ Мильштейн А. Вооруженное восстание в Сибири в 1905 г.— Там же, 1940, № 8.

¹⁴⁸ Бор-Рамепский Е. К вопросу о роли большевиков Закавказья в Иранской революции 1905—1911 годов.— Там же, 1940, № 11.

матики западноевропейских буржуазных революций XVII—XIX вв. Ряд статей журнала рисовал общую картину революционного движения и национально-освободительной борьбы в странах Западной Европы на протяжении XIX столетия¹⁴⁹. Некоторые из статей свидетельствовали о повороте историков к изучению новых сюжетов¹⁵⁰.

По-прежнему наибольшее внимание в журнале отводилось истории Французской буржуазной революции конца XVIII в., особенно в связи со 150-летним ее юбилеем. В 1939 г. редколлегия подготовила и выпустила специальный номер, посвященный знаменательной дате. Он открывался статьей Ем. Ярославского «Классики марксизма о Французской буржуазной революции XVIII века»¹⁵¹. Она свидетельствовала о стремлении советских историков к дальнейшему углубленному изучению марксистско-ленинской концепции исторического развития. Анализируя широкий круг работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, автор останавливался на освещении ряда теоретически важных вопросов, поднятых классиками марксизма-ленинизма: о типах революций, о различиях между пролетарской революцией и революцией буржуазной, о революционной преемственности и др. Базируясь на высказываниях К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, Ярославский нарисовал своего рода социально-политический портрет Французской революции, указав на ее буржуазный характер, буржуазию рассматривал как ведущую силу, которая выступала в союзе с крестьянством, анализировал главные лозунги, историческое значение революции.

Основные силы советских историков были прикованы к созданию обобщающих трудов по истории революции конца XVIII в., в ходе этой работы в журнале были опубликованы отдельные исследования¹⁵². Советские ученые продолжали исследование социально-экономических предпосылок революции. В статье С. Д. Сказкина иссле-

---

¹⁴⁹ Мицкун Н. Восстание 2 мая 1808 г. в Мадриде.— Там же, 1940, № 9; Молок А. Как июльская революция 1830 г. была встречена в провинции.— Там же, 1936, № 6; Лейхтблау П. Революция 1848 г. и царская цензура.— Там же, 1940, № 7, и др.

¹⁵⁰ Например, статья А. Молока, написанная на широкой документальной основе и содержащая критику зарубежной историографии.

¹⁵¹ Историк-марксист, 1939, № 3.

¹⁵² Например: Авербух Р. Политика европейских держав в 1787—1789 годах.— Там же, 1939, № 3.

довалась дифференциация французского крестьянства накануне революции, были пересмотрены выводы о степени расслоения крестьянства, существовавшие в русской буржуазной историографии¹⁵³.

Стремясь расширить изучение движения народных масс в преддверии революции, редколлегия опубликовала доклад Б. Ф. Поршнева, прочитанный на юбилейной сессии Отделения истории и философии АН СССР в связи со 150-летием революции¹⁵⁴. Работа содержала общие выводы о значении крестьянских и плебейских восстаний, их тенденцию, давала периодизацию. Тема народных восстаний была популярной в журнале. В статьях Е. В. Тарле и К. П. Добролюбского рассматривалось преринальское восстание 1795 г., его социальный состав, ход, характер, социальная направленность¹⁵⁵.

Вклад журнала в освещение проблемы западноевропейского революционного движения не будет полным, если не учесть той постоянной и последовательной его деятельности в области критики буржуазной историографии, отечественной и зарубежной, различного рода оппортунистических и ревизионистских измышлений. Естественно, наибольшее внимание было уделено историографическому анализу работ, посвященных Французской революции конца XVIII в. Юбилей вызвал поток литературы во Франции, Англии, Германии и других странах.

Нет необходимости перечислять все книги, на которые напечатаны отзывы на страницах журнала. Анализ этих рецензий позволил выявить общие моменты, присущие работам буржуазных историков. Советские историки прежде всего обращали внимание на методологическую основу работ, классовый подход, научную объективность, историзм. Как на новые явления в зарубежной историографии они указывали на расширение тематики, включение в орбиту исследований истории движения народных масс; на привлечение большого числа документальных ма-

---

¹⁵³ Сказкин С. Дифференциация крестьянства во Франции накануне революции 1789 г.: «Пахарни» и «поденщики» в Шампани в XVIII в.— Там же, 1936, № 2.

¹⁵⁴ Поршнев Б. Крестьянские и плебейские движения XVII—XVIII вв. во Франции.— Там же, 1939, № 4.

¹⁵⁵ Тарле Е. Преринальское восстание 1795 г.— Там же, 1936, № 4; Добролюбский К. К истории преринальского восстания 1795 г.— Там же, 1938, № 3.

териалов, введение в научный оборот новых архивных источников. Однако некоторые авторы мнимой объективностью прикрывали политическую направленность своих работ, их антинаучность, антидемократизм и субъективизм. Отмечали советские ученые преувеличение роли личностей в историческом процессе ¹⁵⁶.

Наиболее показательной в плане данной выше характеристики буржуазной историографии была интерпретация проблемы якобинской диктатуры — этого наивысшего подъема Французской революции. Рассматривая так называемую «демократическую школу» во французской историографии и отмечая разногласия между отдельными группами этого направления (Ж. Мишле, А. Олар, А. Матьез и др.), Ф. Ф. Козлов в статье «К вопросу о якобинской диктатуре» прежде всего подчеркнул то общее, что было свойственно их подходу: отсутствие объективного всестороннего анализа конкретно-исторической действительности и, напротив, преувеличенное выпячивание одних моментов, затушевывание других, что в итоге приводило к искажению исторической перспективы ¹⁵⁷. Критика французской историографии велась по таким важнейшим проблемам истории революции, как причины падения жирондистской партии и установления якобинской диктатуры, оценка исторической роли и значения Французской революции и др.

Резкую отповедь в журнале вызвала попытка фашистской историографии фальсифицировать историю Французской революции, что, по мнению автора статьи И. И. Зильберфарба, было связано с ожесточенной борьбой фашизма против демократии и прогресса ¹⁵⁸. Отмечая наличие в фашистской историографии двух тактических направлений: из которых одно — грубое и примитивное искажение истории революции и другое — приспособление истории

---

¹⁵⁶ Лукин Н. Рец. на кн.: С. Уорд. М. Робеспьер (исследование душевного перерождения). Лондон. На англ. яз.— Историк-марксист, 1936, № 2; Я. С. [Старосельский Я.]. Рец. на кн.: Эд. Майер. Экономическая и социальная политика робеспьеристской коммуны. Париж. На фр. яз.— Там же; Васютинский А. Рец. на кн.: Томпсон. Робеспьер. Оксфорд. На англ. яз.— Там же, 1939, № 5-6.

¹⁵⁷ Историк-марксист, 1939, № 3, см. также примеч. от ред. к публ. ст.: Матьез А. Революционное правительство.— Историк-марксист, 1936, № 3, и др.

¹⁵⁸ Зильберфарб И. Фашистские фальсификаторы истории Французской революции.— Историк-марксист, 1939, № 3.

революции для своей демагогической пропаганды фашизма, автор делал вывод об опасности второго направления ввиду его утонченности, маскировки. Советский историк тщательно прослеживал зарождение реакционных течений в историографии Французской революции как в самой Франции, так и в Италии, Германии.

Впервые на страницах журнала «Историк-марксист» появились исследования об Английской революции XVII в. В связи с 250-летием революции 1688 г. была опубликована статья В. Ф. Семенова¹⁵⁹. Отталкиваясь от общей оценки Английской буржуазной революции 1642—1649 гг., автор анализировал причины, движущие силы, ход так называемой «славной революции» 1688 г. В своем исследовании Семенов опирался на характеристики, данные К. Марксом и Ф. Энгельсом этому узкоклассовому заговорщическому перевороту, поставившему у власти «наживал из земледельцев и капиталистов»¹⁶⁰. Статья содержала небольшое историографическое введение, в котором критически были рассмотрены работы английских буржуазных авторов.

Интенсивная работа советских историков по проблемам английских революций, результаты которой частично получили освещение на страницах журнала¹⁶¹, привела к пересмотру общей периодизации всемирной истории. В процессе создания многотомной всемирной истории, при обсуждении отдельных томов много внимания было обращено на выявление границ отдельных периодов. Как отмечалось выше, в схеме многотомников начальный рубеж периода новой истории был отнесен к концу XVIII в.

---

¹⁵⁹ Семенов В. К 250-летию английской «славной революции» 1688 г.— Там же, 1938, № 3.

¹⁶⁰ Там же, с. 51.

¹⁶¹ См., например: Лавровский В. Рец. на кн.: С. И. Архангельский. Аграрное законодательство Великой английской революции 1643—1648 гг.— Там же, 1936, № 6; Архангельский С. Распродажа коронных владений в Англии во время республики и протектората.— Там же, 1937, № 2, и др. Предполагалась публикация статьи В. М. Лавровского «Английская буржуазная революция XVII в. в оценке классиков марксизма-ленинизма» (см.: РО Института истории СССР АН СССР, ф. Ю-р, 090, оп. 1, д. 2, л. 13, 15). Постоянно рецензировались работы зарубежных историков, например: Васютинский В. Рец. на кн.: Эшли. Финансовая политика протектората Кромвеля. На англ. яз.— Там же, 1936, № 6; Он же: Лильберн. Памфлеты. М., 1938.— Там же, 1938, № 4; Архангельский С. Мэдж. Описи коронных земель. На англ. яз.— Там же, 1939, № 1, и др.

Однако в ходе конкретного изучения процессов, происшедших в недрах феодального общества, советские историки пришли к выводу о целесообразности перенесения границ нового времени.

На состоявшейся в ноябре 1940 г. сессии Отделения истории и философии АН СССР был заслушан доклад Е. А. Косминского о всемирно-историческом значении Английской буржуазной революции XVII в. в связи с ее 300-летием¹⁶². По своему содержанию доклад был шире проблемы, обозначенной в заголовке, ибо в нем докладчик поставил вопросы периодизации всемирной истории. В частности, водоразделом между средними веками и новой историей, по мнению Косминского, являлась Английская революция XVII в. К сожалению, текст доклада не сохранился, и единственным источником остается журнал «Историк-марксист», в котором была опубликована информация об обсуждении.

Постановка проблемы периодизации имела большое теоретическое значение. В течение 1940 г. вопросы периодизации обсуждались в Институте истории АН СССР¹⁶³. И хотя они носили предварительный характер, несомненно, подготовили принятие новой периодизации, предложенной Косминским. Новая периодизация открывала возможности углубленного изучения процессов разложения абсолютистской монархии и вызревания капиталистических отношений внутри феодального общества. Точка зрения Косминского прочно утвердилась впоследствии в советской историографии¹⁶⁴.

Расширение границ исследований, обогащение тематики и проблематики советской исторической науки второй половины 30-х — начала 40-х годов благотворным образом сказалось на деятельности журнала «Историк-марксист» этого периода. Но журнал не просто отражал те или иные явления советской историографии, он был активным проводником новых идей, организатором перестройки советской исторической науки в соответствии с задачами идеологической работы в условиях социализма.

---

¹⁶² Там же, 1940, № 12, с. 130—132.

¹⁶³ РО Института истории АН СССР, ф. Ю-р, 090, оп. 1, д. 2, л. 13, 15.

¹⁶⁴ Подробнее см.: *Вайнштейн О. Л.* История советской медицины. Л., 1968; *Дунаевский В. А.* Советская историография новой истории стран Запада, 1917—1941 гг. М., 1974.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Журнал «Историк-марксист» — первый советский исторический журнал по всемирной, отечественной и зарубежной истории. Его создание в середине 20-х годов стало возможным благодаря успехам советской исторической науки. Журнал формировался на ленинских принципах партийной и научной печати, основополагающими в его работе стали постановления партии и правительства по идеологическим вопросам.

Журнал создавался как научный центр. Его структура и основные направления публикаций были обусловлены его характером научного издания широкого профиля. Журнал объединил вокруг себя большой коллектив авторов, ведущую роль в котором играли историки-марксисты первого поколения, прошедшие школу революционной борьбы. Журнал стал одним из центров воспитания молодых историков.

Созданный в период становления советской исторической науки, журнал активно включился в осуществление главной цели — утверждение марксистско-ленинской концепции исторического процесса. Он принял участие в идейном разгроме буржуазной и мелкобуржуазной идеологии и историографии, что было жизненно важным для становления и развития советской исторической науки.

Являясь координирующим центром, журнал во главу угла своей деятельности поставил решение методологически важной задачи: создание с позиций марксизма-ленинизма подлинно научной истории общества.

В первый период своего существования, 20-е — первая половина 30-х годов, журнал сосредоточил свое внимание на решении проблемы мирового революционного движения, его закономерности и преемственности этапов. Ведущей темой журнала стала история Великого Октября, что повлияло на формирование тематики журнала.

В области отечественной истории журнал сосредоточил свое внимание на освещении этапов русского рево-

люционного движения XIX — начала XX в., в том числе истории трех российских революций, и рассматривал это движение как часть мирового революционного процесса. Включая в орбиту исследований наряду с русским революционным движением историю западноевропейских революций XVIII—XIX вв., журнал подходил к ним с позиций решения главной задачи: выявления на конкретно-историческом материале объективных закономерностей и социалистического характера Октябрьской революции, принципиальных различий между революцией социалистической и буржуазными.

Второй период деятельности журнала, вторая половина 30-х — начало 40-х годов, совпал с утверждением марксистско-ленинской концепции исторического процесса и дальнейшим развитием советской исторической науки. Деятельность журнала в новых условиях потребовала перестройки его в направлении расширения хронологических границ публикуемого в журнале материала: от истории первобытнообщинного строя до современности.

Боевой программой перестройки журнала стали постановления партии и правительства 1934—1936 гг. Перед советской исторической наукой была поставлена задача создания учебников по истории, реорганизация исторического образования в стране. Одновременно началась обширная работа по написанию многотомной всемирной истории и истории СССР.

Результаты усилий советских ученых по претворению в жизнь столь масштабных планов нашли свое отражение на страницах журнала. Одновременно журнал выступал как научный организатор, направляя внимание исследователей на разработку наиболее актуальных проблем. Наряду с традиционными темами и проблемами по истории революций и революционного движения все большее значение стали приобретать исторические исследования общественно-экономических формаций, общественно-политической мысли (развитие ее от утопического социализма к социализму научному), периоды и этапы мирового исторического процесса и др.

Анализ деятельности журнала и его содержания позволил сделать вывод об активной роли его в становлении советской исторической науки и значительном вкладе в ее дальнейшее развитие. Характерной чертой творческой деятельности журнала явилась последовательная и неус-

танная борьба с враждебной марксизму-ленинизму идеологией.

Работа над журналом «Историк-марксист» дала автору возможность сделать ряд общих наблюдений над таким специфическим историографическим источником, как журнал¹. Изучение показало, что опубликованные в журнале материалы можно рассматривать как источники, отражавшие формирование историографии, и факторы, влиявшие на это формирование. В состав этой группы входят опубликованные на страницах журнала постановления партии и правительства по идеологическим и историческим вопросам, работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. С полным основанием к числу формирующих науку факторов можно отнести и многие редакционные передовые статьи журнала, в которых содержались установочные положения, подводившие итоги исследований и намечавшие задачи на будущее.

Вторую группу составили источники, отражавшие состояние советской исторической науки. Эту группу формируют опубликованные в журнале исследовательские статьи, публикации, рецензии, хроника. Изучение этого круга материалов позволило выявить устойчивость и смелую проблематику исторических исследований. На протяжении 20-х — начала 40-х годов ведущими в историографическом исследовании оставались темы истории революции и революционного движения.

Изучение журнала «Историк-марксист» выявило особую роль дискуссий в развитии советской исторической науки. В них получило непосредственное отражение состояние научной жизни историков, бытие научной мысли, научный поиск. Дискуссии о социально-экономических формациях, об идейных «корнях» большевизма, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую и др. составили целую эпоху в развитии советской исторической науки, подготовили победу марксистско-ленинской концепции истории в советской историографии.

Одним из условий успешного развития научного исследования является постоянное расширение источниковой

---

¹ Подробнее см.: *Алаторцева А. И.* Историческая периодика и преподавание истории исторической науки. — В кн.: *Вопросы историографии в высшей школе.* Смоленск, 1975.

базы, совершенствование приемов публикации и изучения источников. Эти и другие показатели проанализированы на материале «Историка-марксиста».

Существенно обогатили представление о направлениях в целом в советской исторической науке материалы критико-библиографического отдела журнала. Содержание его дало возможность проследить и выявить особенности в исследовании отдельных проблем, отраслей исторического знания. Материалы этого отдела журнала позволили выявить принципы формирования марксистской исторической критики.

Изучение журнала «Историк-марксист» — первого советского исторического журнала широкого профиля — дало возможность раскрыть значение его как историографического источника. Для периодики характерна и неизбежна некоторая пестрота тематики, что обусловлено ролью научной исторической периодики. Многопроблемность — вот с чем прежде всего пришлось столкнуться при изучении «Историка-марксиста». Опыт показал, что разобраться в обилии материала, выделить главные направления деятельности «Историка-марксиста» стало возможным благодаря детальному изучению его архивного фонда и фондов учреждений — современников журнала. Сложность структуры журнала и разнообразие опубликованного в нем материала вызвали необходимость применения специальной методики работы с ним.

Использование журнала «Историк-марксист» как историографического источника выявило несколько аспектов. Совокупное изучение всего материала, содержащегося в «Историке-марксисте», способствовало раскрытию существенных черт советской исторической периодики и советской исторической науки в целом, позволило проследить поступательную тенденцию развития советской исторической науки, обозначить основные направления ее, выявить особенности развития советской историографии в каждом из периодов ее развития, установить связь науки с актуальными задачами общественного развития нашей страны. Материалы журнала дали возможность показать плодотворные результаты политики Коммунистической партии и Советского правительства в области исторической науки, влияние директивных документов по вопросам идеологии на формирование ее ведущих направлений и проблематики.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авдеев Н. Н. 70, 73
Авдиев В. И. 231, 232
Авербух Р. А. 35, 73, 75, 82, 271
Адоратский В. В. 47, 73, 77
Аксаков И. С. 258
Аксепов Ю. П. 267
Алаторцева А. И. 4, 9, 20, 22, 27, 48, 49, 60, 165, 173, 278
Александра Федоровна 171
Алексеева Г. Д. 4, 7, 20, 27
Аленин Ф. Т. 86
Алимов А. А. 84
Алпатов М. А. 242
Альперович М. С. 13
Амбросенок П. М. 266
Анатольев П. И. 62, 73, 82, 165
Ангаров А. И. 82
Ангарский (Леонович) В. В. 113
Андич Е. Д. 85
Андреев Н. 262
Анисимов П. П. 267
Анненский Н. Ф. 106
Артамонов М. И. 240, 242
Архапгельский С. И. 72, 274
Арциховский А. В. 73
Астахов Г. А. 52
Ацаркин А. И. 73
- Бабеф Г. 256
Баевский Д. А. 35, 73, 75, 85, 187, 188, 266, 267
Баженов Л. В. 74, 85
Базилевич К. В. 247, 248
Бакунин М. А. 21, 113—118, 128
Балабанов М. С. 183
Бантке С. С. 74, 84, 85
Батурин (Замятин) Н. Н. 135, 164
Бахрушин С. В. 75, 240, 242, 247, 248, 252
- Белинский В. Г. 139, 258, 259
Берлинер Г. О. 112
Бернштейн Э. 115
Берхин И. Б. 172, 196
Бешкин Г. Я. 208
Бирюкович В. В. 231
Благоев Д. Н. 129, 130
Блюменталь И. И. 266
Бовыкин В. И. 141, 185
Богоявленский С. К. 75
Бондаревская Т. П. 145, 156
Бор-Раменский Е. Г. 270
Бочаров Ю. М. 62
Бровер И. М. 264, 265
Бубнов А. С. 47, 135, 161
Бур А. см. Эссен М. М.
Бурджалов Э. Н. 171, 268
Бухбиндер Н. А. 266
Бушуев С. К. 254, 259, 260
- Ваганов Ф. М. 29, 197
Вайнштейн О. Л. 13, 70, 75, 253, 275
Валк С. Н. 71, 75
Ванаг Н. Н. 59, 70, 186, 189—191, 193—195
Вандалковская М. Г. 257
Вандервельде Э. 206
Варшавчик М. А. 9, 30, 265
Васильев-Южин М. И. 147, 149
Васютинский А. М. 71, 80, 273
Васютинский В. А. 66, 73, 82, 274
Величко О. И. 143
Вермишечев И. Д. 204, 205
Викторов В. П. 80
Викторов И. Г. 268
Водолагин В. М. 180
Водолазов Г. Г. 263
Войтынский Н. 135
Волгин В. П. 66, 84, 231, 234, 255

- Волин Б. М. 77
 Волин М. С. 138, 159
 Волк С. С. 118
 Володин А. И. 114
 Воронцов В. В. 264
 Газганов Э. Я. 73, 124, 131—134, 246
 Гайсинович А. И. 73
 Гайстер А. И. 70, 150
 Галкин И. С. 13
 Галузо П. Г. 74, 84, 222
 Ганпчев И. А. 257, 263
 Гапоненко Л. С. 218
 Гасанов Г. М. 268
 Гегель Г. В. Ф. 259
 Гед Ж. 84
 Генкина Э. Б. 62, 73, 77, 120, 124, 125, 171, 229, 267
 Герцен А. И. 97, 108, 111, 121, 139, 256, 257
 Герчиков И. В. 105
 Гессен С. Я. 101
 Гильом Дж. 115
 Гильфердинг Р. 186, 192
 Гиндин В. 135
 Гиндин И. Ф. 190—194
 Гинев В. Н. 201
 Гитлер А. 42
 Годес М. С. 168
 Голиков Г. Н. 182
 Голуб П. А. 200
 Гольман М. Б. 187, 190, 191
 Горев Б. И. 106, 112, 113, 260
 Горин П. О. 21, 47—49, 55, 80, 88, 124, 142—146, 158—165, 178, 187—190, 224
 Горловский С. С. 80
 Городецкий Е. Н. 4, 8, 9, 11, 17, 77, 172, 196, 268
 Готье Ю. В. 75, 242, 244, 247, 248
 Гохберг И. К. 267
 Граве Б. Б. 183
 Грановский Е. Л. 193, 194
 Грацианский Н. П. 35, 50, 71, 75, 82
 Гребенкин К. Ф. 59, 62
 Греков Б. Д. 36, 50, 67, 75, 227, 244, 247—249
 Гриневиц Ю. П. 7
 Гуковский А. И. 35, 66, 268
 Гурко-Кряжин В. А. 20
 Гусев К. В. 152, 200
 Густинич Д. 243
 Далин В. М. 63, 74, 83
 Дауге П. Г. 270
 Дейч Л. Г. 130
 Демочкин Н. Н. 143, 144
 Державин Н. С. 75, 242, 243, 256, 257
 Джангириян В. Г. 115, 117
 Дитякин В. Т. 208
 Дмитренко С. Л. 11
 Дмитриев С. С. 9, 257
 Добролюбов Н. А. 254, 259, 260
 Добролюбский К. П. 75, 272
 Добротвор Н. М. 85, 220, 221
 Дорошенко В. А. 15, 20
 Дроздов П. С. 63, 77, 230
 Дружинин Н. М. 75
 Дубровский С. М. 142, 149, 150, 168, 266
 Дудзинская Е. А. 257, 258
 Дунаевский В. А. 13, 275
 Евгеньев-Максимов В. Е. см. Максимов В. Е.
 Егоров В. Г. 159
 Ерицян Х. А. 200
 Ерусалимский А. С. 73, 82
 Ерыкалов Е. Ф. 179, 210
 Ефимов А. В. 35, 73, 231, 246
 Жданов А. А. 65, 227, 229
 Желубовская Э. А. 77
 Завитневич И. П. 73, 82
 Зайдель Г. С. 80, 82
 Зародов К. И. 140
 Застенкер Н. Е. 74, 85
 Засулич В. И. 130
 Захарова М. С. 77, 241
 Захер Я. М. 80
 Завич И. С. 73, 75, 82
 Зевин В. Я. 107, 108
 Зеленский М. И. 73, 246
 Зельин К. К. 231, 232
 Зельцер В. З. 73
 Зильберфарб И. И. 273
 Зиновьев Г. В. 161, 180, 201, 214, 221
 Зоркий М. С. 59, 262
 Зутис Я. Я. 233, 244
 Зырянов П. Н. 13, 143, 155
 Иван III 250
 Иванов В. М. 11
 Иванов-Разумник Р. В. 106

- Иванова Л. В. 15, 20
 Игнатенко Т. А. 220
 Игрицкий Ю. И. 13, 176, 201
 Измаильская В. 254
 Иллерицкий В. Е. 17, 103, 108
 Ильин-Женевский А. Ф. 222
 Иоаннисян А. Р. 255, 256
 Иоффе Г. З. 143, 151, 153, 171
 Иоэльсон О. Ф. 50
 Итенберг Б. С. 257
- Кабакчиев Хр. 77, 243
 Кавеньяк Л. Э. 109
 Калинин М. И. 267
 Каменев Л. Б. 201, 214, 221
 Кан С. Б. 62, 75, 262
 Каракозов Д. В. 113
 Караколов Г. К. 243
 Кара-Мурза Г. С. 235
 Карл X 109
 Карякин Ю. Ф. 114
 Каутский К. 130, 184, 206
 Кецховели Л. 267
 Кизрин И. Г. 73, 82, 222
 Кин А. 254
 Кин Д. Я. 49, 73, 135, 181—183, 210
 Киров С. М. 65, 227, 229, 266, 270
 Кирпотин В. Я. 106, 112
 Кирюхина Е. И. 198
 Клевенский М. М. 113
 Ключева А. Д. 156
 Ключевский В. О. 133, 247
 Кнорин В. Г. 58
 Ковалев С. И. 232
 Ковальченко И. Д. 97, 257
 Козлов Ф. Ф. 273
 Козьмин Б. П. 70, 75, 113
 Колесниченко Д. А. 198
 Коллонтай А. М. 91
 Колосов Е. Е. 125
 Комаренко Н. В. 7
 Кон Ф. Я. 77, 104
 Корнилов А. А. 106
 Косвен М. О. 75
 Косминский Е. А. 8, 35, 36, 71, 75, 82, 227, 252, 275
 Костомаров Г. Д. 224
 Косульников А. П. 152
 Кравчук Н. А. 206
 Красин Ю. А. 140
 Крастынь Г. М. 80
 Кретов Ф. Д. 73, 112
- Кривошеина Е. П. 74, 77, 135, 164, 222
 Кривцов С. С. 135
 Крицман Л. Н. 187, 189, 190, 193, 196
 Кромвель О. 274
 Крумин Г. И. 74, 139
 Крупская Н. К. 104
 Кубанин М. И. 215, 216
 Кудрявцев А. Е. 77
 Кудрявцев И. И. 231, 235
 Куйбышев В. В. 270
 Кулаков А. А. 7
 Кун Бела 85
 Куниский С. Д. 35, 70, 82
 Кункль А. А. 113
 Кучма В. В. 200
 Кушнер (Кнышев) П. И. 51, 80
- Лавров П. Л. 139
 Лавровский В. М. 35, 77, 274
 Лебедев В. И. 247, 248, 252, 262
 Леванов Б. В. 152, 157
 Левин Ш. М. 113, 114
 Левин Б. В. 16
 Лейхтблау П. 271
 Лельчук В. С. 196
 Ленин В. И. 3—6, 8, 11, 13, 14, 20, 23, 61, 72, 85, 86, 88, 97, 98, 99, 103, 104, 107, 108, 111, 112, 116, 117, 119, 121—123, 127, 129, 135, 137, 138, 140, 141, 143—145, 148, 149, 151, 153—155, 158, 161—164, 167—169, 171, 172, 179, 180, 186, 188, 198, 200, 201, 206—214, 226, 252, 257, 258, 262, 264—267, 270, 271
 Ленчнер С. И. 52, 63, 262
 Лепешинский П. Н. 73, 138, 159
 Лессинг Ф. 109
 Лившиц С. И. 135
 Лидак О. А. 73, 204, 205, 215, 216, 222, 224
 Лильберн Д. 274
 Ломакин А. И. 74, 111, 112
 Лукин Н. М. 33, 34, 47, 49, 58—60, 62, 63, 65, 73, 77, 83, 84, 86, 89, 168, 169, 229, 235—239, 273
 Луначарский А. В. 104
 Лурье М. Л. 267
 Лурье Х. Г. 59, 262
 Луцкий Е. А. 48
 Любимов И. Н. 224

- Людовик XVIII 109
 Лященко П. И. 72, 75
 Мабли Г.-Б. де 255
 Мавродин В. В. 244
 Мазуренко Г. А. 198, 199
 Майер Эд. 273
 Майорский Н. 207, 208
 Максаков В. В. 73, 85
 Максимов А. А. 7
 Максимов В. Е. (псевд. Евгеньев-Максимов) 13, 259
 Малаховский В. Ф. 74, 125, 266
 Малинин В. А. 102, 124, 258
 Малышев А. И. 73, 246
 Мамет Л. П. 53, 70, 80, 103, 135
 Манандян Я. А. 75
 Мануильский Д. З. 73, 77
 Мауфред А. З. 85
 Маркс К. 36, 41, 51, 60, 86, 115, 117, 119, 153, 158, 168, 184, 251, 258, 259, 261, 262, 264, 271, 274
 Мартынов Е. И. 171
 Марушкин Б. И. 143, 151, 153, 171
 Маслин М. А. 120, 123, 124
 Маслов Н. Н. 7, 8
 Матвез А. 71, 273
 Машкин Н. А. 240
 Меерсон Г. Е. 50
 Меерсон О. Г. 80
 Мельчин А. И. 267
 Месин Ф. 184
 Мещеряков Н. Л. 258
 Милицына Т. В. 75
 Милль Д.-С. 109
 Мильман С. С. 98
 Мильштейн А. А. 270
 Милюков П. Н. 174—176
 Минц И. И. 49, 52, 60, 67, 73, 75, 131, 171, 172, 208, 223, 227, 236
 Мирошевский В. М. 77
 Мирский Э. см. Фрунзе М. В.
 Миско М. В. 60, 85
 Михайлов М. И. 117
 Михайлов Н. К. 135
 Михайлов С. 118
 Михайловский Н. К. 139
 Мицкевич С. И. 97, 124
 Мицкун Н. И. 271
 Мишле Ж. 273
 Мишулин А. В. 227
 Могильницкий Б. Г. 9
 Молок А. И. 36, 75, 80, 82, 271
 Молотов В. М. 267
 Моносов С. М. 47—49, 52, 77, 82
 Мор Т. 250, 256
 Морозов Н. А. 113
 Мороховец Е. А. 35, 82, 113, 116—118, 202, 240
 Мосипа З. В. 67, 231, 233, 250, 251
 Москалев М. А. 267
 Мэдж 274
 Нарочницкий А. Л. 9, 15
 Наумов В. П. 172
 Невский В. И. 17, 47, 73, 77, 82, 121, 123, 129, 130, 135—137, 164, 222
 Неядлы З. 77, 243
 Нетлау М. 115
 Неусыхин А. И. 52
 Нечаев С. Г. 114, 128
 Нечкина М. В. 8, 9, 75, 82, 96—102, 104—106, 110—112, 118, 227
 Никифоров В. Н. 13
 Николаев Е. С. 74
 Николай II 171
 Никольский Н. М. 227
 Новикова Н. Н. 97, 104
 Новосельский А. П. 249
 Носов А. П. 7
 Нотович Ф. И. 66, 67
 Окороков А. З. 6
 Олар А. 273
 Орджоникидзе Г. К. 267
 Орлик О. В. 257
 Орлов В. И. 48, 88
 Осипов К. (Куперман И. М.) 267
 Осипова Т. В. 17, 198, 202, 204
 Оуэн Р. 256
 Павлов А. Т. 258
 Павлов-Сильванский Н. П. 101
 Павлович-Вельтман М. П. 20, 47, 70, 73, 80, 101, 142
 Пажитнов К. А. 106
 Панкратова А. М. 21, 59, 63, 73, 75, 219
 Панкратова М. Г. 143
 Пантин И. К. 131
 Парадизов П. П. 62
 Пастухов М. Н. 224
 Пашуканис Е. Б. 89
 Пашуто В. Т. 249
 Пестель П. И. 81, 98
 Петр I 64
 Петров А. П. 193, 206, 210

- Петрушевский Д. М. 52
 Петряев К. Д. 9
 Пягулевская Н. В. 77
 Пионтковский С. А. 80, 147, 171, 196
 Писарев Д. И. 260
 Пичета В. И. 50, 72, 75, 242—244
 Плеханов Г. В. 107, 108, 112, 113, 122, 123, 128—134, 148, 153, 156, 157, 179, 253, 263, 264, 265
 Плимак Е. Г. 114
 Подвойский Н. И. 77, 268
 Покровский М. Н. 15, 17, 20, 22, 47, 49, 54, 55, 58, 64, 65, 71—73, 77, 78, 83, 84, 89, 91, 95, 97, 98, 100—102, 104, 106, 110, 111, 120, 126, 135, 142, 147—149, 151, 161, 164, 173—176, 178—180, 183, 185, 187, 189, 190, 193, 228, 236, 248, 252, 253, 268, 269
 Полонский В. П. 47, 48, 80, 114—118
 Попов А. Д. 35, 80, 167
 Попов К. А. 207, 208
 Попов Н. Н. 84
 Поршнева Б. Ф. 77, 251, 254, 272
 Поспелов П. Н. 11
 Потап М. А. 120, 124, 125
 Потемкин В. П. 35
 Потемкин Ф. В. 36
 Предтеченский А. В. 72
 Преображенский А. А. 17
 Преображенский В. Д. 71
 Преображенский П. Ф. 71, 72, 82
 Пресняков А. Е. 72, 82, 247
 Пригожин А. Г. 246
 Пригоровский Г. М. 72, 82
 Приселков М. Д. 75, 244, 248
 Пушкарева И. М. 170
 Пятницкий О. А. 36, 77, 223, 268
 Рабинович С. Е. 171, 222
 Радищев А. Н. 139, 254
 Разгон И. М. 266, 268
 Райский Л. Г. 74, 102, 103
 Рахметов В. Н. 134, 196
 Резников Л. 222
 Рейхберг Г. Е. 75
 Робеспьер М. 273
 Родзянко М. В. 171
 Рожков Н. А. 103, 145, 177—179
 Романов Б. А. 72
 Романовский Н. В. 143, 151, 153, 171
 Ронин С. Л. 186, 187, 189, 190, 193, 211, 217
 Ростовский С. Н. 67, 68
 Ротштейн Ф. А. 53, 73, 84, 224
 Ру Ж. 82
 Рубан Н. В. 182, 211
 Рубач М. А. 208, 211, 215
 Рубинштейн Е. И. 74, 75, 86, 240, 262, 263
 Рубинштейн Н. Л. 70, 231, 248
 Рубинштейн Н. Л. 73, 171, 223
 Рубцов Б. К. 34, 67, 74
 Рудаш В. В. 80, 142
 Рудницкая Е. Л. 258
 Русанов Н. С. 106
 Руссо Ж.-Ж. 254, 255
 Рыклин Л. И. 85
 Рыым Ф. 262
 Рындич А. Ф. 73, 124, 125
 Рябов Н. И. 267
 Савельев (Ветров) М. А. 73, 121, 138
 Сазонов С. Д. 171
 Салов В. И. 13, 128, 184
 Саркисов Н. А. 268
 Сахаров А. М. 8, 9, 15, 22
 Свердлов Я. М. 16, 71, 80
 Сверчков Д. Ф. 144, 145
 Седов М. Г. 118
 Селунская В. М. 17
 Семевский В. И. 101, 103
 Семенников В. П. 171
 Семенов В. Ф. 233, 274
 Сен-Симон К. А. 254, 256
 Сергеев В. С. 71, 75, 184, 231, 232
 Сергеевский Н. Л. 129, 130
 Сеф С. Е. 21, 59, 73, 150, 171, 200
 Сивков К. В. 75
 Сиволопова Г. Ф. 204
 Сидоров А. Л. 35, 67, 74, 75, 86, 185, 187, 189, 190—192, 231, 235, 252, 266, 269
 Сидоров К. Ф. 74, 161, 187
 Спротинский С. А. 267
 Скакин С. Д. 35, 75, 251, 262, 271, 272
 Скворцов-Степанов И. И. 111
 Скубицкий Т. Т. 73
 Сламихин Н. А. 11
 Слепков А. Н. 253
 Смирин М. М. 233, 262
 Смирнов А. Ф. 17
 Смирнов И. С. 4

- Смирнов П. П. 249
Соболева П. И. 200
Соколов О. Д. 15, 20, 102, 110, 111, 228
Соловьев М. Е. 171
Соловьев С. М. 133
Спирии Л. М. 30, 200, 265
Сталин И. В. 30, 56, 58, 58, 65, 227, 229, 252, 262, 265, 266, 267
Стальной В. Х. (В. А.) 73
Старосельский Я. В. 273
Стеклов (Невзоров) Ю. М. 70, 73, 106—108, 112, 114, 115, 117, 118
Степанов З. В. 172
Степанова Е. А. 262
Стоклицкая-Терешкович В. В. 35, 73
Столыпин П. А. 252
Стопалов Г. М. 74, 130, 131
Струве В. В. 232
Струве П. Б. 121, 175
Суханов (Гиммер) Н. Н. 179
- Тайлер У. 52
Тараманов В. Д. 7
Тарле Е. В. 36, 72, 82, 272
Тарновский К. Н. 185
Татаров И. Л. 49, 55, 89, 120, 121, 125—128, 165
Твардовская В. А. 118
Теодорович И. А. 119—122, 124—127
Тихомиров Б. Н. 73, 85
Тихомиров Л. А. 113
Тихомиров М. Н. 247, 248
Ткачев П. Н. 128, 139
Толстов С. П. 242
Томпсон 273
Томсинский С. Г. 80, 175—178, 183
Трапезников С. П. 213
Троцкий И. М. 112
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 133, 143, 144, 149, 155—157, 161, 162, 179, 180, 182, 201
Тюменев А. И. 73
Тютюкин С. В. 17
- Угаров И. Ф. 142, 164
Удальцов А. Д. 262
Удальцова З. В. 13
Ульянов А. И. 113
Урд С. 273
Ученова В. В. 7
- Фейербах Л. 259
Филатов В. П. 143
Финн-Епотаевский А. Ю. 188, 192
Фогт К. 262
Фрейберг Н. П. 73, 82
Фрейдлин Б. М. 219, 220
Фрелих П. 52, 70, 224
Фридланд Г. С. (Фридланд Ц.) 21, 47—49, 63, 80, 83, 88, 98, 124, 261
Фролов И. В. 62, 63, 254
Фрунзе М. В. (псевд. Мирский) 76, 267
Фурье Ш. 254, 256
- Хвостов В. М. 35, 66, 73, 82, 234
Херсонская Е. П. 147
Холмогорцев П. К. 231
- Цвибак М. М. 222
Цимбаев Н. И. 258
- Чаадаева О. Н. 224
Чарушин Н. А. 113
Ченцов Н. М. 100
Черешнин Л. В. 11, 249
Чернов В. М. 176
Черномордик (Ларионов) С. И. 73, 146, 147, 149
Чернышевский Н. Г. 21, 26, 104—114, 121, 254, 258, 259, 263
Черных А. Г. 172
Чернявский Е. 266
Черняк Е. Б. 143
Чулков Г. И. 101
- Шебунин А. Н. 113
Шекун О. А. 266
Шелохаев В. В. 13, 143, 155
Шельдышев Э. М. 7
Шелюбский А. П. 267
Шестаков А. В. 17, 21, 23, 35, 47, 48, 49, 53, 55, 73, 75, 79, 80, 83, 87, 89, 131, 142, 147—149, 161, 163, 167, 168, 173, 198—205, 211—215, 224, 230, 249, 252
Шидловский Г. Л. 144
Шляпников А. Г. 181—183
Шмелев А. Н. 11
Шмидт С. О. 8
Шовкринский Ю. 139
Штейнберг И. З. 176
Штраух А. П. 48—50, 99, 112
Штуссер А. И. 52

Шульгин В. Н. 258, 260, 261
Шумилов М. Н. 205

Щеголев П. П. 82

Эггерт Э. К. 240

Эйдеман Р. К. 223

Эльвов Н. Н. 207

Энгельс Ф. 41, 51, 60, 86, 116, 119,
158, 168, 251, 258, 261, 262, 264,
271, 274

Эссен М. М. (псевд. А. Бур) 125

Эшли 274

Югов М. С. 73, 124, 218, 219, 223,
224

Юдовский В. Г. 208

Юшков С. В. 75, 247, 248

Яворский М. И. 100

Яковлев Н. Н. 142, 164

Яковлев Н. Ф. 72

Яковлев Я. А. 203, 204, 219

Якушевский И. Т. 13, 43, 153, 188,
208

Янус (библ.) 196

Ярославский Е. М. (Ярослав-
ский Ем.) 17, 47, 49, 59, 65, 67,
68, 70, 73, 75, 120, 124, 135, 139,
142, 153—160, 162, 163, 165, 259,
261, 265, 266, 270, 271

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I	
СОЗДАНИЕ ЖУРНАЛА. ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ НАУЧНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ	18
Журнал — орган Общества историков-марксистов и Института истории	18
Структура журнала и основные направления деятельности	37
Деятельность редколлегии	47
Авторский состав журнала	69
Взаимоотношения журнала с научными учреждениями и периодическими изданиями	78
Издательская база журнала, его читатели, распространение.	87
Глава II	
ЖУРНАЛ «ИСТОРИК-МАРКСИСТ» В БОРЬБЕ ЗА УТВЕРЖДЕНИЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА (вторая половина 20-х — первая половина 30-х годов)	96
Освещение в журнале этапов русского революционного движения XIX — начала XX в.	96
Проблемы трех российских революций на страницах журнала.	140
Глава III	
УЧАСТИЕ ЖУРНАЛА «ИСТОРИК-МАРКСИСТ» В РЕШЕНИИ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (вторая половина 30-х — начало 40-х годов)	225
Создание учебников и обобщающих работ — важнейшая задача советской исторической науки	225
Методологические вопросы развития советской исторической науки на страницах журнала	245
Заключение	276
Указатель имен	280
	287

Алевтина Ивановна Алаторцева

ЖУРНАЛ

«ИСТОРИК-МАРКСИСТ»

1926—1941 гг.

Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР

Редактор издательства Г. И. Рыкова
Художник Г. Н. Губанов
Художественный редактор И. В. Разина
Технический редактор С. Г. Тихомирова
Корректоры Ю. Л. Косорыгин, Г. М. Котлова

ИБ № 15139

Сдано в набор 06.04.79.
Подписано к печати 14.09.79.
Т-11499. Формат 84×108¹/₃₂
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 15,1. Уч.-изд. л. 16,6
Тираж 1950 экз. Тип. зак. 1816
Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

47000

~~2 р. 20 к.~~

«ЖУРНАЛ СТАВИТ СВОЕЙ ЗАДАЧЕЙ ДАТЬ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКУЮ РАЗРАБОТКУ КОНКРЕТНЫХ ВОПРОСОВ ИСТОРИИ РАЗЛИЧНЫХ ЭПОХ, ЕЕ МЕТОДОЛОГИИ, ВОПРОСОВ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВУЗАХ НА ОСНОВЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК ВКП(б) И СНК СССР О ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ; ОСВЕЩАТЬ ИСТОРИЮ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ И КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА, ИСТОРИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР; ВЕСТИ БОРЬБУ ЗА БОЛЬШЕВИСТСКУЮ ПАРТИЙНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ, ПРОТИВ ВСЕХ ИЗВРАЩЕНИЙ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ».

(«Историк-марксист», 1937, № 2)

А.И.АЛАТОРЦЕВА

Журнал „ИСТОРИК - МАРКСИСТ“